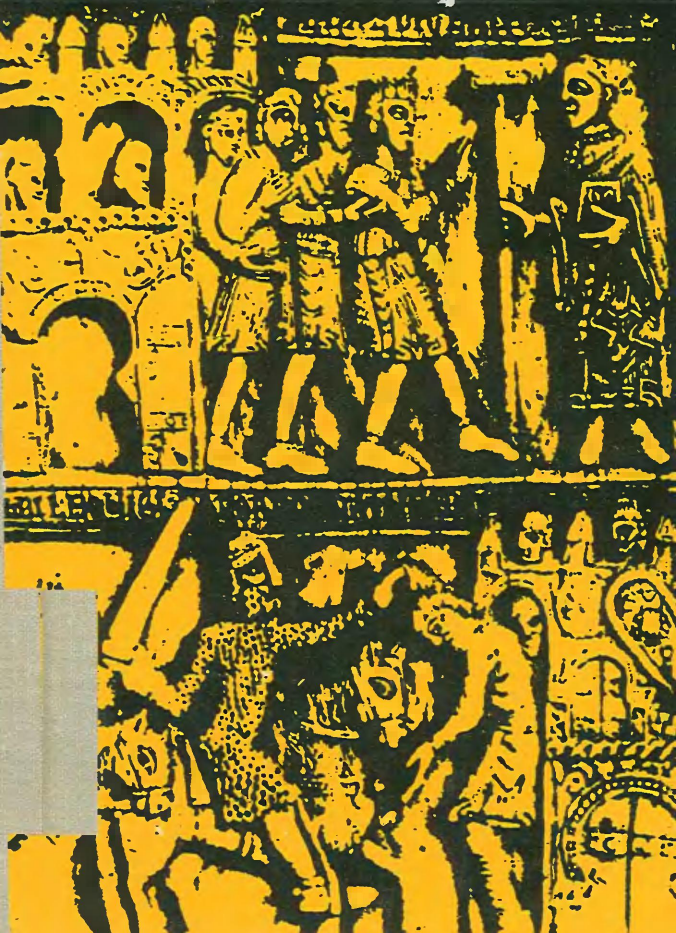

А. Р. Корсунский

История Испании IX—XIII веков

А. Р. Корсунский

История Испании IX–XIII веков

(Социально-экономические отношения
и политический строй
Астуро-Леонского и Леоно-Кастильского
королевства)

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1976

Рецензенты:

Кафедра всеобщей истории Горьковского государственного университета; профессор *Курбатов Г. Л.*

Рекомендовано Министерством высшего и среднего специального образования СССР для использования в учебном процессе студентами исторических факультетов университетов и педагогических институтов.

Корсунский А. Р.

К69 История Испании IX—XIII веков (Социально-экономические отношения и политический строй Астури-Леонского и Леона-Кастильского королевства). Учеб. пособие. М., «Выш. школа», 1976.
239 с.

В книге освещается история социально-экономических отношений и политического строя Астурии, Леона и Кастилии в IX—XIII вв., рассматриваются историческая судьба Пиренейского полуострова и проблема генезиса феодализма в Испании на фоне общеевропейского развития.

К $\frac{10603-362}{001(01)-76}$ 25—76

9(М)1

Задачей данного пособия является рассмотрение основных черт исторического развития Леона и Кастилии в IX—XIII вв. Объектами изучения служат характер материального производства и формы земельной собственности, социальная структура, прежде всего становление антагонистических классов зависимых крестьян и крупных землевладельцев, а также социальных слоев мелких земельных собственников, ремесленников и купцов; сельская община, крупная вотчина, этапы развития города, эволюция государства; классовая борьба крестьян и горожан против сеньоров. Выяснение этих узловых проблем должно служить обоснованием для ответа на давно обсуждающийся вопрос о характере общественного строя Леона и Кастилии. Существенное значение для решения такой проблемы и для определения общего и особенного, присущего развитию испанского общества, имеет также освещение характера внутриклассовых связей и организаций господствующего класса. Поэтому кратко характеризуются бенефициально-вассальные отношения и военные ордена.

В работе рассматривается развитие Астури-Леонского и Леоно-Кастильского королевств с VIII по XIII в. После крушения Вестготского королевства и завоевания полуострова маврами своеобразие социального характера различных провинций Испании, в том числе Астурии, Галисии, Леона и Кастилии, определялось Реконкистой, самостоятельным освобождением от мусульманского владычества. Реконкиста в основном завершилась к концу XIII в. К этому времени у мавров было отвоевано $\frac{9}{10}$ территории полуострова. Социальный строй, сложившийся в Леоно-Кастильском королевстве, в XIII в. был распространен на большую часть полуострова. Предваряя результаты последующего изучения затронутых вопросов, отметим, что, по нашему мнению, VIII—X вв. — это еще раннефеодальный период для Астури-Леонского королевства; XI—XIII вв. для Леоно-Кастильского королевства — период сложившегося феода-

лизма, хотя и на этом этапе в различных частях королевства некоторые стороны феодального строя были развиты слабее, чем в стране, являвшейся «средоточием феодализма» в Европе — во Франции¹.

Своеобразие Леоно-Кастильского королевства не может быть полностью раскрыто, если мы не учтем особенностей исторического развития Испании в предшествующую эпоху. Поэтому введение в пособие содержит сжатый очерк истории римской, готской и мусульманской Испании.

Процессы экономического и политического развития леоно-кастильского общества не могут рассматриваться в отрыве от основных фактов политической истории, без учета изменявшейся территориальной и демографической базы всех этих процессов. Во введение включен краткий обзор основных событий политической истории как Леона и Кастилии, так и соседних христианских государств полуострова, а также главных этапов Реконкисты. И наконец, нельзя было не учитывать значительного влияния географических свойств и этнической структуры страны на ее экономическое и политическое развитие. Как писал К. Маркс, местная жизнь Испании, независимость ее провинций и коммун, отсутствие единообразия в развитии общества были первоначально обусловлены географическим обликом страны². Во введении дается краткая характеристика природных условий и демографической эволюции Пиренейского полуострова.

При подготовке пособия были использованы разнообразные источники: хроники, анналы, хозяйственные памятники — картулярии ряда монастырей, «Телячья книга бегетрий» (опись прав и повинностей крестьян бегетрий XIV в.), муниципальные фуэрос и законодательные сборники территориального характера и др. В пособии учтен также большой материал, собранный в специальных трудах как советских, так и зарубежных медиевистов.

¹ Отрывочность источников о социальных отношениях в Астурии в VIII в. заставляет лишь кратко коснуться этого периода, сосредоточив основное внимание на IX—XIII вв.

² См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 10, с. 432.

1. ПРОБЛЕМА ИСПАНСКОГО ФЕОДАЛИЗМА

Испанский феодализм стал спорной проблемой в исторической литературе еще в XIX в. Так, Антонио де ла Эскосура и Хевия в своей работе¹, опубликованной в 1856 г., полемизируя с испанскими историками, в частности с Ф. Мартинесом, отрицавшими существование феодализма на Пиренейском полуострове, доказывали, что Кастилия не являлась исключением в средневековой Европе.

Сторонниками факта существования феодализма в Испании, в частности в Леоне и Кастилии, были также испанские историки XIX в. Ф. Карденас², Т. Муньос-и-Ромеро³.

В нынешнее время в пользу тезиса о наличии феодализма в Астурии, Леоне и Кастилии в средние века высказывались такие историки, как А. Баллестерос⁴, А. Феррари⁵.

Но большинство исследователей отрицали феодальный характер испанского общества в средние века, в частности русские ученые В. К. Пискорский, М. М. Ковалевский и испанский историк Р. Альтамира. В настоящее время такую же позицию занимают известные испанские медиевисты К. Санчес-Альборнос, Л. Вальдеавелльяно, Х. М. Лаккара.

Полемика касается главным образом тех черт политической структуры, которые в буржуазной историографии считаются главными признаками феодализма. Критерием его возникновения служит степень развития институтов частной власти магнатов над населением соответствующих территорий, наличие сложившихся вассально-ленных отношений, феодализация государственного аппарата. Так, например, доказывая феодальный

¹ См.: *A. de la Escosura y Hevia. Juicio crítico del feudalismo en España y de su influencia en el estado social y político de la nación.* Madrid, 1856.

² См.: *Cárdenas F. Ensayo sobre la historia de la propiedad territorial en España*, t. I—II. Madrid, 1873—1875.

³ См.: *Muñoz y Romero T. Colección de Fueros municipales y cartas-pueblas de los reinos de Castilla, León, Corona de Aragón y Navarra*, t. I. Madrid, 1847.

⁴ См.: *Ballesteros y Beretta A. Historia de España y su influencia en la Historia Universal*, t. I—II. Barcelona, 1940.

⁵ См.: *Ferrari A. Castilla dividida en dominios segun el Libro de las Behetrías.* Madrid, 1958; *Ferrari A. «Beneficium» y Behetría.* Boletín de la Real Academia de la Historia, t. CLIX, 1966.

характер астура-леонского и кастильского общества, А. Баллестерос отмечал, что уже для Астура-Леонского королевства характерно дробление суверенитета, наличие иммунитетов, иерархический характер связи между королем и государственными должностными лицами. Правители отдельных областей становились фактически независимыми от королевской власти. В XI в. французское влияние в Кастилии ускорило развитие феодальных отношений. Распространились феодальные институты общеевропейского типа — предоставление ленов, вассальная присяга, европейские феодальные титулы (бароны и др.). Особенности феодализма в Испании, связанными с Реконкистой, являются перевес духовенства в обществе и сила муниципального строя, а также отсутствие обязательной связи земельных пожалований с несением военной службы.

Противники указанной точки зрения отрицают наличие тех же институтов или их достаточное развитие. В. К. Пискорский в свое время писал: «Мы не замечаем в Леоне и Кастилии главного отличительного признака феодализма, именно отчуждения прав суверенитета и верховной юрисдикции в пользу аристократии»¹. К. Санчес-Альборнос, крупнейший специалист по испанскому раннему средневековью, подобно многим другим зарубежным медиэвистам, в своем решении указанной проблемы исходит из формально-юридической концепции феодализма. Он различает феодальный режим, который, по его мнению, относится к личностным отношениям (т. е. прежде всего к вассально-ленным отношениям), и сеньориальный режим. Последний определяется как право сеньора осуществлять частную власть, юрисдикцию на определенной территории. Сеньориальный режим, как полагает испанский историк, достиг в Леоне и Кастилии достаточно высокого уровня развития. Но феодальный режим не созрел. Бенефиции и вассальные отношения существовали в Леоне и Кастилии лишь в ограниченных размерах².

Сходные взгляды высказывает другой известный испанский историк Л. Вальдеавелльяно. По его мнению,

¹ Пискорский В. К. История Испании и Португалии. СПб., 1902, с. 62.

² См.: *Sánchez-Albornoz C. España — un enigma histórico*, t. I—II. Buenos-Aires, 1957.

на большей части территории страны феодальные институты не достигли полного развития, их проявления не оказывали взаимного воздействия и поэтому не повлияли существенно на основы политической и социальной структуры. Ограниченность феодальных элементов, как полагает Л. Вальдеавелльяно, проявилась в следующем: вассалитет и бенефиций не всегда были взаимно связаны; феоды остались изолированным явлением; иммунитеты были неполными и прерогативы короны редко передавались сеньорам; публичные функции лишь частично феодализировались; наконец, «феодальный режим» здесь не слился с «сеньориальным режимом», как по ту сторону Пиренеев; не произошло инфеодации сеньорий.

Созреванию феодализма в Испании, по мнению выше указанных историков, помешал ряд особенностей исторического развития страны в средние века. В период IX—X вв. Астури-Леонское королевство находилось на «предфеодальной» стадии. Но Реконкиста воспрепятствовала упрочению феодальных элементов. Воздействие конкисты и Реконкисты выразилось в том, что в астури-леонском обществе был весьма высок удельный вес свободного крестьянства, а сеньории оказались немногочисленными. Монархия здесь была сильна, и она не нуждалась в такой же степени, как королевства Западной Европы, в рыцарях-бенефициариях, ибо могла опереться на крестьянское ополчение.

В XI—XII вв. в Испании усилились тенденции к феодальному развитию в результате более тесного контакта с Францией, но, как считают названные ученые, подлинный феодализм не сложился.

Экономические отношения эпохи учитываются указанными исследователями постольку, поскольку они оказывают известное влияние на главные, с их точки зрения, факторы феодализации. Так, отмечая значительную роль свободного крестьянства в Кастилии. К. Санчес-Альборнос и его последователи видят в этом одну из важных причин сохранения королевской властью независимости по отношению к магнатам. Вопрос же о социальной сущности испанского государства эпохи раннего средневековья, о связи его с экономическим строем страны ими фактически не исследуется. Правда, в последнее время испанский исследователь С. Мохо критикует господствующую в испанской медиевистике

концепцию кастильского средневековья. Он отмечает, что нельзя применять лишь чисто юридический критерий так же, впрочем, как и применяемый историками-марксистами экономический критерий. По его мнению, можно говорить о наличии в Кастилии «феодального климата». Феодалное общество имело свою опору в сеньории. Знать была большей частью связана вассальными узами. Сеньорам принадлежала и публичная власть. С. Мохо полагает, что нужно признать такие особенности испанского феодализма, как неполное слияние института феода и вассалитета, отсутствие синхронности с развитием феодализма на Западе (феодализм созрел в Кастилии тогда, когда во Франции наступал уже его закат). Феодалное государство не сложилось. Но некоторые характерные черты феодализма, по его мнению, присущи Кастилии¹.

В советской историографии специальные исследования проблемы испанского феодализма отсутствуют. История Астурии, Леона и Кастилии в эпоху средневековья освещена лишь в ряде статей, в которых рассматриваются отдельные вопросы социально-экономических отношений в указанных странах. В общих трудах советских медиевистов, в научно-популярной книге А. Е. Кудрявцева², в главах, посвященных Испании, в университетских курсах истории западноевропейского средневековья и во «Всемирной истории», написанных Е. А. Косминским, С. Д. Сказкиным и А. И. Неусыхиним, не высказывается сомнений в феодальном характере Астури-Леонского королевства и Кастилии. Но социальный строй данных стран и его своеобразие в этих работах обстоятельно не рассматриваются.

Указанная проблема может быть решена лишь на основе дальнейшей исследовательской работы. Тот бесспорный факт, что типичный путь развития средневековой Европы был феодальный, не дает оснований априори считать любую европейскую страну этой эпохи феодальной. Не вызывает сомнений и тот факт, что в характере исторического развития стран Западной Евро-

¹ См.: S. de Moxó. Feudalismo europeo y feudalismo español. — «Hispania», 1964, N 93, p. 130—132; S. de Moxó. Sociedad estado y feudalismo. Revista de la Universidad de Madrid, I, v. XX, N 78, 1971.

² См.: Кудрявцев А. Е. Испания в средние века. Л., 1937.

пы, с одной стороны, Леона и Кастилии — с другой, были существенные отличия.

Следует ли рассматривать эти расхождения как своеобразие испанского феодализма или как нефеодалыный характер общественного строя названных испанских государств? Этот вопрос, который может быть решен лишь в результате критической оценки всего материала, накопленного медиевистикой о социальном и политическом строе испанских средневековых государств.

Анализируя эти данные, мы естественно будем исходить из концепции, присущей теории исторического материализма. Эта концепция, как известно, коренным образом отличается от той, которую принимает за эталон феодализма большинство зарубежных медиевистов. Политический и государственный строй и система связей внутри господствующего класса, несомненно имеют важное значение для определения характера общественной системы. Но основным критерием решения указанного вопроса для ученых-марксистов являются экономические отношения данного общества, господствующая форма собственности, характер классовой структуры в целом.

2. ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ

Испания занимает самый большой полуостров Европы — Пиренейский. Полуостров выделяется своим крайне западным положением в Европе — он находится на кратчайшем морском пути, связывающем Европу с Америкой, — и сильно выдвинут на юг. От Африки Испания отделена лишь Гибралтарским проливом шириной в 12 км, что сыграло ощутимую роль для Испании во втором десятилетии VIII в., когда началась конкиста — завоевание страны арабами, переправившимися сюда из Северной Африки.

Характерной особенностью Испании является горный рельеф. В этом отношении Испания уступает в Европе лишь Швейцарии. Около $\frac{9}{10}$ поверхности страны — это горы и плоскогорья. Самое обширное в Европе плоскогорье — Месета занимает центральные и западные области полуострова. Наиболее значительные горные цепи — Пиренеи, отделяющие Испанию от Франции; Кан-

табрийские горы на северной окраине Месеты; Центральная Кордильера (Кастильские горы), которая делит Месету на две части: северную — Старо-Кастильское плоскогорье и южную — Ново-Кастильское плоскогорье; Иберийские горы, ограничивающие Месету с востока; Андалузские (Бетские) горы, отделенные рекой Хукар от Иберийских гор. Две главные цепи Каталонских гор, береговая и внутренняя, тянутся параллельно берегу Средиземного моря, разделенные широкой Каталонской долиной.

Низменности занимают немногим более одной десятой части территории страны. На северо-востоке между Пиренейскими, Иберийскими и Каталонскими горами (бассейн р. Эбро) находится Арагонская низменность. на юге полуострова, между Андалузскими горами и горами Сьерра-Морена (южный край Месеты), — Андалузская низменность. На средиземноморском побережье — узкие Валенсийская и Мурсийская низменности; на западе полуострова — Южно-Португальская низменность, отделенная от Атлантического побережья Альгарвскими горами.

Хотя большая часть полуострова окружена морем, берега его мало изрезаны, глубоких внедрений моря в сушу нет. Внутренние части полуострова отдалены от моря на значительное расстояние (до 400 км), что сообщает им континентальный характер.

Из наиболее крупных рек Испании только одна (Эбро) впадает в Средиземное море, остальные (Дуэро, Тахо, Гвадиана, Гвадалквивир) отдают свои воды Атлантическому океану. Из этих рек судоходен лишь Гвадалквивир в своих низовьях.

Естественные условия в Испании не были благоприятны для коммуникаций внутри страны и создания обширных исторических регионов. Природные области в эпоху средневековья совпадали здесь с историческими политическими регионами. Так, в северной части Месеты были расположены Леон и Старая Кастилия, в южной — Новая Кастилия и Эстремадура, в Арагонской равнине — Арагон, на северо-западе полуострова, на территории Галисийского массива, — Галисия и т. д.

Климат в Испании в целом субтропический, средиземноморский, но различия между отдельными зонами полуострова в климатических условиях существенны. В северных областях страны (Галисия, Астурия, Бис-

кайя) — ровный морской климат с мягкими зимами и нежарким летом. Здесь — частые и обильные осадки. Это так называемая «влажная Испания» (*Iberia humida*). В остальной же части страны (около двух третей ее поверхности), к югу от Кантабрийских гор, количество осадков невелико (в центральной, восточной и южной части полуострова среднее количество осадков ниже, чем минимальное количество осадков на равнинах Европы). Для внутренних частей Испании (особенно для Месеты) характерны резкие контрасты между высокими летними (до $+40^{\circ}$) и довольно низкими зимними температурами (до -25°). В данной части полуострова, именуемой «сухой» Испанией (*Iberia seca*), часты засухи (особенно в Кастилии, Андалузии, Валенсии).

Наиболее распространенные в Испании почвы — буроземы и красноземы. На севере страны — влажные, лесные буроземы, в «сухой» Испании — красноземные почвы, но на значительной части Месеты — малоплодородные скелетные каменистые почвы.

Основные культуры сельского хозяйства Испании — это зерновые, виноград и оливки. На равнинах и плоскогорьях основную часть площади занимают зерновые. Главная зона их возделывания — территория от севера и до линии Тахо. Пшеница, культивируемая на больших пространствах Месеты, в низменности Эбро и долине Гвадалквивира, идет на хлеб; ячмень — на корм скоту. В горах сеют рожь. Главные районы виноградарства — юг полуострова, долина Эбро и Левант; зона оливководства — тоже на юге (не пересекала северных границ Новой Кастилии — но достигала на востоке долины Эбро, а на западе — юга Галисии).

В Испании издавна широко распространено скотоводство, составлявшее для жителей засушливых районов основу существования. Главное место занимало овцеводство. В гористых местностях внутренней Испании и на Атлантическом побережье значительную роль играло разведение крупного рогатого скота.

Географические условия повлияли на типы поселений в различных зонах. Так, например, в горных местностях Астурии, Галисии, Кантабрии, Басконии, где было достаточно воды и особенно развито в эпоху раннего средневековья скотоводство, преобладали отдельные виллы или дворы; на равнинах, где главную роль в хозяйстве играло земледелие и население концентри-

ровалось близ источников воды, господствовала система поселения деревнями¹.

Испания богата ископаемыми. Наличие железных руд уже в VII в. до н. э. способствовало изготовлению и употреблению железных орудий. С античных времен добывались золото, серебро, медь и свинец.

В общем природные условия на полуострове были менее благоприятными для роста производства, в частности для интенсивного земледелия, чем в некоторых других регионах Европы, но не препятствовали достижению такого уровня производства, который необходим для формирования рабовладельческой системы в ее античной форме и для возникновения феодальных отношений. Они обеспечивали возможность появления экстенсивного животноводства, а также развитого земледелия и промыслов.

3. ФОРМИРОВАНИЕ НАРОДОВ ИСПАНИИ

Древнейшими поселенцами на полуострове были иберы. Затем сюда проникли кельты, которые частично слились с иберами, образовав народ, получивший наименование кельтиберов. Вопрос о времени проникновения кельтов в Испанию остается спорным; считают, что это произошло в VI—IV вв. до н. э. или даже еще раньше. Кельты остались преобладающим этническим элементом в северных областях полуострова — в Галисии и долине Дуэро. В горных районах восточной Месеты кельты или кельтизированные индоевропейцы смешались с иберами.

Кельтизация полуострова сказалась даже на юге, где, по сообщениям финикийцев и греков, было основано древнейшее в этой стране политическое образование — Тартесс.

В конце 2-го тысячелетия до н. э. в Испании осуществляют колонизацию финикийцы. В VII в. до н. э. начинаются торговые сношения между греками и народами Испании. Финикийские и греческие колонии в Испании имели известное культурное влияние на ее жителей, но не оказали существенного влияния на антро-

¹ См.: *Valdeavellano L. G. de. Historia de España*, t. I. Madrid, 1968, p. 499.

пологическую структуру населения. То же самое можно сказать о карфагенянах, начавших завоевание полуострова в III в. до н. э.

В конце III в. до н. э. на территорию Испании вступили римляне. В процессе завоевания страны и после превращения ее в римскую провинцию они основывали здесь свои колонии и города. В результате завоевания, колонизации и включения страны в состав римского государства произошли романизация Испании и ассимиляция местного населения.

В V в. после завоевания полуострова варварами он пополнился германскими элементами. Основную роль в этом сыграли вестготы, осевшие главным образом в Старой Кастилии, в Наварре и Риоха, и свевы, обосновавшиеся на западе полуострова, в Лузитании и Галисии. Готы составляли, однако, не более 3—4% от общей массы населения полуострова. Еще меньше было свевов.

В начале VIII в. в результате мусульманского завоевания на полуостров проникли новые этнические слои. Они так же, как и германские племена, были немногочисленны. Их количество в первые годы конкисты не превышало 35 тыс. человек. Завоеватели не были однородны по этническому составу: наряду с арабами в их войско входили сирийцы, а также берберы, именуемые в латинских текстах маврами (mauri).

В XII—XIII вв. после вторжения альморавидов (племени из Сахары), а позднее — альмохадов (из марокканского Атласа) в стране возрос африканский этнический элемент. Ни берберы, ни арабы не осели в значительном количестве на севере Месеты. В основном они сосредоточились вдоль линии Тахо. Арабы, прибывшие в Испанию, происходили из разных племен и родов и нередко были разъединены родовой враждой. Берберы, будучи издавна скотоводами, поселились в горных районах страны. Мусульманские пришельцы существенно не повлияли на этнический состав полуострова. Еще менее могли это сделать немногочисленные «славяне», как именовали в Испании рабов европейского происхождения, и евреи, оседавшие на полуострове с I в. н. э.

В начале Реконкисты в Испании появилось некоторое количество выходцев из Франции, особенно из Лангедока. Французы оседали главным образом в Арагоне и Наварре, а также по «пути в Сантьяго» (путь паломников в Сантьяго де Компостела), в городах Памплона,

Хака, Бургос, Каррион, Саагун, Леон, Асторга, Сантьяго.

До нынешнего времени регионы полуострова различаются по языкам. Совершенно отличается от всех прочих языков в Испании язык басков, который исследователи сопоставляют с языком античных иберов. Значительные отличия имеются в происшедших от общего латинского ствола кастильском, португальском, каталонском и галисийском языках. В кастильском языке различаются диалекты «леонес», астуриано, мурсийский и др.

Исторические судьбы Испании

1. АНТИЧНАЯ ИСПАНИЯ

В III в. до н. э. Испания стала объектом ожесточенной борьбы между Карфагеном и Римом. Воюющие державы привлекали на свою сторону испанские племена. Поражение Карфагена во 2-й Пунической войне открыло римлянам возможность осуществить завоевание полуострова. Понадобилось, однако, более двух столетий для того, чтобы сломить сопротивление испанских племен и утвердить римское господство. Успеху завоевательных походов римлян сопутствовала колонизация. В ней участвовали, помимо солдат, также крестьяне и торговцы. Римляне занимали города, существовавшие уже ранее, или основывали новые. Особенно интенсивно они осуществляли колонизацию Южной Испании и Тарраконского побережья. Центральные области Месеты и северо-западная часть полуострова были мало затронуты колонизацией.

В 212 г., согласно эдикту Каракаллы, население Испании приобрело права римского гражданства. При римском императоре Диоклетиане страна представляла собой диоцез, входивший в Галльскую префектуру. Она делилась на пять провинций: Бетику, Лузитанию, Тарракон, Картагену и Галисию.

На полуострове утвердилось римское право, распространился латинский язык. Городская жизнь полностью романизировалась. Даже такая горная область, как Астурия, подверглась в известной степени романизации. Об этом свидетельствует наличие римских городов — *Asturica Augusta* (будущая Асторга), *Lucus Austurum* (близ Овьедо), *Villa de Gigia* (Хихон), *Legio septima* (Леон), а также римских дорог и мостов, латинские надписи¹. Нероманизированными оставались Кантабрия и Баскония.

В деревне же нередко сохранялась прежняя прими-

¹ См.: *Floriano Cumbreño A. C.* Estudios de historia de Asturias. Oviedo, 1962, p. 22—26.

тивная организация, а римское право претерпевало известную деформацию под влиянием местных обычаев, что вело к распространению римского «вульгарного права».

В III в. н. э. Испания представляла собой органическую часть римского государства. Плиний Старший рассматривал Испанию как вторую страну римского мира. Социально-экономический строй Испании в эпоху империи характеризовался господством рабовладельческих отношений. На полуострове высокого уровня достигло земледелие. Доминирующую роль играло крупное землевладение. Но существовали также средние виллы городских землевладельцев, уцелела (особенно на окраинах) и мелкая земельная собственность. Испания принадлежала к так называемым «хлебным провинциям» империи. Хлеб из нее вывозили в Италию вплоть до VI в. Развито было скотоводство, особенно овцеводство.

Виллы обрабатывались рабами, а позднее также свободными мелкими земельными держателями — колоннами. В городах было развито ремесленное производство. Существовала горная промышленность: добывались золото, серебро, железо, свинец.

Испания участвовала в средиземноморской торговле. Предметами экспорта, помимо хлеба, были вино, оливковое масло, древесина, шерсть, воск, текстильные изделия.

Социальная структура населения Испании в III—V вв. совпадает с общеримской. Господствующее положение занимает сенаторская знать, в городах командные позиции принадлежат декурионам. Производительное население — рабы, колоны, мелкие прекаристы, в городах — свободные ремесленники. В мало романизованных северо-западных областях уцелели свободные крестьяне, сохранившие свою общинную организацию.

Местная знать играла важную роль в политической жизни империи (императоры Траян, Адриан, Феодосий были уроженцами Испании). Весьма значительна роль испано-римской интеллигенции в культурной жизни империи (о чем свидетельствует деятельность агронома Колумеллы, философа Сенеки, писателя Марциала, оратора Квинтиллиана).

С конца II в. Испания, подобно другим частям Римской империи, переживает общий кризис рабовладельческой системы. И здесь внешним выражением его яв-

ляются упадок городов, сокращение торговли, прикрепление городских землевладельцев к куриям и зачисление ремесленников в коллегии, прикрепление мелких земельных держателей — колонов — к имениям. Происходит перемещение центра общественной жизни из города в деревню, точнее — в крупные имения. Крупные землевладельцы начинают осуществлять свою власть над населением имений, присваивая себе некоторые функции, ранее принадлежавшие государственным должностным лицам. Как сообщает римский историк Орозий, в начале V в. два знатных испанца Дидим и Вериниан, вооружив своих рабов, в течение длительного времени самостоятельно преграждали дорогу на полуостров варварам.

Проявлением кризиса была также классовая борьба, выражавшаяся как в вооруженных выступлениях народных масс, так и в религиозной оппозиции. В 40—50-х гг. V в. в Тарраконе происходили восстания багаудов, в которых участвовали колоны, крестьяне, а возможно и рабы. Восстания были подавлены вестготами — федератами империи.

С конца IV в. в Испании получила распространение ересь присциллианистов, которые отошли от никейского символа веры в толковании догмата о божественной Троице. Присциллианисты были приверженцами аскетического образа жизни, проповедовали отказ от имущества. Они имели сторонников среди сельского плебса, но массовой социальной базы, по-видимому, не приобрели¹.

Кризис рабовладельческой системы развивался в Испании, однако не так быстро, как в ряде других провинций империи. Рабы продолжали использоваться в сельском хозяйстве и после крушения Западной Римской империи, в королевствах, основанных на полуострове варварами². Города и торговля в эпоху поздней империи еще в значительной мере сохраняли свое значение в экономической жизни.

Галло-римский автор Авзоний (начало V в.) в число четырнадцати крупнейших городов империи включал и четыре испанских города: Гиспалис (Севилья), Кордубу (Кордова), Тарракон и Бракару (Брагу).

¹ См.: Корсунский А. Р. Готская Испания. М., 1969, с. 251—260.

² См.: Jones A. H. M. History of the Later Roman Empire, v. II. Oxford, 1965, p. 393; Корсунский А. Р. Готская Испания, гл. 4.

В период поздней империи в Испании продолжалась разработка рудников, существовали «фабрики» оружия, функционировало несколько десятков монетных дворов, чеканивших монету. В анонимном географическом трактате IV в. *Expositio totius mundi* Испания характеризовалась следующим образом: «...эта область велика, обширна, богата... в торговле всевозможными товарами... Вывозя оливковое масло, рыбный соус, различную одежду, солонину и вьючный скот, Испания снабжает этими товарами весь мир».

Зарождение новых форм общественной жизни на полуострове происходило медленно. В специальной литературе по-разному расценивается историческое значение сдвигов, происходивших в Римской империи в последние века ее существования. Если одни исследователи считают, что разложение рабовладельческой системы не сопровождалось возникновением хотя бы элементов феодализма, то другие видят в колонате, наделении рабов землей, патронате и росте частной власти магнатов зачатки феодальных отношений. Не останавливаясь на этой проблеме, требующей дальнейшего исследования, отметим, что указанные сдвиги в социальных отношениях в Испании получили развитие в готский период ее истории.

2. ГОТСКАЯ ИСПАНИЯ

В 409 г. из Галлии в Испанию (через Пиренеи) провались вандалы, аланы и свевы. Не встречая серьезного отпора со стороны имперских войск, вандалы-асдинги и свевы опустошали Галисию, вандалы-силинги — Бетику, аланы — Лузитанию и Картагену. В 414 г. на испанскую территорию вступили вестготы. Заключив в 418 г. мир с империей, вестготский король Валия от имени империи воевал против вандалов и свевов. Но центр Вестготского королевства находился в Аквитании. В 429 г. вандалы и аланы, оставив Испанию, ушли в Северную Африку. Свевы расширили свои владения на полуострове, захватив ее западные области и Картагену. При короле Эйрихе (466—484) Вестготское королевство значительно расширило свои владения на полуострове. Однако области басков и кантабров сохранили свою независимость. Бетика на юге оставалась само-

стоятельной областью (под властью испано-римских магнатов).

В 507 г. Вестготское королевство, потерпев поражение в войне с франками, утратило почти всю свою территорию в Галлии (за исключением Септимании). Центр королевства вестготов переместился в Испанию, произошло массовое переселение готов на полуостров. В 554 г., воспользовавшись внутренними усобицами в Вестготском королевстве, на полуостров высадились византийцы и заняли юго-восточные области страны. При короле Леовигильде (568—586) вестготы отняли у византийцев часть оккупированной ими территории, в том числе Кордову и Медину-Сидонию, завоевали Свевское королевство. К началу VII в. византийцы были вытеснены из Испании.

В 711 г. грабительский поход небольшого арабского отряда под командованием Тарика стал началом мусульманского завоевания полуострова. Одержав над вестготами победу при Гвадалете (провинция Кадис), арабы захватили Толедо, Кордову. На следующий год они заняли Севилью и Мериду. В 714 г. мусульмане овладели долиной Эбро и, продвигаясь с востока на запад и с севера на юг, захватили Наварру, Северную Месету (будущую Старую Кастилию), некоторые поселения в Астурии (Луго, Хихон). Встретив здесь сильное сопротивление, арабы основали военные колонии в Амайе и Асторге. В 713 г. арабский полководец Муса провозгласил халифа государем испанских земель. Астуры и готы, не желавшие подчиняться арабам, укрывались в горных районах Астурии.

Вопрос о характере социально-экономического и политического строя готской Испании имеет весьма важное значение для исследования истории средневековой Испании и феодализма в Испании. Известно, что не только в Астуро-Леонском королевстве, но также в Арагоне и Каталонии в средние века были сильны готские традиции. Так, Вестготская правда Реккесвинта (обширный законодательный свод, охватывающий гражданское, уголовное и публичное право) в IX в. нашла применение в Леоне как официальное право (под именем *Fuero Juzgo*). Она была переведена на кастильский, галисийский и леонский языки и диалекты и применялась в эпоху Реконкисты как судебник для мосарабов в кастильских и андалузских городах.

Некоторые исследователи (прежде всего К. Санчес-Альборнос) отмечают появление в Испании при готах протофеодальных институтов — зачатков бенефициальной системы и вассалитета¹. Главное значение для решения вопроса о характере Вестготского королевства имеют, однако, социально-экономические отношения в нем.

Процесс исторического развития Вестготского королевства в значительной мере определялся характером взаимодействия между общественными отношениями завоевателей и местного населения.

Готы расселились не на всей завоеванной ими территории. Районы их массового поселения занимали небольшую территорию северной и центральной части, но их поселения привели к существенным преобразованиям. Осуществлена была частичная экспроприация земель сервов и колонов у местных посессоров; многие римские виллы, деревни и города были разрушены во время военных действий. Административная система оказалась в значительной мере дезорганизованной, что облегчило бегство сервов, либертинов и колонов от их господ и патронов. Нарушались хозяйственные связи. Все это свидетельствовало о том, что по системе испано-римского латифундального и городского землевладения был нанесен серьезный удар. Удельный вес позднеимских рабовладельческих отношений в экономике страны намного уменьшился (хотя оставался еще значительным); возрос слой мелких земельных собственников: возродилась сельская община там, где до поселения варваров она давно исчезла. В то же время поселения готов попеременно с местными землевладельцами способствовали быстрому разложению родоплеменного строя и росту социальной дифференциации у германцев.

Техника сельскохозяйственного производства упростилась, увеличился удельный вес экстенсивного скотоводства. Но в то же время расширилась площадь культивируемых земель. Возросла численность непосредственных производителей, владевших средствами производства.

Среди местных поселений Испании ко времени варварского завоевания преобладала деревня римского типа. Не только пахотные поля, но и луга и леса находились в индивидуальной частной собственности. В то

¹ C. Sanchez-Albornoz. Estudios visigodos. Roma, 1971.

же время вестготской деревне присущи такие черты германской общины, как совместное пользование неподделанными угодьями, система открытых полей, чересполосица и пр. Очевидно, в Испании того времени имело место переплетение позднеримских и германских аграрных порядков.

Рядом с готскими общинниками находились испаноримские крестьяне, прекаристы, колоны и сервы. Нередко они совместно использовали общинные угодья. Поэтому готы неизбежно вовлекались в сферу действия римских правовых норм, а местные крестьяне оказались связанными хозяйственными отношениями с готскими земледельцами. Тесный контакт с римским землевладением ускорял разложение общинных порядков у германцев.

В VI в. в готском обществе расширяется практика отчуждения земли, хотя сохраняются некоторые ограничения свободы завещания семейного имущества и ряд других пережитков родового строя в области семейных отношений.

В этих условиях осуществлялась феодализация, складывались классы зависимого феодального общества. Важным источником формирования зависимого крестьянства были местные свободные крестьяне. Положение мелких земельных собственников в какой-то мере улучшилось по сравнению с периодом римского господства. Налоговое бремя стало легче. Но вторжение варваров нанесло урон хозяйству испано-римских крестьян. Экономическая неустойчивость хозяйств мелких собственников, насилия со стороны магнатов оказывали разрушительное воздействие на слой свободных крестьян и в готской Испании.

Зависимое крестьянство росло и за счет разорившихся германских общинников. Уже в конце V в. у готов значительно усиливается имущественная дифференциация. Выделяется служилая знать, представители которой имеют большие земельные владения, чем рядовые общинники. Разорившиеся общинники становятся поденщиками, держателями земель в чужих владениях. Государство ограничивает общинные традиции, ограждает интересы землевладельцев, выделявших свои наделы из общины.

Зачатки юридического неравенства среди свободных готов выражаются в появлении высшего слоя «почтен-

ных», или «больших», и «низших», или «малых», людей. Лица, принадлежавшие к низшему разряду, — обедневшие крестьяне — не утратили еще основных прав свободных людей, но в ряде случаев были ограничены в своих правах по сравнению с представителями высшего разряда. За одни и те же правонарушения лица, принадлежавшие к различным слоям, несли неодинаковые наказания.

В VII в. разорение свободных крестьян испано-римского и германского происхождения идет еще более интенсивно. Растет численность мелких прекаристов. Крупная вотчина внедряется в свободную деревню, население которой наряду с тающим слоем мелких собственников теперь составляют в основном прекаристы, колонны, либертины и сервы.

Но свободные мелкие собственники и сельская община сохранились до конца существования Вестготского королевства. Разорявшиеся мелкие земледельцы превращались, как правило, в держателей земли во владениях светских магнатов, церкви и фиска. Готской Испании известны такие формы условного владения земель, как узуфрукт, эмфитевзис и получивший наиболее широкое распространение прекарий.

Наряду с ростом поземельной зависимости непосредственных производителей от вотчинников в готской Испании распространялся институт коммендации, который играл важную роль в установлении личной зависимости. Нередко под патронии магнатов вступали свободные люди, являвшиеся держателями наделов в их имениях; в таких случаях поземельная зависимость сочеталась с личной.

Весьма значительную роль в формировании класса зависимого крестьянства в готской Испании сыграли рабы и вольноотпущенники. Часть сервов наделялась земельными участками, другая — использовалась в господской части имения. Источниками рабства были войны, работорговля, закабаление свободных в результате голода, задолженности и разорения, обращение в рабство как мера наказания по суду.

К VII в. обнаруживаются существенные изменения в положении сервов. Появляются признаки их хозяйственной самостоятельности. Признается право рабов заключать торговые сделки и продавать движимое имущество из своего пекулия, в том числе рабочий скот,

даже без согласия своего господина. Происходят изменения и в юридическом статусе сервов. Законы предусматривают защиту их жизни и безопасности, причем как со стороны третьих лиц, так и их господ. Сервы могут выступать в ряде случаев в качестве свидетелей на суде и судиться со свободными людьми. Упрочиваются их семейные связи. Хотя юридическому статусу сервов готской Испании были присущи еще черты рабства, их положение на практике постепенно приближалось к положению крепостных.

О процессе разложения античного и патриархального рабства свидетельствует широкое распространение практики отпуска рабов на свободу. Среди вольноотпущенников имелись различные категории. Основная масса либертинов оставалась в наследственной зависимости от прежних своих господ и их потомства. Обычно либертины являлись держателями земель во владениях крупных землевладельцев. Их право распоряжаться своим имуществом было ограничено. Патроны получали имущество либертинов, не оставивших наследников. Либертины светских патронов с конца VII в., а либертины церкви еще с V в. были лишены свободы передвижения. Статус их носил двойственный характер: они считались свободными людьми и юридически отличались от сервов. С другой стороны, либертинов не смешивали со свободнорожденными. Они ограничивались в праве быть свидетелями, не могли вступать в брак со свободнорожденными. Вергельд вольноотпущенника был вдвое ниже вергельда свободного человека.

Таким образом, в VII — начале VIII в. сервы и либертины уже утрачивали основные черты своих античных предшественников. В известной мере источником формирования зависимого крестьянства в готской Испании были и колоны. В V—VI вв. статус испано-римских колонов определялся позднеримским правом. В Вестготском королевстве не замечен, однако, рост данного слоя. Здесь исчезло прикрепление колонов к государственному тяглу. Свободы передвижения, помимо сервов и большей части либертинов, были лишены лишь потомки позднеримских колонов. Земледельцы, становившиеся уже при готах держателями земельных участков, не были прикреплены к земле. Законы, предназначенные для готов, не уделяли внимания колонату. Слой колонов, очевидно, играл в Испании в V—VII вв. менее

значительную роль в формировании зависимого крестьянства, чем у франков.

Можно констатировать, что формирование класса зависимого крестьянства в готской Испании происходило быстрее, чем в других странах Западной Европы.

К началу VIII в. основную массу непосредственных производителей в Испании составляли зависимые крестьяне. Своеобразие процесса классовообразования здесь заключалось в том, что зависимое крестьянство формировалось не столько из германских общинников, сколько из местных земледельцев, прекаристов, колонов, либертинов и сервов. Однако, несмотря на свою малочисленность, германцы сыграли в этом процессе важную роль.

В V—VII вв. зарождается крупное феодальное землевладение. Его возникновение происходило здесь на основе латифундий, унаследованных от Римской империи, с одной стороны, и вотчины, выраставшей из разлагавшейся германской общины — с другой. Но в Испании крупная вилла позднеримского типа сыграла в этом процессе, по-видимому, большую роль, чем в ряде других бывших римских провинций.

Несмотря на частичную экспроприацию испано-римлян варварами, сенаторская знать и католическая церковь сохранили свои экономические позиции. Но в политической жизни местная знать утратила господствующее положение. Между испано-римской знатью, с одной стороны, готской служилой знатью и защищавшей интересы последней королевской властью — с другой, существовали противоречия, которые в первый период выражались в конфессиональной и правовой обособленности готов: до конца VI в. они оставались арианами, запрещены были смешанные браки между римлянами и варварами; готы первоначально не платили поземельного налога; основой войска было готское ополчение; до середины VII в. существовали обособленные системы права для римлян и готов.

В то же время официальное право сразу же утвердило собственность местных посессоров на их земли, сервов и колонов. Испано-римская знать играла важную роль в местном управлении. Католическая церковь оставалась крупной политической силой.

В Вестготском королевстве рано начало складываться крупное землевладение и среди германцев. Его носителями были готская знать, дружинники, короли и

арианская церковь. При разделе земель с местным населением готская служила знать оказывалась в более выгодном положении, чем рядовые общинники. Королевские дружинники, знать получали дарения от королей, увеличивали свои владения путем купли земель и захвата владений мелких собственников. Земельный фонд вестготской короны образовался в результате перехода доменов римского фиска в руки готских королей; он пополнялся путем конфискации имений мятежных светских и церковных магнатов. Разложение общины усилило рост крупного землевладения в VI—VII вв. Готские землевладельцы становятся, подобно испано-римским магнатам, собственниками вилл и населенных пунктов. В их имениях земля делилась на две части — господскую и землю, раздаваемую мелким держателям. Домен обслуживался главным образом трудом сервов. Вилла приобрела новый характер. Основой производства в крупном имении стало крестьянское хозяйство. Особенностью вестготской вотчины были значительные пережитки рабовладельческой системы (преобладание среди населения поместья сервов и либертинов). Если для Франкского государства наиболее типично образование феодальной вотчины путем поглощения крупным землевладением мелкой собственности и превращения крестьян в зависимых земледельцев, то для Вестготского королевства особенно характерно возникновение вотчины путем преобразования внутренней природы крупного поместья, унаследованного от Рима. В Испании VI—VII вв. постепенно происходил переход от римской латифундии к раннефеодальной вотчине.

Формирование феодальных отношений выражалось также в возникновении иерархической структуры земельной собственности, в зарождении бенефициальной системы. Правда, она полностью не сложилась. До конца существования Вестготского королевства продолжалась борьба между королями, старавшимися предоставлять земли в условное владение, и магнатами, рассматривавшими эти владения как свою собственность. Однако принцип условности пожалования утвердился в сфере отношений между магнатами и церковью, с одной стороны, дружинниками и другими лицами, находившимися под их патронатом, — с другой.

Проявлением феодализма в Испании V—VII вв. было также усиление частной власти землевладельцев.

Светские магнаты и их виллики, администрация доменов фиска и церкви приобрели полицейскую и дисциплинарную власть над свободными людьми в соответствующих округах, собирали государственные налоги, наравне с королевскими должностными лицами вели свободных людей в военные походы. Но иммунитеты не получили распространения, судебная власть не передавалась крупным землевладельцам.

Одной из особенностей процесса становления феодальных отношений в готской Испании было сравнительно длительное сохранение городов. В период поздней империи в Испании начался упадок городов. Вторжение варваров в Испанию ускорило этот процесс. Но в V—VI вв. ряд городов сохранял прежнее экономическое значение центров торговли и ремесла, хотя основная масса городского населения занималась сельским хозяйством. Сословие куриалов оставалось наследственной корпорацией. Длительное существование городов в известной мере объясняется относительной устойчивостью свободного ремесла и товарно-денежных отношений в этой стране.

В V—VI вв. в Испании уцелела и внешняя и внутренняя торговля. Основные объекты торговли — рабы, хлеб, скот, предметы роскоши. В некоторых имениях производство еще было рассчитано на рынок, поскольку определенные слои городского населения нуждались в сельскохозяйственных продуктах. На местный рынок работали и городские ремесленники. В связи с этим сохранялись денежные отношения, позднеримская монетная система.

Но, несмотря на сохранение элементов товарно-денежных отношений, господствующую роль в экономике Испании V—VII вв. играли натурально-хозяйственные отношения. По мере развития процесса феодализации городское устройство приходило в упадок. Численность куриалов сокращалась, городские посессоры оказывались в зависимости от светских и духовных магнатов.

В VII в. муниципальная система разложилась, городское управление оказалось в руках королевских должностных лиц. Сократилась торговля и товарно-денежные отношения, хотя внешние торговые связи некоторых городов и в известных размерах внутренняя торговля сохранились.

Раннефеодальное государство в Испании, как и в ря-

де других стран, складывалось при взаимодействии позднеримских политических и юридических учреждений и военной демократии германских завоевателей. Вестготские короли возглавляли эти обе сосуществовавшие в течение известного времени системы управления.

В VI в. государственный аппарат усиливается, расширяются полномочия королевских должностных лиц, умалывается значение ополчения и возрастает роль дружин короля и магнатов, обычное право вытесняется королевским. Одновременно ослабевает значение ряда учреждений, унаследованных от Римской империи, в частности органов муниципального управления. Вестготское королевство приобретает черты раннефеодального государства и становится органом господства сформировавшегося класса феодальных крупных землевладельцев.

Важнейшие задачи этого государства заключались в обеспечении служилой знати и церкви новыми землями, отражении внешнего нападения, в подавлении сопротивления народных масс, сохранении условий, необходимых для поддержания торговых связей. Для выполнения этих задач необходима была известная централизация государственного устройства. Но к концу VII столетия власть в государстве все больше оказывалась в руках узкого слоя светских и духовных магнатов. Вестготское королевство, зависевшее теперь полностью от поддержки со стороны магнатов и лишенное широкой социальной опоры, оказалось бессильным перед лицом внешних противников.

Процесс формирования феодальных отношений в Испании протекал неравномерно и к VIII в. оставался незавершенным. Если формирование классов зависимых крестьян и феодальных землевладельцев происходило относительно быстро, то иерархическая структура земельной собственности складывалась здесь медленнее. Значительны были остатки рабовладельческих элементов в хозяйстве и в социальной структуре. В то же время не разложился еще до конца слой свободного германского и местного крестьянства¹.

Социальные отношения готской Испании явились исходным моментом для феодального развития североиспанских государств в период Реконкисты, осложненного новыми историческими условиями.

¹ См.: *Корсунский А. Р.* Готская Испания.

3. МУСУЛЬМАНСКАЯ ИСПАНИЯ

Христианские королевства Пиренейского полуострова были теснейшим образом связаны в своих судьбах с арабской Испанией. На протяжении всего рассматриваемого периода между государствами севера Испании и Кордовским эмиратом (позднее халифатом), государствами тайфа (см. ниже), политическими образованиями альморавидов и альмохадов велись войны, а также осуществлялись торговые и культурные связи. Важное значение имели миграции: массовое переселение из арабских государств арабизированного христианского населения — мосарабов на север, в Леон и Кастилию, уход части мусульманского населения на юг по мере продвижения в глубь полуострова войск христианских государств. Еще более важно другое обстоятельство. Отвоевывая у арабов все новые территории, Леон и Кастилия тем самым включали в свой состав многочисленное христианское и мусульманское население арабской Испании. В социальную структуру христианских королевств внедрялись элементы структуры мусульманских государств. Поэтому необходимо, хотя бы кратко, охарактеризовать основные черты общественного развития той части полуострова, которая с VIII в. была под властью арабов.

В аграрном строе произошли сдвиги. Значительная часть земель — имения бывшего королевского фиска, запустевшие владения, а также земли тех готов, которые до конца сражались против завоевателей, — перешла к мусульманскому государству. Последнее стало крупнейшим землевладельцем в мусульманской Испании — Аль-Андалузе. Большая часть этой земли (чаще всего $\frac{4}{5}$) передавалась воинам, а остальная земля ($\frac{1}{5}$), именовавшаяся хумс, находилась в непосредственном владении государства. Большие владения получили представители арабской военной аристократии¹.

В исторической литературе высказывалось мнение относительно того, что в арабском халифате существовала верховная собственность государства на землю². Отно-

¹ См.: *Levi-Provençal E. L'Espagne musulmane au X-ème siècle.* Paris, 1932, p. 22.

² См.: История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968, с. 120; ср. *Надирадзе Л. И.* Проблема государственной собственности на землю в халифате в VII—VIII вв. — В кн.: Арабские страны. История, экономика. М., 1970, с. 154—203.

сительно мусульманской Испании нет данных, которые позволили бы применить к ней указанное положение. Значительная часть земли предоставлялась здесь участникам завоевания в качестве мульты или икта. Лица, получившие мульты, свободно распоряжались им как своей частной собственностью. В документах толедских мосарабов этот арабский термин поясняется латинским словом *hereditas* (наследственная собственность). Мульты, очевидно, могли обладать и крестьяне и знатные. Относительно содержания понятия «икта» высказываются различные суждения. Обычно утверждалось, что икта — это условное земельное владение. Сначала икта представляет собой право служилого человека взимать в свою пользу государственные налоги с землевладельцев, а позднее превращается в право владения землей — временное (пока продолжалась служба получателя) или пожизненное. Лицо, владевшее такой землей, обязано было выплачивать одну десятую часть всех доходов государству. Икта отождествляется с западноевропейским леном или бенефицием¹.

Согласно другой точке зрения, в икта не было ничего феодального. Это не лен. Получивший земли на правах икта пользовался правами собственника (с некоторыми ограничениями), хотя должен был выплачивать казне десятину. До X в. большая часть икта — это небольшие по размерам владения. Предоставлялись они не только военным людям. Икта скорее напоминает эфитевическое держание или владение византийского стратиота².

Арабские магнаты обычно жили в городах, ведя хозяйство в своих имениях с помощью управляющих и мелких держателей. Берберы, составлявшие основную массу завоевателей, первоначально поселились на севере, на границе с христианскими государствами. Постепенно они расселились в горной части Месеты, в Новой Кастилии и Эстремадуре, где занимались, как и на прежней своей родине, скотоводством. Часть местных маг-

¹ См.: Всемирная история, т. 3. М., 1957; с. 115; История стран зарубежной Азии в средние века. Л., 1970, с. 142; Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1966, с. 99—100; *Valdeavellano L. G. de. Historia de España, t. I, pars I. Madrid, 1968, p. 389.*

² См.: *Cahen C. L'évolution social du monde musulmane jusqu'au XII siècle face à celle du monde chrétien. Cahiers de civilisation médiévale. 1958, N 4, p. 459.*

натов сохранила свои владения. Этому способствовал характер завоевания: зачастую арабы заключали соглашения с местным населением, признавая его право владеть землей при условии выплаты налогов. Однако общее изменение условий экономического и политического развития привело к трансформации системы земельных отношений. Прежде чем охарактеризовать эту систему, следует остановиться на положении готов и испано-римлян в Аль-Андалузе.

Поселение арабов, сирийцев и берберов, как отмечалось выше, существенно не изменило этническую структуру Испании. Но крушение вестготской монархии и установление арабского господства оказали свое воздействие на социальные отношения. Готская светская знать и католическое духовенство утратили прежние политические и юридические привилегии. Прекратили существование те ограничения в праве распоряжаться землей, которыми прежде были связаны куриалы и колонаты городской округи.

Общественное положение стало в значительной мере определяться профессиональными и этническими признаками. Многие испано-римляне и готы в Аль-Андалузе приняли ислам. Такие люди именовались *musalima* (новые мусульмане) или *muwalad* — мулади. К мулади относились как лица, перешедшие из христианства в мусульманство, так и дети от смешанных браков христиан и мусульман. Многие мулади были потомками сервов, получивших свободу благодаря принятию новой религии. Среди мулади были и магнаты, и вольноотпущенники, и сервы. Но в основной массе это были крестьяне и ремесленники. По всей вероятности, мулади составляли большинство мусульманского населения Аль-Андалуза.

Формально мулади пользовались теми же правами, что и мусульмане — арабы и берберы. Согласно корану, они не должны были платить подушную подать — джизью. Но фактически мулади на лестнице социальной иерархии стояли ниже арабов. В первый период после завоевания у арабов еще сохранялись остатки племенной организации; мулади, не входившие в эту организацию, не могли стать полноправными членами нового общества. Им приходилось избирать себе патронов из числа арабов. Вследствие этого они вступали в извест-

ную зависимость от патронов¹. Известно, что с конца VII в. переход в ислам не означал существенного облегчения налогового бремени для испанцев². В войске они служили отдельно от арабов, в особых отрядах. Сегрегация осуществлялась и в богослужении: мулади должны были строить себе отдельные мечети, а в общих мечетях стояли в последних рядах³.

Многие испанцы сохранили христианскую веру, хотя в результате тесного общения с мусульманами усвоили арабский язык и арабские обычаи, заключали смешанные браки с мусульманами, носили арабские имена. Их называли мосарабами (от арабского *mustabrib*, т. е. «тот, кто желает стать арабом»). Арабские правители проявляли по отношению к ним терпимость, особенно в первый период существования эмирата. Христиан и евреев отличали от язычников, именуя их «людьми писания» — *ahl-al kitab*.

Немусульманское население в Аль-Андалузе было более значительным по удельному весу среди остального населения и более организованным, чем в других странах халифата Омейядов. Мосарабы жили в городах и деревнях, платили поземельный налог (*харадж*) и подушную подать (*джизью*). Размеры *хараджа* варьировались в различных районах от 5 до 20% доходов. *Джизья* дифференцировалась в соответствии с имущественным цензом⁴. В ряде городов мосарабы имели свои общины (в Толедо, Кордове, Севилье, Мериде) и пользовались самоуправлением. Они избирали своих должностных лиц, утверждаемых затем мусульманскими властями. Дела между мусульманами и христианами решались в арабских судах.

Мосарабы сохранили свою церковь. Они могли избирать епископов, однако с последующим утверждением последних государственными властями. Жили мосарабы в особых кварталах, отделенных стенами от мусуль-

¹ См.: *Levi-Provençal E.* L'Espagne musulmane au X-ème siècle, p. 19.

² Ср.: *Беляев Е. А.* Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965, с. 192.

³ По уверению арабского андалусского поэта три вещи могли свести на нет молитву: прикосновение к собаке, к ослу и контакт с мулади.

⁴ См.: *Simonet F.* Historia de los Mozárabes de España, t. I. Madrid, 1897, p. 62, 90; *J. de las Cagigas.* Los mozarabes, t. I. Madrid, 1947, p. 63—65.

манской части города. Они занимали различные посты в гражданской администрации. Но военная служба оставалась занятием мусульман. Мосарабы были ограничены в имущественных правах, не могли наследовать мусульманам, в том числе и своим родственникам и отпущенным на волю мусульманским рабам. Их подвергали дискриминации в повседневной жизни¹.

Среди местного неарабского населения сохранялась социальная стратификация: знать, люди среднего достатка, рабы. Но знать обеднела и стала менее многочисленной. Количество сервов значительно сократилось. Зато возросла численность мелких земельных собственников.

Активную роль в экономической, политической и культурной жизни Аль-Андалуза играли евреи. Суровые притеснения со стороны готских королей побудили их к сотрудничеству с арабами. Евреи жили в городах своими общинами, пользовались правом самоуправления. Они играли заметную роль в торговле, в свободных профессиях, в администрации. При альморавидах и альмохадах положение евреев ухудшилось.

Аль-Андалуз представлял собой в X—XI вв. одну из наиболее развитых в экономическом отношении частей Европы. Восточные путешественники, посещавшие Испанию в этот период, считали ее наиболее процветающей страной мусульманского мира. Сельское хозяйство поднялось на более высокую ступень по сравнению с готским периодом. В земледелии применялась плодосменная система, поочередно сеялись пшеница и ячмень (один клин оставался под паром), усовершенствовалось огородничество. Введены были такие культуры, как хлопок, рис, тутовое дерево, ряд новых плодовых деревьев (лимонное, апельсиновое, гранат), шафран.

Искусственное орошение известно было Испании и до арабов. Но они усовершенствовали его, применив некоторые приспособления, заимствованные в Сирии (например, гидравлическое колесо). Арабы улучшили борону, применяли плуг с тремя лемехами. В качестве

¹ Мосарабы не имели права носить оружие, не могли ездить на лошадях, а только на мулах, должны были отличаться от мусульман своей одеждой. См.: *Simonet F. Historia de los Mozarabes de España*, t. 1, p. 80, 94—95.

тягловой силы в мелких хозяйствах использовались ослы, в крупных хозяйствах — в основном быки.

Отмечая развитие сельского хозяйства в Испании при мусульманах, не следует преувеличивать его стабильность и производительность. Страна перестала экспортировать хлеб, а в неурожайные годы приходилось ввозить зерно из Северной Африки.

Существенными были изменения в земельных отношениях. Переход к мелкому хозяйству, намечавшийся уже в позднеримский и готский период, теперь завершился. Рабы, широко применявшиеся в земледелии в готской Испании, перестают играть в нем существенную роль. В Аль-Андалузе было множество рабов, но использовались они главным образом в домашнем хозяйстве, ремесле. Исчез также колонат позднеримского типа. Крупные землевладельцы обычно не имели в своих имениях домена и раздавали землю мелким держателям. Так же использовались и земли государства.

Процесс расчленения крупных имений и оседания на них мелких земельных собственников, по утверждению испанского историка Кахигаса, принял особенно земли. Эти условия были различными для «сухой» Исхигас именуется эти сдвиги «аграрной реформой»¹.

Условия, на которых крестьяне получали свои держания, определялись соглашениями с собственниками земли. Эти условия были различными для «сухой» Испании и для «влажных» областей. В зависимости от качества земли сьемщики отдавали ее собственнику — от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{2}$ урожая (в соответствии со стоимостью орошения и от того, чьи использовались орудия, быки, семена — издольщика или хозяина). В отдельных случаях крестьяне выполняли барщину в пользу землевладельца и экстраординарные работы². Земельный собственник оказывал держателю помощь семенами, рабочим скотом и орудиями. Держатель обязан был произвести все сельскохозяйственные работы и доставить долю, причитавшуюся собственнику земли, в его городской дом. Иногда землевладелец продавал крестьянину ту часть урожая, которую он должен был получить от него. В случае засу-

¹ См.: J. de Cagigas. Los mozárabes, t. I, 129

² См.: Levi-Provençal E. Histoire de l'Espagne musulmane, t. I. Paris, 1953, p. 161.

хи или губительного изобилия дождей рента обычно снижалась¹.

О характере земельных отношений и социальном статусе непосредственных производителей Аль-Андалуза высказывались различные мнения. Одни называют крестьян крепостными², другие считают их свободными людьми, издольщиками, заключавшими контракты с собственниками земли. Если же они и были привязаны наследственно к своей местности, то это было проявлением не частной зависимости, а фискальной. Они были налогоплательщиками³. Высказать определенное суждение по данному вопросу мешает скудость имеющихся источников. Речь идет о мелких земельных держателях, считавшихся свободными. Если они и были связаны личной зависимостью в какой-то форме, сведениями о том мы не располагаем. Можно считать установленным фактом, что они подвергались эксплуатации и со стороны государства.

В Аль-Андалузе имелось немалое количество мелких земельных собственников. Это видно из архива толедских мосарабов, в документах которого фигурируют крестьяне, свободно распоряжающиеся своими земельными участками⁴.

Экономика Аль-Андалуза не носила столь резко выраженного аграрного характера, как экономика стран Западной Европы той же эпохи. Важную роль в хозяйственной жизни здесь играли ремесло и торговля. Выше отмечалось, что города в готской Испании деградировали не столь быстро, как в ряде других варварских королевств. Арабское же завоевание и сдвиги, происшедшие в экономических отношениях в стране (рост масс мелких земельных собственников и мелких земельных держателей, освободившихся от тяжелых форм личной зависимости), с одной стороны, включение Ис-

¹ См.: *Levi-Provençal E.* Histoire de l'Espagne musulmane, t. III, p. 268—269; *Imamuddin S. M.* Some aspects of the socio-economic and cultural history of Muslims in Spain. Leiden, 1965, p. 72—73.

² См.: *Альтамура Р.* История Испании, т. I. М., 1951, с. 103.

³ См.: *Vicens Vives J.* Manual de historia económica de España, t. I. Barcelona, 1959, p. 103; *Cahen C.* L'évolution social du monde musulmane jusqu'au XII siècle... Cahiers de civilisation médiévale, 1958, N 4, p. 461; ср.: *Valdeavellano L. G. de.* Historia de España, t. I, pars 2, p. 160.

⁴ См.: *Pastor de Togneri R.* Les Mozarabes de Toledé. — «Annales», 1970, N 2, p. 364.

пании в сферу экономических связей мусульманского мира (с его относительно высоким уровнем развития торговли и товарно-денежных отношений) — с другой, также способствовали сохранению городов, остававшихся в своей основе центрами торговли и ремесла. В Аль-Андалузе уцелели крупные города. Если в Западной Европе даже наиболее крупные торговые центры имели 8—10 тыс. жителей в ту эпоху, то Кордова в X в. насчитывала не менее 250 (по некоторым данным, даже от 500 до 1000), Толедо — 37, Альмерия — 27 тыс. жителей¹.

Важное значение имели обработка металлов и текстильная промышленность, производство оружия и ювелирных изделий. В Аль-Андалузе добывались железо, медь, свинец, золото, серебро, ртуть. Центрами производства оружия были Толедо и Кордова, бумаги — Хатива, керамических изделий — Малага и Калатаюд, стекла — Аббас бен Фирнас, меховых изделий — Сарагоса, ювелирных товаров и предметов роскоши — Кордова и Севилья, шелковых тканей — Альмерия и Кордова, льняного полотна — Сарагоса. Все эти товары частично становились предметами экспорта в страны Ближнего Востока и в северную Испанию. Последняя, по выражению Х. Висенса Вивеса, представляла собой в течение пяти веков колонию для мусульманской промышленности². Из Аль-Андалуза вывозились также оливковое масло и другие продукты сельского хозяйства.

Существенная особенность мусульманской Испании — наличие активной внутренней торговли и экономических связей между городом и деревней. Объектом внутренней торговли были некоторые промышленные изделия, а также хлеб. Можно сказать, что испано-мусульманский город представлял собой экономический центр соответствующего сельскохозяйственного округа³. Торговля в стране облегчалась сохранившейся от римских времен сетью дорог.

¹ См.: *Vicens Vives J.* Manual de historia económic de España, t. I, p. 102.

² См.: *ibid.*, p. 111.

³ См.: *Levi-Provençal E.* Histoire de L'Espagne musulmane au X-ème siècle, p. 182; *Valdeavellano L. G. de.* Historia de España, t. I, pars. 2, p. 160.

Для денежной системы мусульманской Испании характерен биметаллизм. Первоначально в обращении были золотой динар (имитация византийского золотого солида) и дирхэм (серебряная монета), а с начала X в. стала чеканиться собственная золотая монета, которая доминировала по сравнению с серебряной монетой.

Центром торговой деятельности в городе был рынок близ мечети, к которому примыкали улицы, населенные ремесленниками (обычно мастеровыми одной какой-либо специальности). Ремесленники и торговцы объединялись в корпорации, возглавляемые старейшинами. За деятельностью купцов и ремесленников надзирали государственные должностные лица. Контроль над ремесленниками и торговцами должен был обеспечить соблюдение ими определенных, освященных религией этнических норм. Практически эти нормы в хозяйственной деятельности выражались в обязанности не нарушать установленной системы мер и весов, обеспечивать нужное качество товаров, не обманывать покупателей. Какие-либо остатки римской муниципальной системы, уцелевшие частично в готский период, теперь не обнаруживаются. Нет также данных о борьбе городов за эмансипацию и создание самоуправления.

Отмечая изменения в социальных отношениях в Испании при арабах, мы не имеем оснований идеализировать положение масс производительного населения. Если для мусульманской Испании не типичны суровые формы личной зависимости крестьян, то налоги в сочетании с рентой, выплачиваемой земельным собственникам, делали положение непосредственных производителей весьма тяжелым. Общая сумма налогов, взимаемых в Аль-Андалузе с 300 тыс. динаров при Абдаррахмане I (756—788), выросла до 5400 тыс. динаров при Абдаррахмане III. Особенно остро ощущали гнет со стороны мусульманского государства те слои простого люда, которые принадлежали к мулади и мосарабам. Проявлением антагонизма между мосарабами и мулади (т. е. основной массой непосредственных производителей), с одной стороны, господствующим в Аль-Андалузе социальным слоем и государством — с другой, были восстания, миграция (мосарабов) на север, установление контактов с христианскими королевствами.

Уже при аль-Хакеме II (961—976) мусульманское государство перестало проявлять прежнюю религиозную

терпимость по отношению к мосарабам. В начале IX в. в связи с налоговым гнетом произошли волнения в мосарабских общинах Толедо и Кордовы. В 829 г. мулади и мосарабы Толедо провозгласили свою независимость. Ведущую роль в восстании в Толедо играли городские ремесленники и наемные работники, возглавленные кузнецом Хашимом. К ним примкнули крестьяне и рабы¹. Лишь в 837 г. Абдаррахману II удалось захватить город. В Мериде мосарабы вступили в сношения с Людовиком Благочестивым и также подняли восстание. В 873 г. толедцы добились от арабских властей признания за ними права на самоуправление. Во второй половине IX—X в. расширяется участие мосарабов в колонизации Леона.

В конце IX в. произошло восстание мулади в Кордове. В горных районах Андалузии в союзе с мулади выступали и берберы. Но в конце IX в. арабская знать в Севилье перебила мулади. В начале X в. Абдаррахман III укрепил власть арабов во всем Аль-Андалузе.

В конце XI — первой половине XII в. положение мосарабов ухудшилось как в результате непрерывных войн, так и в связи с проявлением религиозной нетерпимости альморавидов и альмохадов. Христиане Гранады обратились к королю Арагона Альфонсу I с призывом о помощи. После того как он предпринял военную экспедицию на юг полуострова, арагонское войско пополнилось массами мосарабов.

Взаимодействие христианского и мусульманского населения происходило и на территории, отвоеванной христианскими королевствами у арабов. Здесь первоначально оставались довольно значительные массы мусульман, именовавшиеся мудехарами (от арабского *muḍaḥḥan* — «мусульманин, который живет среди христиан»). Мудехары в большинстве своем занимались производительным трудом, ремеслами. Памятниками их строительной деятельности служат, в частности, альказар в Севилье и Пуэрта дель соль в Толедо («мудехарский стиль»). Мудехары сохраняли свою религию и обычаи, жили, как правило, в особых кварталах. Их права были обеспечены пактами, которые заключались при завоевании соответствующих территорий или фик-

¹ См.: *Dozy R. Geschichte der Mauren in Spanien. Bd. II. Leipzig, 1879, S. 307—308.*

сировались в фуэрос. Согласно фуэро Куэнки, например, они по своим правам мало отличались от христиан. Мудехары обязаны были платить десятину церкви.

Для мусульманской Испании характерно наличие централизованного государства, которое заимствовало ряд черт византийского и персидского политического устройства. Во главе государства стоял эмир (с 929 г. — халиф). Ему принадлежала неограниченная абсолютная власть, передаваемая по наследству. Важнейшими отраслями управления (армией, финансами) ведали правительственные учреждения — диваны. Административные округа, на которые делилось государство, и города возглавляли должностные лица — вали. Суд осуществляли чиновники — кади. Доходы государства пополнялись главным образом за счет поземельного и подушного налогов с немусульман, десятины, которую выплачивали мусульмане, а также торговых пошлин и экстраординарных налогов. Халиф имел еще личные доходы от собственных имений. Военная система первоначально основывалась на ополчении, которое составляли племена мусульман, участвовавших в завоевании полуострова. Но со второй половины VIII в. важную роль в войске стали играть наемники, набиравшиеся из чужеземцев и отпущенных на свободу рабов. Альманзор отменил деление войска по племенам.

Мусульманское государство в Испании не смогло сохранить свое единство. Халифат в начале XI в. распался на тайфы — мелкие самостоятельные эмираты (Кордовский, Севильский и др.). Но и в этих мелких политических образованиях сохранились основные принципы прежнего административного устройства.

О характере общественного строя Аль-Андалуза трудно высказать определенное суждение, так как слишком скудны данные о социально-экономических отношениях в этой стране. Некоторые испанские историки, отмечая, что аграрный строй мусульманской Испании был продолжением вестготского, в то же время считают характерной чертой Аль-Андалуза «денежную экономику», т. е. развитые товарно-денежные отношения¹.

¹ См.: *Valdeavellano L. G. de. Historia de España*, t. I, pars 2, p. 159—160; Ср. *Альтамира Р.* История Испании, т. I, с. 102—103.

Э. Леви-Провансаль, характеризуя земельные отношения Аль-Андалуза, оставляет открытым вопрос о том, можно ли считать их феодальными. Он ссылается на отсутствие всех необходимых для решения этой проблемы данных. А. Баллестерос пишет о появлении феодальных сеньоров в Кордовском эмирате в конце IX в., но он имеет в виду партикуляристские тенденции различных арабских магнатов.

В советской исторической литературе мусульманские средневековые государства обычно рассматриваются как феодальные (или раннефеодальные). Но эта оценка относится к халифату Омейядов или Аббасидов в целом. Исследований же, посвященных специально мусульманской Испании, до сих пор не появилось. Между тем глубокие отличия этого государства, образовавшегося на территории раннефеодального Вестготского королевства, от арабских государств Востока не вызывают сомнений. Нельзя также не видеть весьма существенных различий между Кордовским эмиратом, а позднее халифатом, с одной стороны, и западноевропейскими раннефеодальными (и в дальнейшем феодальными) обществами — с другой. Возможно, социальная система Аль-Андалуза носила феодальный характер, но это был весьма своеобразный феодализм. К особенностям этой системы следует отнести наличие значительных масс крестьян, свободных от личной зависимости (или во всяком случае от наиболее тяжелых ее форм), отсутствие вотчины, подобной западноевропейской «классической вотчине», относительно высокий уровень развития товарно-денежных отношений и преемственность в экономическом городском развитии (от испаноримского города к мусульманскому), значительную роль централизованной государственной формы эксплуатации непосредственных производителей.

4. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСКИХ ГОСУДАРСТВ НА ПИРЕНЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В VIII в. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РЕКОНКИСТЫ

К 714 г. почти весь полуостров оказался в руках мусульман. Однако на севере страны образовались небольшие очаги сопротивления. В Астурии местные жители вместе с готами, возглавляемые Пелайо, знатным готом, оказали арабам сопротивление в районе Пикос де Эуропа. Согласно испанским источникам, они нанес-

ли поражение арабскому отряду в долине Ковадонга. Резиденцией Пелайо, избранного, по преданию, королем, был Кангас де Онис (к востоку от Овьедо). Благоприятные условия сопротивления в горной местности, традиционное стремление астурийцев, басков и кантабров к независимости, а также слабая заинтересованность арабов в этих бедных районах помогли уцелеть новым политическим образованиям.

При короле Альфонсе I (739—757) Астурия расширила свои владения. Альфонс I на западе присоединил Галисию, на востоке захватил Алаву и Риоха. Он завладел Леоном, Амайей и рядом других городов. Альфонс I сумел использовать в своих целях внутреннюю борьбу в эмирате — восстание берберов против арабов, а также голод, который побуждал мусульман отхлынуть к центру и югу полуострова.

Владения астурийского короля представляли собой узкую полосу близ моря, достигавшую на юге Бургоса, Леона, Паленсии. Арабы отступили за Эбро. Их северная граница проходила по линии Памплона, Тудела, Гвадалахара, Толедо, Талавера, Сория, Коимбра. Между этими двумя границами находилась ничейная земля, которая опустошалась и христианами и мусульманами. Альфонс I, как сообщает Альбельдская хроника, «превратил землю вплоть до Дуэро в пустыню»¹. В конце VIII в. королевской резиденцией стала Плавия. Альфонс II (791—842) совершал набеги на Португалию, находившуюся в руках арабов, поддерживал мятеж в Толедо, умирал восставших магнатов в своем королевстве. Он перевел свой двор в Овьедо, построил дворцы, укрепил город стенами. Ордоньо I (850—866) медленно, планомерно продвигался на юг. Он восстановил ряд разрушенных ранее городов, частично заселил Леон, Асторгу и Амайю. Но в IX в. побережье Галисии начинают опустошать норманны.

Альфонс III (866—910) расширяет свои владения до Дуэро, строит на ее берегах укрепленную линию: Самора, Симанка, Осма, Сан Эстебан де Гомес. Объектом

¹ Утверждение хрониста о создании некоей «стратегической пустыни» в долине Эбро не следует принимать буквально. Очевидно, здесь оставалось много крестьян и известное число горожан. См.: *Menéndez Pidal R. Repoblación y Tradición en la cuenca del Duero. Enciclopedia Lingüística Hispanica*, t. I. Madrid, 1960, p. XXIX—XXXII.

борьбы между асту́ро-леонским королевством и эмиратом становится территория между Дуэро и Гвадианой. В Португалии король заселяет Коимбру, в Кастилии — Бургос. Выражением претензий Альфонса III на гегемонию в Испании явилось принятие им императорского титула.

В начале X в. центр тяжести политической жизни королевства перемещается с гор на юг, в Леон, который становится столицей. В широких размерах осуществляется (во второй половине IX—X вв.) колонизация долины Дуэро, областей Леона и Кастилии. Для этого используются сервы, переведенные сюда с севера, и мосарабы. Леон заселяют главным образом астурийцы, мосарабы, Старую Кастилию — кантабры, баски, частично мосарабы.

Стремлению королей Леона расширить владения и упрочить свою власть противодействовали центробежные силы — сецессионистские тенденции магнатов. Они постоянно выступали против центральной власти, нередко заключая соглашения с арабами. Так, Альфонсу III приходилось подавлять восстания галисийской знати. Ордоньо II (913—923), которому отказала в поддержке знать Кастилии, потерпел поражение в битве с Абдаррахманом III под Вальдехуннере. Против короля Рамиро II (930—950) восстал граф Кастилии Фернан Гонсалес. Кастильцы впустили арабов на свою территорию, дали им возможность укрепиться в Мединасели, ставшем их опорным пунктом в последующих войнах против христианских государств.

Объединительная политика асту́ро-леонских королей тормозилась порядком престолонаследия: как правило, после смерти монарха королевство делилось между его сыновьями, чему обычно сопутствовала междоусобная борьба. Так, после смерти Альфонса III королевство было разделено на три части: Гарсиа получил собственно Леон, Ордоньо — Галисию и Лузитанию, Фруэла — Астурию. После смерти Ордоньо II происходила борьба между его сыновьями Санчо и Альфонсом IV. В середине X в. свергнутый знатью с престола король Санчо прибег к помощи халифа Абдаррахмана III для того, чтобы вернуть себе корону.

О силе партикуляристских тенденций в государстве свидетельствует отделение Кастилии (до VIII в. — Бардулия). Со второй половины IX в. страна, покрытая

крепостями (castella), именуется в источниках Кастилией. Она управлялась графами, назначаемыми королем Леона.

Граф Фернан Гонсалес (930—970), ставший позднее героем кастильского эпоса, добился предоставления ему в управление всех областей Кастилии, находившихся в ведении других графов (Бургоса, Лантарона, Лары, Алавы, Серезо), и получил возможность именоваться «графом всей Кастилии». Он поднял восстание против короля Рамиро II и после длительной борьбы упрочил свое положение правителя Кастилии. Ему удалось передать свое графство сыну. В начале XI в. Кастилия вошла в состав Наваррского государства, а с 1035 г. она стала самостоятельным королевством.

Очаги сопротивления арабам возникли в VIII в. и в Наварре. Мусульманам пришлось разместить в Памплоне — единственном городе этой области — гарнизон. В конце VIII — начале IX в. Наварра вступает в соприкосновение с Каролингской монархией. Карл Великий, совершая поход на Сарагосу, занимает Памплону, а возвращаясь на родину, разрушает ее стены. Баски совершают нападение на его арьергард в Ронсевале (778 г.). Позднее, в начале IX в., баски признают верховную власть франкского императора, но и после этого ведут вооруженную борьбу против франков. В конце VIII — начале IX в. королем Памплоны был Иньиго Ариста. Его сын и преемник Гарсиа Иньигес сближается с Леоном и оказывается во враждебных отношениях с эмиром.

Основатель новой династии Санчо Гарсес I (905—925) начинает экспансию на юг. Он занимает Нахеру, строит крепость Вигуэру. Ему приходится отражать натиск со стороны Абдаррахмана III, захватившего Памплону. В конечном счете король Наварры сохранил свои владения, но его преемники вынуждены были признать верховную власть эмира. Наваррский король завладел графством Арагон. Зенита своего политического могущества Наварра достигла при короле Санчо III Великом (1000—1035). Он включил в состав королевства области Собрарбе и Рибаторсу, графство Кастилию и оккупировал Леон. Его влияние распространялось на Гасконь и Барселону.

Начальная история Арагона не освещена источниками. К началу IX в. Арагон — маленькое политическое

образование в северо-восточной части полуострова, в горных долинах Ронкаля и Хистайна, обязанное своим наименованием реке Арагон. Центром этого графства была крепость Хака. На западе от Арагона находились владения Памплоны, на востоке — графство Урхель и Барселона, к югу — часть долины реки Эбро, остававшаяся в руках мусульман. Материальные и людские ресурсы графства в это время были слишком незначительны для того, чтобы оно самостоятельно осуществляло Реконкиту. Во время правления наваррского короля Гарсия Санчеса (925—970) Арагон окончательно вошел в состав королевства Наварры.

В Каталонии христианские области, независимые от эмирата, появились после походов Карла Великого и Людовика Благочестивого в Испанию. Франки завоевали крепости и города Херону, Аусону, Лериду, Барселону, Таррагону, Тортосу. Возникли графства Барселона, Ампуриас, Бесала, несколько позднее — графства Серданьское, Пальярское и Урхельское. Вместе с Септиманией они составили маркизат Готию. Уже в 827 г. начались восстания готских графов против франкского господства. Король Франции Карл Лысый разделил маркизат Готию и Испанскую марку, которая и составила Каталонию. В 873 г. граф Барселоны Вифред Мохнатый добился независимости. Он управлял также Урхелем и отвоевал у арабов области Рипполя, Монсеррата, Аусоны. Позднее все каталонские графства, кроме Пальярса и Ампурданы, подчинились его власти. Он деятельно осуществлял колонизацию, строил и укреплял монастыри. Перед смертью Вифред разделил свои владения между тремя сыновьями. Его преемники участвовали во внутренних войнах Кордовского халифата. В конце X в. Каталония, как и другие христианские государства Испании, оказалась неспособной противостоять натиску со стороны арабов, которых возглавлял Альманзор.

С начала 80-х гг. X в. фактический правитель Кордовского халифата и полководец Альманзор (аль-Мансур) перешел в наступление против христианских испанских государств. За 20 лет он предпринял около пятидесяти военных экспедиций на север. Арабские войска нанесли поражения войскам Леона, Наварры и Барселоны. Они овладели Саморой, сожгли Барселону, захватили и опустошили Коимбру, Симанку и Леон. Леон

признал свою зависимость от халифата. В начале XI в. Альфонс V (999—1028) опубликовал территориальный свод права — фуэро Леона.

Альфонс V отразил нападение норманнов на Галлисию. Но соотношение сил на севере Испании сложилось не в пользу Леона.

После смерти Санчо III Великого политическая роль Кастилии на полуострове усилилась. Сын Санчо III Фернандо I (1035—1065) захватил Леон. Он воевал против Наварры и отобрал отошедшие к ней ранее области Кастилии. Положение в мусульманской Испании (распад халифата на тайфы) в это время было благоприятным для Реконкисты. Фернандо I захватил мусульманские владения в Арагоне (крепости к югу от Дуэро), занял в Португалии области до Мэндего, Кويمбру и разрушил ряд крепостей в Толедском эмирате. Граница Кастилии передвинулась к Само-Сьерра (близ Гвадаррамы). Эмиры Бадахоса, Толедо, Сарагосы, Севильи стали его вассалами и данниками. Одновременно Фернандо I отражал нападение со стороны Наварры. Он посылал войска на помощь эмиру Сарагосы против короля Арагона Рамиро.

После смерти Фернандо I королевство вновь было поделено между его наследниками. Происходят усобицы, враждующие стороны используют в качестве союзников арабов. Альфонс VI (1065—1109) объединил под своей властью Кастилию и Леон. В 1085 г. он совершил поход против Толедо — «прелюдию к Первому крестовому походу»¹. Захватив Толедо, кастильцы преградили мусульманам доступ к горным проходам Гвадаррамы и получили возможность беспрепятственно заселять бассейн Дуэро. Альфонс VI вел на юго-западе военные действия против эмира Бадахоса. Происходит колонизация Новой Кастилии, долины Тахо, вплоть до верхнего Хукара, кастильской Эстремадур. В ней участвовали выходцы с севера, в основном кастильцы, а также французы. Но здесь оставалось и местное население — мосарабы и мудехары. Колонизация Новой Кастилии осуществлялась главным образом городскими советами — консехос (Авилы, Саламанки, Сеговии и др.).

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VI, с. 93.

Эмиры тайф обращались за помощью к альморавидам (сахарским берберам, перешедшим в ислам и создавшим обширное политическое объединение в Северной Африке). Вождь альморавидов Юсуф, высадившись в Испании, объединился с эмирами Гранады, Малаги, Альмерии и Бадахоса и нанес в 1086 г. у Салаки, близ Бадахоса, поражение войскам Альфонса VI. В 1094 г. кастильский рыцарь Руй Диас (Сид), служивший то королю Кастилии, то эмиру Сарагосы, собственными силами отвоевал у альморавидов Валенсию. Через 10 лет мусульмане вернули себе город.

После смерти Альфонса VI в Кастилии разгорелась внутренняя борьба, восстали магнаты в Галисии, началось восстание в Сантьяго де Компостела, вспыхнула война между Кастилией и Арагоном. Альморавиды продвинулись на север, захватили Мадрид. Сын Урраки Альфонс VII (1126—1157) подавил восстания внутри страны. Он занял Нахеру, область Риохи, Сарагосу. Используя раздоры среди мусульман, король овладел Коррией (к западу от Толедо) и вступил в Кордову (1146). Дальнейшим успехам кастильцев помешало появление в Испании новой военной и политической силы. Альмохады — мавры из марокканского Атласа — восстали против альморавидов в Африке и одержали над ними победу. Затем, прибыв по призыву эмира Бадахоса в Испанию, они подчинили себе к середине XII в. эмиров южной Андалузии, Эстремадуры и Португалии.

Альфонсу VII удалось поставить в вассальную зависимость Арагон, Наварру, графства Барселону и Тулузу. Он принял императорский титул. Но в его правление от королевства отпала Португалия. Португальский граф Альфонс Энрикес вел самостоятельную завоевательную политику. Он не только сражался на юге своей страны против мавров, но и совершал набеги на Галисию, захватил г. Туй. Альфонс Энрикес был провозглашен королем. Он объявил себя вассалом римской курии, и папа Александр III признал за ним титул короля. Еще раньше на это вынужден был согласиться и Альфонс VII. Значительных территориальных приобретений Альфонс VII не осуществил, хотя при поддержке флота Генуи и Пизы он захватил в 1147 г. Альмерию — важный порт на Средиземном море. Можно сделать вывод, что приход альмохадов подорвал влияние короля Кастилии в Андалузии.

После смерти Альфонса VII королевство разделилось между его сыновьями: Санчо III получил Кастилию, Фернандо II — Леон. Завязалась междоусобная борьба. В 1158 г. королем Кастилии стал Альфонс VIII, в период малолетства которого происходила борьба знатных родов (Кастро и Лара). В эту борьбу вмешивался король Леона Фернандо II (1157—1188), стремившийся установить гегемонию Леона в Испании. Он принял титул короля испанцев (*Hispanorum rex*). Фернандо II деятельно занимался колонизацией леонской Эстремадуры. При нем леонцы захватили крепость Алькантару.

Альфонс VIII отвоевал в Кастилии крепости, захваченные знатью в первый период его правления. Затем, договорившись с королем Арагона о распределении зон экспансии, кастильский король перешел в наступление против арабов. Он присоединил к своим владениям Куэнку (к северо-востоку от Толедо), совершал набеги на Кордову и Хаэн. Однако в 1191 г. против Кастилии объединились все христианские королевства полуострова, кроме Наварры. В 1195 г. Альфонс VIII потерпел в предгорьях Сьерры-Морены, у Аларкоса поражение от альмохадов. Войско мавров, опустошив долину Тахо, захватило Санта Крус, Трухилью, Паленсию и Талаверу. В то же время король Леона Альфонс IX (1188—1230) вторгся на территорию Кастилии в Тьерра де Кампос. Враждебные действия против Кастилии предприняла и Наварра. Заключив перемирие с мусульманами и получив поддержку от короля Арагона, Альфонс VIII воюет против Леона. Он отобрал у Наварры Гипускоа.

В начале XIII в. короли Кастилии и Леона деятельно занимались колонизацией. Одновременно они восстанавливали города в своих старых владениях. Альфонс IX восстановил города леонской Эстремадуры (Мериду, Алькантару), область, пограничную с Португалией. Король Кастилии Альфонс VIII укрепил Сан-Себастьян, заселил Сантандер и другие города Кантабрийского побережья, Галисию. В 1207 г. он добился соглашения с королями Леона и Наварры. Папа Иннокентий III объявил крестовый поход против мусульман в Испании. В 1212 г. произошла битва при Лас Навас де Толоса (в провинции Хаэн), в которой Альфонс VIII нанес поражение альмохадам. Король Леона использо-

вал отсутствие войск Альфонса VIII на севере для захвата ряда кастильских крепостей. У мусульман он отобрал Мериду и Бадахос.

В 1217 г. королем Кастилии стал Фернандо III (Святой), сын Альфонса IX, короля Леона, и внук Альфонса VIII, короля Кастилии. Чтобы упрочиться на престоле, он подавил сопротивление кастильских магнатов, которым помогал его отец, король Леона. Фернандо III, используя усобицы среди мусульман для завоевания бассейна Гвадалквивира, захватил Мурсию, Хаэн, Кордову (1236), Севилью (1248). В военных действиях против Севильи принимал участие на Гвадалквивире кастильский флот. Ряд южноандалузских городов приняли кастильские гарнизоны, обязуясь выплачивать подати. В 1230 г. после смерти Альфонса IX Фернандо III занял и леонский престол, что означало окончательное объединение Леона и Кастилии.

Альфонс X (Мудрый, 1252—1284) вел военные действия против Наварры, от которой требовал вассального подчинения. Против него восставала знать в Кастилии и Бискайи. Ему пришлось подавлять восстание и покоренного мусульманского населения, инспирированное эмиром Гранады. Альфонс X предпринял военную экспедицию в Африку против мусульман, занял Уэльву (северо-западнее Кадиса) и сам Кадис, Херес, Картахену. Он добивался своего избрания германским императором, что вызывало сопротивление кортесов. Альфонс X известен также своей законодательной деятельностью (издание *Фауэро реаль*, *Сиете Партидас*).

В начале XI в. при короле Санчо III Великом Наварра становится самым сильным христианским государством на полуострове. Владения Санчо III доходят на западе до границ Галисии и на востоке до графства Барселоны. Санчо принял титул короля Испании. Но после его смерти королевство разделилось между сыновьями. Гарсиа получил Наварру и баскские провинции, другие сыновья — Кастилию, графство Арагон, Собрарбе и Рибаторсу. В 1076 г. владения Наварры были разделены между королем Кастилии Альфонсом VI и арагонским королем Санчо Рамиресом. Независимость наваррцы вернули себе только в 1134 г. С мусульманами Наварра уже не имела общей границы и не могла расширять за их счет свои владения. В 1200 г. кастильский король окончательно завладел

Алавой и Гипускоа. В XIII в. Наварра оказывается в сфере влияния Франции, она мало участвует в политической жизни полуострова.

Раздел монархии Санчо III Великого между его сыновьями привел к тому, что Арагон приобрел самостоятельность. Он был выделен сыну Санчо, Рамиро, получившему титул короля. Арагон стал играть по отношению к Наварре такую же роль, какую Кастилия выполняла по отношению к Леону. Вскоре к новому королевству были присоединены графства Рибаторс и Собраббе. Король Санчо Рамирес отобрал у арабов несколько крепостей на юге. В 1076 г. он стал также королем Наварры, что значительно укрепило Арагонское королевство. В конце XI в. арагонцы захватили Уэску, являвшуюся оплотом арабов к северу от Эбро. Этот успех был развит Альфонсом I Воителем (1104—1134), завоевавшим мусульманскую территорию на правом берегу Эбро и в 1118 г. захватившим Сарагосу, ставшую столицей королевства. На западной окраине своего королевства Альфонс I колонизовал территорию в районе Сории, Берлялги, Альмасана и Бельдорадо. Он совершил набег на Валенсию, Мурсию, Андалузию.

В 1137 г. Арагон вступил в унию с Каталонией, получив благодаря этому доступ к Средиземному морю. Король Альфонс II Арагонский имел также владения в южной Франции. Он воевал против арабов в союзе с кастильским королем Альфонсом VIII, но позднее выступал вместе с Наваррой, Леоном и Португалией против Кастилии. При короле Хайме I (1213—1276) Арагон отвоевал у мавров Балеарские острова, Валенсию и Мурсию. Последняя была, однако, признана областью, подвластной Кастилии.

Рамон Беренгер I (1035—1076) сосредоточил в своих руках помимо Барселоны графства Аусонское и Херону. Ведя войну против мавров, он продвинулся на западе до Барбастро. Эмир Сарагосы и некоторые другие эмиры платили ему дань.

В начале XII в. территориальный рост Барселонского графства продолжался. Независимость сохранили только два графства прежней Испанской марки — Урхель и Пераллады. Барселонское графство установило торговые и дипломатические отношения с итальянскими городами-государствами. В 1137 г. была заключена уния с Арагоном.

Приведенные выше данные позволяют отметить некоторые черты политической истории Испании, являющиеся общими для средневековых государств Европы, а также те, которые следует считать особенностями христианских королевств полуострова. Будучи единым политическим образованием в римскую и готскую эпоху, Испания в эпоху раннего средневековья распалась на ряд мелких государств. Политическое дробление страны, выходящей из стадии варварского королевства, характерно и для иных стран Европы. Точно так же постоянная борьба за новые территории и подданных, ведущая не только к экспансии против иноверцев, но и к войнам с другими христианскими государствами, присуща не только Испании. Это же относится и к внутренним усобицам.

Реконкиста в несравненно большей степени воздействовала на характер социального развития страны, чем завоевания, в том числе и крестовые походы, на судьбы других средневековых государств. Но она была обусловлена социально-экономическими отношениями Леона и Кастилии. Важным стимулом Реконкисты было стремление феодальной знати приобрести новые земли и военную добычу. Правда, крестьянская колонизация играла здесь значительно большую роль, чем в каких-либо иных странах Западной Европы. Однако по своей природе Реконкиста — детище феодального государства.

Мы могли проследить постепенное усиление стремления к централизации и объединению. Эта тенденция исходила не из одного, как в большинстве других стран средневековой Европы, а из нескольких центров. Вплоть до XIII в. наряду с концентрацией территории и населения в леоно-кастильском и арагоно-каталонском регионах кое-где получили преобладание сепаратистские тенденции (Наварра, Португалия). И понадобилось еще два столетия для того, чтобы объединились Кастилия и Арагон.

Политическая история Леона и Кастилии, несмотря на ее своеобразие, не обнаруживает таких принципиальных отличий от политического развития других стран Западной Европы, которые несовместимы с феодальным общественным устройством.

Социально-экономические отношения в Астуро-Леонском королевстве в VIII—X вв.

Источники по истории социально-экономического строя Астуро-Леонского королевства в первый период его существования весьма скудны и почти не содержат данных по указанной проблеме. Самые ранние из них написаны в X в. Лишь единичные грамоты, относящиеся к VIII в., являются подлинными. Хартии вольностей — фуэрос, которые жаловались городам и населенным пунктам, освещают порядки более позднего периода. Очень немногие из них относятся к IX—X вв. Можно считать, что такой ценный памятник, как фуэро Лео-на, утвержденное в самом начале XI в., отражает отношения, характерные и для X в. Арабские источники содержат сведения в основном о политической и военной истории христианских государств. Поэтому ряд важных сторон социального строя данного периода остается неосвещенным.

1. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АСТУРИИ И ЛЕОНЕ В VIII в.

Экономическая жизнь в Астуро-Леонском королевстве была примитивнее, чем в готской Испании. Это связано с тем, что наиболее экономически развитые регионы оказались в руках арабов. В сельском хозяйстве королевства значительно возрос удельный вес скотоводства, которое в горных районах севера играло главную роль.

Грамоты, в которых фиксируется передача земельных владений, нередко отмечают наличие в этих владениях различных видов скота. Фуэрос при решении вопросов потравы, причиненной скотом, уделяют значительное внимание охране интересов собственников скота. Термин *ganato* служит для обозначения и скота и приобретенного имущества в целом.

Характерно соотношение цен на землю и скот. В X в. за одного быка отдавали наследственный земельный надел. Имелось много запустевших заброшенных земель.

Техника и система земледелия мало изменились. Использовался плуг римского типа (*arado romano*) с железным лемехом. Тягловой силой была пара волов. Интересно отметить, что еще в IX в. применялась римская техника межевания в виллах, известная нам по трактатам позднеримских землемеров (*скамнация*)¹.

Широко распространена была, как и прежде, двухпольная система землепользования, а в некоторых районах, особенно на бедных почвах запада Месеты, — система «ад терцио»: поле один год отводилось под обработанные пары, другой год засевалось зерновыми культурами, третий — находилось под травами. Сеяли в небольшом количестве пшеницу для хлеба и рожь и ячмень на корм скоту.

Аграризация страны, прогрессирующая с поздне-римского периода, теперь нашла свое завершение. Города полностью утратили свое прежнее значение. В Астуро-Леонском королевстве оставалось лишь малое количество небольших городов, которые и прежде не играли значительной экономической роли.

Не менее существенными были изменения и в экономических отношениях, в классовой структуре общества. Крупное землевладение не занимало в экономике вновь возникшего испанского христианского государства такого же преобладающего положения, как в Вестготской монархии. Многие крупные имения были опустошены во время конкисты, перешли в руки завоевателей. В VIII в. в Астурии и Леоне вырос удельный вес свободных крестьян; с одной стороны, уменьшилось значение сервов в производстве — с другой. Исчез слой куриалов.

В связи с такими сдвигами в общественном строе части Испании, оставшейся в руках христиан, некоторые ученые делали вывод о том, что тенденции феодального развития, наметившиеся в вестготскую эпоху, оказались якобы подорванными; если раньше Испания шла по тому же пути, что и другие страны Западной Европы, то теперь

¹ См.: *Floriano A. C. Diplomática española del periodo Astur*, t. I. Oviedo, 1949, N 28.

ее судьба сложилась по-иному. Для того чтобы судить об основательности такого суждения, необходимо рассмотреть социально-экономические отношения Астури-Леонского королевства.

Источники свидетельствуют о том, что, хотя крупное землевладение и сократилось в своем объеме, оно не исчезло после мусульманского завоевания и на севере Испании. В памятниках VIII в. содержатся данные о королевском и церковном землевладении. В Галисии, Астурии, Сантандере, Риохе основывались новые или восстанавливались старые монастыри. Короли имели в своей собственности виллы, которые они могли жаловать монастырям¹. Можно предположить, что такими виллами располагали и светские магнаты. В хрониках говорится о наличии представителей светской знати, о королевских «верных» (*fideles*), которые, как и в готский период, вознаграждались за свою службу землями.

По-видимому, рабы в VIII в. еще играли существенную роль в производстве. В грамотах, касающихся основания монастырей, идет речь о рабах как о необходимой их принадлежности. О том, что эксплуатация рабов осуществлялась в довольно суровых формах, свидетельствуют сообщения хроник о восстании сервов (или, по другим источникам, либертинов) против их господ в 60—70-х годах VIII в.

Не следует преувеличивать воздействие мусульманского завоевания на характер общественного строя. Социальные отношения, сложившиеся в Испании к VIII в., были настолько устойчивыми, что даже такое глубокое политическое преобразование, как конкиста, не могло коренным образом изменить их. Ярким показателем жизненной силы того социального организма, который представляло собой к концу готского периода крупное имение, основанное на эксплуатации труда сервов, служат данные о своеобразной «эвакуации» таких вотчин из занятых арабами районов на север. В источниках этого периода имеются сообщения о том, что епископы выводят из мусульманской Испании своих сервов, скот и основывают монастыри в Астурии, Галисии. Эмиграция на север значительного числа представителей господствующего класса готского общества, ис-

¹ См.: *Floriano A. C. Diplomática española del periodo Astur*, t. I, N 4, 6, 7, 9, 11, 12, 14, 15.

пользовавшего свои социальные связи, формы организации хозяйства и управления, традиции Вестготской монархии, явилась существенным фактором феодализации ранее отсталых окраин Испании.

Сам факт наличия крупного землевладения в VIII в. в Астурии еще не определяет в достаточной мере характер ее социального строя. Важно учесть, каков его удельный вес в хозяйстве, какую роль играла наряду с ним крестьянская собственность, причем не только в VIII в., но и на протяжении всей эпохи раннего средневековья.

2. МЕЛКИЕ ЗЕМЕЛЬНЫЕ СОБСТВЕННИКИ В АСТУРО-ЛЕОНСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ

Из источников видно, что мелкая земельная собственность, как казалось, пришедшая в полный упадок к концу VII — началу VIII в., возродилась в Астуро-Леонском королевстве. Грамоты, касающиеся отчуждения земли, свидетельствуют о наличии в Астурии, Галисии, Леоне и особенно в Кастилии значительного слоя свободных крестьян, которые распоряжаются своими владениями, продают их, дарят, обменивают. Характер сделок позволяет предположить, что речь идет о мелких собственниках. Отчуждаются, как правило, мелкие наделы порой за совершенно незначительную плату (2—3 солида деньгами или 1—2 головы мелкого скота). В описании отчуждаемого участка нередко указывается, что он граничит с двух-трех сторон с участками других крестьян — соседей. В то же время это — наследственное владение, полученное, как иногда отмечается в грамоте, от отца и деда.

В этот период существовали свободные крестьянские общины, игравшие самостоятельную роль в хозяйственной жизни и юридически признававшиеся государством. В фуэрос X — начала XI в. перед нами выступают деревни (*villae ingenuae*, бегетрии), обитатели которых обладают всеми правами свободных людей¹. Следует учесть, что в Испании этого периода, как и в других странах Западной Европы, термин «*villa*» приобретает двойное значение. В некоторых случаях он по-пре-

¹ См.: *Fuero de Castrojeriz Muñoz y Romero. T. Colección de fueros municipales y cartas pueblas, t. I. Madrid, 1847, p. 37—38; Fuero de León. Op. cit., p. 60—73.*

жнему обозначает крупное имение. Но зачастую «вилля» — это деревня, населенный пункт, в котором находятся свободные или зависимые крестьяне (встречается также и термин «vicus», но реже, чем «villa»). Косвенным показателем наличия большого слоя свободного крестьянства служит тот факт, что военные силы государства основываются в основном на крестьянском ополчении. Слой мелких земельных собственников был менее значителен в Астурии и Галисии; несколько больший удельный вес он имел в Леоне и особенно большое место занимал в Кастилии.

Происхождение этого свободного крестьянства двойственно. С одной стороны, это потомки мелких земельных собственников, уцелевших в готский период в северных районах полуострова. С другой стороны, данный слой пополнялся в результате колонизации и освоения новых земель — процесса, начавшегося и получившего особый размах с середины IX в., когда стала осваиваться долина Дуэро.

3. КОЛОНИЗАЦИЯ В IX—X вв.

В это время складывается институт, получивший наименование прессуры (pressura) — занятие пустующей, оставшейся без хозяина земли с целью ее расчистки и обработки. Прессура могла носить индивидуальный характер, когда поселенцы являлись на новые земли отдельными семьями. Так, в одной из грамот от 757 г. говорится о поселенце, который, явившись из мусульманской Испании в Галисию, «как и другие свободные люди по велению короля Альфонса», поднимает с сыновьями целину и основывает виллу и наследственные владения близ Луго¹.

Нередко такие займки осуществлялись группами земледельцев, получивших специальные поселенные грамоты от королей и графов (cartas pueblas). Такие группы семей, именовавшиеся sortitores или sodales, были связаны совместной обработкой земли. Прессура не могла осуществляться ни на общинных, ни на частных землях, а лишь на запустевших и не имевших собственников пространствах.

¹ См.: Floriano A. C. Diplomática española del periodo Astur, t. I, N 6.

В колонизации участвовали не только свободные, но и рабы. Крупные землевладельцы могли переводить сервов из своих имений на севере на новые земли, использовать военнопленных мавров в качестве рабов; они могли (в первый период колонизации) эмигрировать из мусульманских владений вместе со своими рабами. Главную же роль в прессуре играли свободные люди. Как отмечает К. Санчес-Альборнос, из 51 документа, касающегося прессуры в IX—X вв. в Астуро-Леонском королевстве, лишь 7 упоминают о заимках с помощью сервов.

Весьма важен вопрос о правах крестьянина на землю, которые сообщала ему прессура. Некоторые исследователи считали, что подобные заимки давали право владения, связанное с известными ограничениями¹. Высказывалось также мнение о том, что прессура не создавала непосредственно собственности, но была ее источником. Она вела к возникновению владения, которое после его утверждения королем становилось собственностью².

По мнению некоторых ученых, прессура создавала собственность и не нуждалась в таких условиях, как королевское утверждение, или обработка земли в течение известного времени³. Известно, что заимки нередко осуществлялись (особенно в первоначальный период в Португалии, а позднее в Кастилии) без вмешательства короля и его должностных лиц. Но с IX в. участие короля (или его должностных лиц) в оформлении прессуры очевидно. В это время в грамотах, фиксирующих заимки, употребляется формула — *sum cogni et albende de rege*: осуществляющий прессуру должен громогласно объявить о том, что он занимает данную землю, а затем получить санкцию короля⁴.

Король считался собственником всех пустующих земель. Судя по тому, как в дальнейшем отдельные лица и целые общины свободно распоряжались землями,

¹ См.: Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte, Bd. II, 1928, S. 346—348.

² См.: Guilarte L. D. Notas sobre la adquisición de tierras y de frutos en nuestro Derecho medieval. La presura o escalio. ANDE, t. X, 1933, p. 292—293.

³ См.: Concha I. de la. La Presura. Madrid, 1946, p. 129—130; Floriano A. C. Diplomática española del periodo Astur, t. II, p. 754.

⁴ Имелось в виду, что приступающий к заимке трубит в рог (*sum cogni*) и развешивает королевское знамя (*et albende de rege*).

занятыми ими в результате прессуры, можно предположить, что эти участки впоследствии становились собственностью аллодиального характера. Поэтому Реконкиста и сопутствовавшая ей прессура играли важную роль в пополнении слоя мелких земельных собственников в Астуро-Леонском королевстве.

Важнейшее значение для оценки характера аграрного строя Испании в рассматриваемый период имеет вопрос о характере собственности на землю и формах землепользования.

4. ХАРАКТЕР ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ. ОБЩИНА

В специальной литературе высказывались различные мнения относительно форм земельной собственности в средневековой Испании. Для большинства современных испанских историков аграрный строй Астуро-Леонского королевства характеризуется господством римского принципа частной собственности на землю. Но некоторые исследователи подчеркивали наличие деревенской общины. Еще в 1883 г. русский медиевист И. В. Луцицкий в своей работе «Поземельная община в Пиренеях» показал существование общинных форм владения землей в этой части полуострова. В 1898 г. испанский историк И. Коста опубликовал свой труд «El Colectivismo agrario en España», в котором собрал данные о деревенской общине на всей территории Испании. Работа Коста не утратила своего значения до настоящего времени, но она носит односторонний характер. Подчеркивая роль общины и коллективных форм землевладения, Коста не учел данные об индивидуальных частновладельческих формах хозяйства.

Между тем, рассматривая характерные для астуро-леонской деревни в IX—X вв. формы собственности, семейную организацию и общинное устройство, мы обнаруживаем разнородные элементы. Принципы индивидуального землевладения и частной собственности на землю сочетаются с общинными формами земельной собственности и землепользования.

Мы имеем возможность рассмотреть два основных вида общинной организации крестьян: домовую (семейную) общину и деревенскую (соседскую) общину. Из источников видно, что в IX—X вв. и позднее сохраняется семейная община. Она состоит из родителей и взрос-

лых сыновей (женатых, а порой только неженатых). Иногда такая семья включала в свой состав и двоюродных братьев¹. Эта община нераздельно владела недвижимым имуществом и совместно вела хозяйство. Экономической основой семейной общины была собственность на родовое имущество (*hereditas; abolengas*), которое отличалось от приобретенного (*ganatura, ganancia*)², считалось собственностью всей семьи, и домохозяин не мог произвольно распоряжаться им. Еще в готской Испании родителям не разрешалось лишать детей наследства, если они не провинились в чем-либо серьезном; не допускалась передача одному из детей большего количества имущества, чем другому. В Астуро-Леонском королевстве Вестготская правда сохраняла свое действие. Во многих фуэрос XI—XIII вв. содержатся подобные ограничения. Так, в фуэро Саагуна 1100 г. отмечается, что родителям должны наследовать сыновья, а в случае их отсутствия — внуки, братья, племянники, двоюродные братья. И только в случае, если таких родственников нет, можно завещать имущество посторонним лицам³. Фуэро Нахера предоставляло право продавать наследственные наделы лишь тем членам общины, которые не имели детей⁴. Согласно Партид, если кто-либо, не имея детей, дарил имущество третьему лицу, а потом у дарителя родился ребенок, дарение становилось недействительным⁵. В случае если дети лишались наследства в результате недостойного поведения, это нужно было засвидетельствовать на совете общины. Для продажи семейного имущества требовалось согласие взрослых членов семьи. Поэтому отчуждение земли осуществлялось по грамотам от имени отца и его детей, а иногда и внуков, братьев⁶. Во многих грамотах земельные владения рассматриваются как собственность родителей и их детей. После смерти отца

¹ См.: *Valdeavellano L. G. de. La comunidad patrimonial de la familia en el derecho español medieval*. Salamanca, 1956, p. 38—39.

² См.: *García Larragueta S. A.* — «*Sancta Ovetensis*». Madrid, 1962, N 36, 345, 464, 474.

³ См.: *Escalona R. Historia del real monasterio de Sahagun*. Madrid, 1782, p. 508.

⁴ См.: *Fuero de Najera. Muñoz. T. Colección de fueros municipales y cartas pueblas*, t. I, p. 290.

⁵ См.: *Las Siete Partidas*, v. 4, 8.

⁶ См.: *Fuero Viejo de Castilla IV*, 1, 3; *Becerro Gotico de Cardeña*, N 156, 157, 161, 166.

дети и внуки часто не осуществляли раздела родового имущества, а продолжали совместно владеть им¹. Главой такой семейной общины оказывался старший брат.

Власть главы семьи над домочадцами находила свое отражение, в частности, в том, что он нес ответственность за преступления, совершенные кем-либо из членов семьи. Как и в готский период, девушка для вступления в брак должна была получить согласие родителей, а в случае, если они умерли, — родственников. Последние выступали в качестве соприсяжников. Они получали за убитых родичей часть вергельда и преследовали их врагов.

Было бы, однако, неверно считать, что указанные данные о семейной общине имели всеобщее значение для леонской и кастильской деревни в IX—X вв. В источниках нетрудно обнаружить свидетельства о наличии индивидуального ведения хозяйства и о различных формах, которые носили промежуточный характер. Разложение семейной общины выражалось в отчуждении наследственного земельного владения в ущерб прямым наследникам — детям. Иногда за ними сохранялась возможность выкупа. Так, в одной из грамот дарения неким частным лицом Саагуну всего наследственного имущества оговаривается, что если сыновья или внуки дарителя захотят после его смерти выплатить ту сумму, которую их родич получил от монастыря, они смогут получить землю обратно². Для получения возможности передавать имущество третьим лицам в обход прямых наследников использовался институт усыновления (*perfiliatio, prohiatio*). Постороннее лицо благодаря этому акту получало такое же право на наследование, какое имели дети. Порой в роли усыновленного выступали монастырь, король или сеньор. Иногда же это делали муж и жена в пользу друг друга, с тем чтобы после смерти одного из них оставшийся в живых ему наследовал. В испанском праве господствовал принцип раздельности имущества супругов.

Некоторые фуэрос открыто отказывались от принципа неотчуждаемости родового земельного владения. Так, например, фуэрос Паленцуэлы, Миранды, Сепуль-

¹ См.: *Valdeavellano L. G. de. La comunidad patrimonial de la familia en el derecho español medieval*, p. 26—27.

² См.: *Escalona R. Historia del real monasterio de Sahagun. Escr. 204 (a. 1202)*.

веды разрешают оставлять церквям любое имущество, независимо от того, имеются ли у дарителя дети¹.

Показателем разложения семейной собственности могут служить попытки искусственно воспрепятствовать этому процессу. В Галисии, например, существовал уцелевший до XX в. обычай образования семейных сообществ по договору (*sociedad tácita familiar*). Члены этой общины обязывались до конца своих дней не делить земли и совместно ее обрабатывать. В Астурии в IX в. практиковался договор, согласно которому группа земельных собственников-соседей (возможно родственников) обязывалась не отчуждать имущество никому, кроме как друг другу или определенной церкви.

Текст грамот дарений и продажи содержит обычно формулу проклятия по отношению к тем наследникам, которые станут оспаривать законность фиксируемого грамотой акта отчуждения имущества. В источниках также немало данных о тяжбах, которые вели наследники дарителей, отстаивая свои права на имущество, пожалованное церкви.

Испанская семейная община не представляет собой исключительного явления для Западной Европы. Нетрудно провести параллель между ней и генеалогиями Алеманнской и Баварской правд. Но в Леоне и Кастилии такие семейные общины как производственные объединения сохраняются еще в XII—XIII вв. и позднее, в то время как названные германские памятники относятся к VII—VIII вв. В памятниках рассматриваемого периода отражен и интенсивный процесс разложения этой общины. Уже в X в. и особенно позднее заметно дробление земельных владений.

Семейные общины входили в состав деревенской соседской общины. Материальной основой этой организации являлось наличие у нее права собственности на общие угодья. Роль этих угодий в хозяйстве была особенно велика в связи с тем, что скотоводство во многих случаях не уступало по своему значению земледелию, а кое-где стояло на первом месте.

О порядке землепользования в Астуро-Леонском королевстве нет достаточно определенных данных. В готский период Испании, в частности в северных ее райо-

¹ См.: *Fuero de Palenzuela*. Muñoz T. Op. cit., p. 273; *F. Cantera Fuero de Miranda de Ebro*, Madrid, 1945, § 10; *Fueros de Sepúlveda*, *Fuero Romao*, 23.

нах, существовали смешанные римско-германские деревни. Индивидуальный характер землепользования римского типа сочетался с германской марковой системой¹. Известно также, что в период позднего средневековья, вплоть до XIX в., а кое-где и до XX в., в Леоне и Кастилии имелись общины, в которых соседи не только совместно владели пастбищами, но и периодически (каждые 3—10 лет) переделывали пахотные поля по жребью. Раздел осуществлялся не по душам, а по дворам. Широкое применение находила система открытых полей. Но уже в ранний период, не позднее XII в., в Старой Кастилии на достаточно обширной территории появляются огороженные поля. Огораживались в основном земли, близкие к населенному пункту, засеянные ячменем и другими фуражными и техническими культурами, огороды, виноградники. Изгороди носили постоянный характер: они были из камня или из кустарника.

В некоторых районах Астурии, Бискайи, Леона, Кастилии до нового времени сохранился обычай объединения групп соседей для совместного выполнения сельскохозяйственных работ. Так, в Астурии термином «*andecha*» обозначался обычай, когда 10—30 человек последовательно обрабатывали поля каждого из участников такого временного товарищества². В Саморе (Кастилия) существовала так называемая «*rozada*»: несколько соседей совместно работали на общинной земле (сеяли, пахали, собирали урожай). Урожай распределялся поровну между участниками³. Сходный институт под наименованием «*boiiza*» имелся в Леоне. Все эти проявления традиций коллективного землепользования не дают, однако, оснований подвергать сомнению господство индивидуальной собственности на землю в рассматриваемый период.

Хозяйственные и юридические памятники исходят из представления о том, что общинники являлись собственниками своих земельных участков. Пахотные поля, виноградники, луга зачастую располагались попеременно. В памятниках VIII—X вв. нет данных о каких-либо пе-

¹ См.: Корсунский А. Р. Готская Испания, гл. 2.

² См.: Costa J. *Colectivismo agrario en España*. Madrid, 1898, p. 339—367, 397—398.

³ См.: Baroja C. *Los pueblos del norte de la peninsula iberica*. Madrid, 1943, p. 131.

риодических переделах пахотной земли. Некоторые фуэрос, жалую землю крестьянам, предусматривали, что она должна быть разделена по жребию, но в наследственное владение.

Черты соседской общины в памятниках рассматриваемого периода выражены довольно отчетливо. Эта община являлась юридическим лицом. Она обладала собственным имуществом, ей принадлежало право самоуправления в определенных границах. Управлял общиной совет, консехо (*consilium, consejo*) — собрание всех соседей — членов общины. На собраниях община вырабатывала свое право, которое в дальнейшем фиксировалось в фуэрос. Общине принадлежало право собственности на леса, луга, воды и пустоши, находящиеся в общем пользовании всех соседей. Члены общины совместно пользовались мельницами. Каждый сосед рассматривался как совладелец, и если мельница продавалась, он получал компенсацию за свою долю в этом общем имуществе. Община могла отчуждать землю, заключать контракты об аренде у соседних землевладельцев. Иногда совет отказывался от общинной земли в обмен на те или иные привилегии.

Согласно некоторым фуэрос, община наследовала своим бездетным членам. Иногда она получала вергельд за убитого общинника, у которого нет близких родственников. Совет общины вел тяжбы с сеньорами, церквями¹, решал вопросы землеустройства. Совет раздавал членам общины земли из пустошей для обработки, решал вопрос о поселении на территории общины чужаков², определял порядок проезда общинников через поля своих соседей. Все эти данные о леоно-кастильской деревне IX—X вв. позволяют предположить, что перед нами тот тип крестьянского земельного устройства, который В. И. Ленин охарактеризовал в конспекте труда К. Каутского «Аграрный вопрос» как «компромисс между общинным и частным землевладением»³.

Важное место в деятельности консехо занимала охрана обработанной земли и угодий. Консехо избирал

¹ См.: Colección diplomática de San Salvador de Oña. Madrid, 1950, N 698.

² См.: Carlé M. *del C. Del concejo medieval castellano-leones*. Buenos-Aires, 1968, p. 180—181.

³ Ленинский сборник, XIX, с. 31.

специальных должностных лиц, заботившихся об охране полей (*messegueros*), виноградников (*viñaderos*), выпасов (*deheseros*), вод (*aguadores*), лесов (*montañeros*). В консехо совершались официальные акты: соседи при тяжбах приносили присягу; фиксировались дарения и продажа имущества. Здесь же рассматривались взаимоотношения с феодальными землевладельцами. Консехо решал вопрос о признании власти сеньора над общиной; он получал вольности от короля или от сеньора и обеспечивал выполнение служб в их пользу.

Соседи — члены деревенской общины — это круг лиц, пользовавшихся специфическими правами и обязанностями. Статус соседа приобретался в результате поселения с группой других крестьян по фуэро путем купли земельного участка и проживания на территории общины в течение известного времени (иногда — одного года), наконец, путем наследования этого звания и (по некоторым фуэрос) при условии выплаты определенных налогов¹. Соседи могли пользоваться общинными угодьями, пустошами для расчисток. Земледелец же, не имевший прав соседа, но пытавшийся воспользоваться пустошами общины, ее лесом, выплачивал штраф, утрачивал упряжку, орудия труда. Жизнь и безопасность соседей сохранялись более тщательно, чем несоседей. Соседи выступали в качестве соприсяжников.

«Соседи» и «родственники» выступают в памятниках данной эпохи как близкие понятия. Дарили имущество в присутствии родичей и соседей. Когда умирал бедняк, средства на его погребение давали родичи и соседи. Порядок наследования предусматривал, что наследуют прежде всего те, кто являются ближайшими родичами и соседями.

Таким образом, перед нами, казалось бы, стабильные общности — семейная община и соседская община. Однако данные о мобильности земельной собственности в изучаемом регионе в IX—X вв. ярко подтверждают известный тезис о том, что существование аллодиальной собственности неизбежно ведет к росту крупного землевладения. Выше отмечалось, что в источниках IX—X вв. содержатся сведения о широких размерах практики отчуждения земельных наделов мелкими собственниками. Этот материал свидетельствует не только

¹ См.: *Carla M. del C. Del concejo medieval castellano-leonés*, p. 85.

о наличии значительного слоя свободного крестьянства, но и о начинающемся его разорении, поглощении земель части этих крестьян крупной вотчиной.

Анализ хозяйственных памятников обнаруживает четко выраженный процесс дробления земельных наделов. Так, в грамотах епископства Овьедо уже в X в. нередко идет речь об отчуждении одной пятой, шестой, восьмой, двенадцатой части наследственного надела. Происходит внедрение вотчины в крестьянскую общину. Объектами отчуждения являлись обычно земельные участки, граничащие с двух, а иногда трех сторон с наделами других соседей¹. Продавались при этом не только пахотные поля, виноградники, усадьбы, но и выделенная их собственникам часть лесов и прочих общинных угодий. Обычно формула об отчуждении земельных владений упоминает наследственные земли и доли в лесах, лугах, т. е. в общинных угодьях². Эти наделы могут быть уже разделены, а иногда остаются еще фактически неразделенными³. Вотчинник, в руках которого концентрировались наделы общинников, оказывался также хозяином общинных угодий.

В условиях Реконкисты и колонизации, особенно на территории Кастилии, процесс разложения крестьянского землевладения не мог привести к исчезновению аллодиальной собственности, так как возникали новые крестьянские поселения, получавшие в соответствии с фуэрос права свободных общин. Часть же разорившихся мелких аллодистов превращалась в зависимых крестьян.

5. ЗАВИСИМОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

В документах данного периода редко применяются специальные термины для обозначения слоя зависимых крестьян. Обычно употребляется расплывчатое выражение *homines*, которое может иметь в виду не только мелких свободных держателей в крупных имениях, но и сервов. Редко встречается слово *tributarii*, пережиток

¹ См.: Becerro Gotico de Cardeña, N 28, 61, 100, 101, 104, 138, 145, 146, 150, 154 и др.; Cartulario de Albelda, N 24.

² См.: Floriano A. C. Diplomática española del periodo Astur, t. I, N 77, 316, 317; Becerro Gotico de Cardeña, N 177, 178, 184, 185.

³ См.: Floriano A. C. Diplomática española del periodo Astur, t. II, N 98.

испано-римской и вестготской терминологии. Но к X в. входят в употребление термины хуньорес (*juniiores*) — на территории северного Леона и Галисии, колласос (*collazos*) — между Дуэро и Тахо.

Среди хуньорес различались две категории: хуньорес де эредад (*de heredad*) и хуньорес де кабеса (*de cabeza*). Первые считались свободными, вторые — людьми, принадлежавшими сеньорам. Колласос обычно относят к той же категории, что и хуньорес де эредад, хотя иногда высказывается предположение, что они скорее близки по своему статусу к хуньорес де кабеса.

Хуньорес и колласос сидели на чужой земле и выполняли определенные повинности. Оброк, который они вносили, именовался *tributum*, а со второй половины X в. — инфурсьон (*infurción*). Это была плата за пользование землей королю или сеньору. Происхождение данного термина спорно¹. Взимался этот побор обычно натурой. Инфурсьон в этот период, судя по дошедшим до нас данным, нельзя считать обременительным побором (если сравнить с известными нам размерами поборов зависимых крестьян Северной Франции или Италии в ту же пору. Так, епископ Леона Фрументий подарил церкви виллу с держателями, которые обязаны были вносить ежегодно 12 ячменных хлебов и некоторое количество вина. Согласно фуэро Мельгар де Сузо (950 г.), крестьяне должны были давать своему сеньору в качестве инфурсьон ежегодно 1 фанегу (55,5 литров) пшеницы, 1 — ячменя, 4 сосуда вина и 1 свинью. Иногда крестьяне выполняли отработочные повинности, не отнимавшие у них много времени. Так, согласно фуэро Сируэньи (972 г.), в области Риохи крестьяне выполняли в пользу монастыря св. Андрея ежемесячно в течение двух дней работы по пахоте; косьбе и возделыванию виноградников; в течение третьего дня — транспортные повинности, а в четвертый день — службы в пользу судебных властей. В дни работы крестьяне получали от монастыря прокормление.

В X в. появляются упоминания о таких повинностях, как маньерия (*mañería*) — плата сеньору за передачу держания по наследству (если умерший держатель не

¹ Некоторые связывают его со словом *fructus* — плод (*in-fructiōne*), другие с термином *functio*, т. е. с позднеримским *functio publica*, как обозначался тогда поземельный налог. Возможно, к этому времени он слился с частной рентой за пользование чужой землей.

имел детей и его участок переходил к его родственнику или соседу); монтазго (*montazgo*) — плата за пользование лесом сеньора (или короля). Хуньорес де эредад имели право приобретать землю у других крестьян, присваивать запустевшую землю, взяв на себя ее обработку. На них лежали повинности в пользу государства, в том числе и военная служба¹. Подобно крестьянам-аллодистам, хуньорес и колласос имели свою деревенскую организацию — консехо.

Хуньорес де эредад обладали свободой ухода, хотя и с некоторыми ограничениями. Они могли оставлять вотчину, но лишались своего земельного надела (*haereditas*), половины приобретенной земли и половины движимого имущества. Порой эти ограничения были более суровы. Так, королева Тереза, подарив в 978 г. виллу Фурнакас Саагуну, объявила, что если кто-нибудь из ее обитателей захочет уйти, то оставит в ней все имущество, которое он там приобрел, и не сможет никому ни продать его, ни подарить².

Некоторые фуэрос устанавливали территориальные ограничения в праве ухода хуньорес: они могли переселяться не далее «третьей виллы», т. е. в пределах того округа, в котором ранее жили данные крестьяне³.

Другой слой зависимых крестьян — хуньорес де кабеса — стоял значительно ниже на лестнице социальной иерархии. Такие земледельцы выплачивали подушный налог и вовсе лишены были права ухода от своих господ. Эти крестьяне рассматривались, следовательно, как несвободные. Некоторые исследователи считают, что хуньорес происходят от испано-римских колонов или вольноотпущенников. Можно предположить, что этот слой пополнялся разорявшимися мелкими аллодистами. Вероятно, некоторые поселенцы сразу оседали на земле короля или светских магнатов и церкви в качестве хуньорес и колласос.

К свободным крестьянам, являвшимся земельными держателями, относились и мелкие прекаристы. В документах IX—X вв. упоминаются контракты, согласно ко-

¹ См.: *Guglielmi N.* La dependencia del campesino no-propietario. — «*Anales de historia antigua y medieval*», v. 13, 1967, p. 109—110.

² См.: *Escalona R.* Historia del real monasterio de Sahagun. Madrid, 1782, Apend. III, Escr. LIII.

³ См.: *Fuero de León*, p. 77; *Ganseco G.* Sobre los fueros del Valle de Fenar, Castrocabon y Pajares. AHDE, t. I, 1924, p. 357.

торым отдельные лица или группы земледельцев получали в узупфрукт или в прекарный земли и обрабатывали их. Встречаются сообщения и относительно *precaria oblata*. Земледелец передавал, например, монастырю половину своего имущества с сохранением права пожизненного пользования им и дарил этому же монастырю вторую часть своего владения (после смерти). Широко применялась система земельного держания *ad laborandum*, аналогичная держанию *ad portionem* в других странах Западной Европы. Держатель отдавал собственнику земли половину урожая (плодов или винограда). На новых землях держатели земли в чужих владениях, возделав пустоши, становились собственниками половины обработанной ими земли.

Оброк новых поселенцев нередко был незначителен по своим размерам. Так, в 959 г. жители виллы св. Эвлаллии по соглашению с монастырем Селанова были освобождены от оброка с зерновых и огородных культур и должны были вносить лишь четвертую часть урожая винограда и каштанов. Характерной чертой подобных держаний являлось, в частности, то, что они оформлялись письменным договором. Земли, предоставленные в прекарное владение, порой становились объектом тяжбы между теми, кто их обрабатывал и юридическими их собственниками. Так, в 987 г. суд рассматривал жалобу монастыря Селанова на пять крестьян, получивших в свое время часть виллы в пользование, очевидно, как вознаграждение за какие-то службы. Крестьяне претендовали на эту землю как на свою собственность, но проиграли процесс.

Указанные контракты характеризуют процесс мобилизации земли церквами и магнатами и возникновение отношений поземельной зависимости. Последняя нередко сочеталась уже и с личной зависимостью. Так, например, в грамоте 986 г. относительно *precaria oblata* траденты обязались находиться в подчинении у монастыря, к которому переходила собственность на их земли¹.

Как отмечалось выше, *juniore*s и *collazos* — это в значительной части потомки колонов и либертинов Вестготской монархии. Но этот слой зависимого крестья-

¹ См.: *Sánchez-Albornoz C.* Contratos de arrendamiento en el reino Asturleonés, «Cuadernos de historia de España», X, 1958, p. 151—152, 170—171.

яинства пополнялся в рассматриваемую эпоху разорявшимися мелкими земельными собственниками.

Из источников видно, что свободные крестьяне испытывали нужду в рабочем скоте. Во многих грамотах идет речь об отчуждении мелкими собственниками земельных наделов с целью приобретения быка, коровы или мелкого скота. В ряде случаев крестьяне голодали и отказывались полностью или частично от своих наделов для того, чтобы получить продукты питания и одежду. В одном из документов из архива церкви Вальпуэсты (нынешней провинции Бургос) от 950 г. говорится об истории утраты неким Сансо своего земельного владения. Местность, в которой он жил, жестоко пострадала от неурожая. Сам Сансо опух от голода, и спасла его лишь помощь, оказанная монастырем Буэзо де Буреба. Сансо стал получать от него хлеб и другие продукты, козу для обеспечения его дочери молоком и одежду. Он же передал обители свое поле, расположенное рядом с монастырским, и сад.

Подобные бедствия отнюдь не были исключением в то время. Губительны для крестьянских хозяйств были военные действия, связанные с набегами мусульман. Нередко мелкий собственник лишался своего владения из-за того, что не мог уплатить судебный штраф. Так, в одном из документов Саагуна описывается судьба Рамиро, жителя селения Коскарелло. Он украл лошадь ценой в 20 солидов, бежал, но был пойман. Не будучи в состоянии внести штраф, Рамиро совершил «профилиацию» в пользу монастыря, т. е. сделал его наследником всего своего имущества¹.

Иногда мотивом утраты земли аллодистом была нужда в покровительстве со стороны светского магната или церковной корпорации. Так, согласно одной из грамот 875 г. (Старая Кастилия), двое братьев дарят двум частным лицам половину своего сада, с тем чтобы коммендироваться к ним. В 967 г. некий Нуньо Саррасинес дарит монастырю Карденья пахотный участок и виноградник. Он коммендируется к монастырю и рассчитывает, что тот поддержит его в старости². Иногда коммендация осуществлялась под давлением со стороны

¹ См.: Escalona R. Historia del real monasterio de Sahagun, Escr. 65.

² См.: Floriano A. C. Diplomática española del periodo Astur, t. II, N 111; Becerro Gótico de Cardeña, N 21.

сеньора. В некоторых грамотах мотив коммендации характеризуется совершенно откровенно: «...так как мы страшимся вашего гнева»¹. В ряде случаев коммендированные выплачивали своим патронам оброки и несли службы.

Данные о юридическом статусе коммендированных позволяют считать, что эти люди считались свободными. В одной из португальских грамот X в., муж с женой коммендируясь, обязуются нести такую службу, какую несут «добрые люди» (*homines bonos*), что напоминает соответствующее выражение известной франкской (турской) формулы коммендации («буду служить вам на положении свободного человека»)².

Согласно фуэро Леона, коммендировавшийся имел право свободного ухода. Можно считать, что коммендация вела к установлению зависимости, хотя формы ее могли быть различными. Особую форму отношений зависимости представляла собой коллективная коммендация свободных деревень — бегетрий (об этом см. ниже). В сельских общинах, которые, казалось бы, пользовались правами самоуправления, в X в. можно обнаружить зависимость от сеньоров. Так, например, граф Кастилии в 955 г. предоставлял жителям общин Задорнин, Бербеха и Баррио право создать сообща совет (*concilium*), освобождал их от чужого суда, от уплаты судебных штрафов и испытания кипящей водой, а также запрещал королевским агентам вступать на территорию общин. Но наряду с советом как правовым представителем общины выступали четыре лица, именуемые *hereditarii* или *potestates* — возможно сеньоры этих общин.

Община Салас де Инфантес получила от своего сеньора Гундисальва Гудистоса в 975 г. фуэро, в котором определялось, что сеньором данного поселения мог быть лишь тот знатный, который сам жил в этом месте. Общине предоставлялось право иметь своего судью и сайона. *Milites* поселения могли откупаться от военной службы. Все жители освобождались от обязанности судиться в чужих судах, платить рыночные пошлины, получали обширные права пользоваться пастбищами. Таким образом, власть сеньора над подобной общиной еще

¹ *Sánchez-Albornoz C. Estudios sobre las instituciones medievales españolas. Mexico, 1965, p. 74—75.*

² *Ibid.*, p. 56—57.

ограничена вольностями поселенцев. Однако в этой власти заключались уже предпосылки установления подлинной феодальной зависимости.

В некоторых случаях личная зависимость мелких земледельцев от вотчины начиналась с распространения на них юрисдикции крупного землевладельца. Иногда это происходило в результате предоставления ему королем судебной власти над населением виллы. Так, например, в 904 г. Альфонс III предоставил Саагуну юрисдикцию над обитателями виллы Закариас. Возможно, жители этой виллы (или часть их) находились уже в поземельной зависимости от монастыря. Но королевская грамота гласит, что ее действие распространяется и на всех тех, кто в будущем явится жить в данной вилле.

Источники не дают возможности документально проследить эволюцию крестьян, оказавшихся в поземельной и личной зависимости, по направлению к статусу хуньорес и колласас. Некоторые из них, лишаясь своих наследственных наделов, пополняли состав поселенцев на новых землях и участвовали в формировании других слоев земледельческого населения. Но часть таких крестьян в конечном счете превращалась в хуньорес и колласас. Для более позднего периода это совершенно очевидно.

6. СЕРВЫ И ЛИБЕРТИНЫ.

Рабы в Астури-Леонском королевстве играли существенную роль в хозяйстве, хотя не столь большую, как в готский период. В наибольшей мере рабство сохранило свое значение в Галисии и Португалии, в меньшей степени — в Астурии и Леоне и вовсе было незначительно в Кастилии. В грамотах нередко отмечается наличие в вотчинах рабов. Их наименования различны. Наиболее употребительные — *servi*, *familia*, *criatio*, *mancipia*, иногда — *plebs*, *homines*. Рабы мусульманского происхождения выделялись юсобо — *siervos ismaelitas* или *mauros*.

Использовались рабы большей частью путем предоставления им земельных наделов (что обычно для позднеримской эпохи). Такие рабы обозначаются в ряде случаев термином *servi casati*. Они вносили оброк (*tributum*) и находились в подчинении (*obsequium*) у своих

господ. Часть рабов не имела земельных наделов и несла службы в домене и в господском дворе.

Юридическое положение сервов не изменилось по сравнению с готским периодом. В Астуро-Леонском королевстве сохраняла свое действие Вестготская правда с ее регламентацией статуса сервов. Господам, как и ранее, принадлежала по закону абсолютная власть над ними. Обычно сервы имели семьи и передавали свои участки по наследству детям. Но господа имели право отделять сервов от земли. Если свободный брал в жены чужую рабыню, он обязан был служить ее хозяину или расстаться с ней.

Из грамот VIII—X вв. видно, что сервов дарили иногда без земли. Дети сервов, принадлежавших различным господам, делились между хозяевами родителей. Сервы не могли продавать свои надели. Еще в конце X в. король Альфонс V издал декрет, запретивший кому-либо покупать земли у сервов короля, церкви и частных лиц. Если раб уходил из имения, его принуждали вернуться. В некоторых фуэрос содержится пункт, требующий, чтобы сеньору не отказывали в выдаче его серва, бежавшего в данное селение¹. Рабы не несли военной службы.

Сдвиг в сторону усиления хозяйственной самостоятельности сервов, заметный в Испании в VII в., продолжался и в Астуро-Леонском королевстве. Этот общий для Западной Европы процесс был здесь ускорен Реконкистой.

В ряде случаев общество молчаливо признавало, что серву, поднявшему целину, принадлежит право собственности на обработанную землю. Об этом свидетельствуют не только применение термина *hereditas* по отношению к наделам сервов, но и упоминания о том, что сервы дарят квинты из своих владений, полученных в результате прессуры, церкви, что они совершают земельные дарения в пользу своих господ. В одной из грамот IX в. идет речь об осуществлении сервом акта «профилиации» по отношению к своему сеньору. Данный надел, говорится в грамоте от имени серва, «ока-

¹ См.: *Fuero de Melgar de Suso. Muñoz y Romero T. Colección de fueros municipales...*, p. 27. Однако неизвестный серв, бежавший в город, согласно фуэро Леона, мог оставаться там беспрепятственно. *Fuero de León*, p. 80.

жется изъятим из моего права собственности и перейдет в вашу собственность и господство». Подобные факты, однако, не дают еще основания для слишком широких обобщений относительно гражданских прав рабов. В ряде случаев оставались в силе прежние юридические нормы, предусматривавшие наличие у господ права собственности на имущество их сервов.

Упомянутая выше грамота относительно «профилиации» сервом своего сеньора говорит также об упрочении сервильной семьи. Брак раба именуется здесь «законным браком» (*recte coniugium*); право детей серва на наследование резко подчеркивается необходимостью применения процедуры «профилиации» для того, чтобы часть имущества был передана сеньору. Дополнительным доводом в пользу положения об упрочении прав детей сервов на имущество их родителей служит распространение на сервов закона о праве родителей дарить посторонним лицам лишь пятую часть имущества.

Сервы могли становиться клириками. Имеются упоминания о сервах-священниках, которые, впрочем, не освобождались от обязанности нести определенные повинности в пользу своих господ.

У нас нет сведений, которые позволили бы дать количественную оценку роли рабов в хозяйстве, сопоставить число сервов и зависимых крестьян в вотчине. Но по имеющимся источникам можно сделать вывод, что институт рабства в VIII—X вв. приходил в упадок. Удельный вес рабов в общей массе непосредственных производителей стал значительно ниже, чем в Вестготской монархии. Серв отступает на задний план по сравнению с зависимым крестьянином (*хуньор де эредад*) и мелким собственником из бегетрии или из консехо.

Разложение института рабства проявлялось, в частности, в дальнейшем развитии вольноотпущенничества. Как и в готское время, существовали различные разряды либертинов. Порой рабы получали полную свободу без каких-либо ограничений. Иногда при освобождении их обязывали нести небольшие повинности в пользу церкви, имевшие в основном символическое значение: на праздники доставлять церкви восковые свечи, давать милостыню в пользу бедных. Такая форма освобождения часто встречается и во франкских документах VIII—IX вв.

В большинстве же случаев рабы получали свободу с рядом ограничений: они должны были находиться под патронатом прежнего господина или его наследников, либо той или иной церкви. Либертины такого рода обязаны были нести в пользу патронов повинности и находиться у них в подчинении. Нередко их отчуждали вместе с теми землями, на которых они сидели. Либертины, не связанные патронатом, имели право свободного передвижения.

Вольноотпущенники, на которых лежали упомянутые необременительные обязанности доставки свечей и предоставления милостыни, могли уходить, продолжая выполнять эту повинность. Но основной разряд либертинов, находившийся под патронием прежних или новых господ, был в большей мере ограничен в своих правах. В источниках упоминаются тяжбы, начатые сеньорами с целью возвращения беглых либертинов. Стеснено было их право распоряжаться своим имуществом. Как можно судить на основании ряда документов, либертинам запрещалось отчуждать земли, полученные от господ при отпуске на волю¹. Очевидно, основная масса либертинов была близка по своему положению к зависимым крестьянам — хуньорес.

7. СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СРЕДИ СВОБОДНЫХ

В источниках рассматриваемого периода мало сведений о каких-либо разрядах свободного населения. В памятниках IX в. говорится о служилой знати. Ее представители обозначаются как *seniores*, *potestates*². Епископы и светские сеньоры окружены так называемыми *gasalianos*³. Встречается также термин *fideles* — «верные», как именовались свободные, коммендировавшиеся королям и магнатам и в готскую эпоху. В то же время упоминаются *rauperes*, которые пользуются милостыней со стороны церковей. В X в. для обозначения служилой знати, а также высшего духовенства употребляется термин *maginati*. Им противопоставляются

¹ См.: *Sánchez-Albornoz C. Estudios sobre las instituciones medievales españolas*, p. 339—342.

² См.: *Floriano A. C. Diplomática española del periodo Astur*, t. II, N 98; t. I, N 80.

³ Очевидно, это дружинники и иные коммендировавшиеся лица.

люди среднего достатка — *mediocres* и «низшие» — *infimi*¹. Среди сельского населения различаются «малые» и «большие» люди².

Каких-либо сведений о правовых различиях в статусе этих групп мы не обнаруживаем. По-видимому, отсутствие такой правовой градации среди свободных в источниках объясняется не только неполнотой последних, но главным образом некоторым упрощением социальной структуры, ростом численности мелких аллодистов.

В памятниках X в. появляются уже упоминания об инфансонах. Этот слой населения, занимавший промежуточное положение между высшей знатью и рядовыми свободными, пополнялся частично знатью по происхождению³, отчасти рядовыми свободными, которые могли служить в коннице (*caballeros*)⁴.

О правовом положении инфансонов в этот период мы знаем мало. Но фуэро Кастрохериса (974 г.) отмечает, что инфансоны не обязаны были идти в военные походы, если они не получали престимонии (земельные пожалования). Вергельд за инфансона равен 500 солидам, в то время как за рядового свободного выплачивали 300 солидов. Дифференциация подобного рода не выходит, однако, за рамки той, которая присуща ряду стран Западной Европы в эпоху раннего средневековья.

8. ВОЗНИКНОВЕНИЕ БЕГЕТРИЙ

Бегетриями назывались в Кастилии деревни, группы крестьян — свободных земледельцев, которые пользовались привилегией избирать себе сеньора, произвольно или из определенного рода. Бегетрией иногда именовалось само право свободного выбора сеньора, предоставляемое отдельным лицам.

Термин бегетрия (*behetría*) распространяется, однако, в более позднее время. В рассматриваемый период

¹ См.: *Escalona R. Historia del real monasterio de Sahagun*, Escr. 22, 33, 50.

² В грамоте 977 г., согласно которой жители деревни отдаются под патронат Саагуна, говорится, что это касается всех ее обитателей, а *maximo usque ad minimo*. См.: *Sánchez-Albornoz C. Estudios sobre las instituciones medievales españolas*, p. 104—105.

³ Инфансоны — «дети благородных» (*fili bene natorum*).

⁴ См.: *Valdeavellano L. G. de Curso de historia de las instituciones españolas*. Madrid, 1968, p. 320.

этот институт существует в форме коммендации. В Леоне и Кастилии она известна под именем *benefactoria* (от *bene facere* — делать добро). Отсюда позднее — *benefetria* и *behetría*. В Галисии этот же институт коммендации выступает под именем *incommuniatio*.

По поводу характера данного института высказывались различные взгляды. В свое время распространилось мнение, будто институт бегетрий порожден Реконкистой. Такой точки зрения придерживался, в частности, Ф. Карденас. И. В. Лучицкий, оспаривая это положение, отметил, что бегетрии существовали и в таких местностях, которые не были завоеваны арабами, и они были обыденным явлением уже в VIII—IX вв.¹

Точка зрения Ф. Карденаса имела последователей и в советской медиевистике. Так, А. Е. Кудрявцев полагал, что образование крестьянских объединений — бегетрий было первичным этапом крестьянского раскрепощения, которое он связывал с Реконкистой². Советская исследовательница И. С. Пичугина оспаривает мнение А. Е. Кудрявцева, будто в раннюю пору бегетрии находились в более тяжелой зависимости от сеньора, а позднее они добились освобождения от всякого рода платежей. По ее мнению, имел место обратный процесс³.

Прежде чем высказывать суждение о характере и развитии института бегетрий, необходимо рассмотреть его происхождение.

В трудах К. Санчес-Альборноса, посвященных бегетриям, собран огромный материал, характеризующий их развитие из другого института, корни которого находятся еще в римской и готской Испании — коммендации⁴. Он приводит множество грамот, в которых идет речь о коммендации с целью получения от сеньора защиты и покровительства. Данного рода сделки заключались нуждающимися в защите, как правило, добровольно. Наиболее раннее свидетельство коллективной

¹ См.: Лучицкий И. В. Бегетрии. — «Университетские известия», Киев, 1882, № 10, с. 406.

² См.: Кудрявцев А. Е. Испания в средние века, с. 104—105.

³ Пичугина И. С. Из истории средневековых общин — бегетрий Кастилии. — В кн.: Социально-экономические проблемы истории Испании. М., 1965, с. 118.

⁴ См.: Sánchez-Albornoz C. Las Behetrías. Estudios sobre las instituciones medievales españolas. Mexico, 1965, p. 9—183; Muchas paginas mas sobre las behetrías. *Ibid.*, p. 185—316.

коммэндаций относится к X в. Люди одного селения в Леоне обещали не служить никому, кроме аббата Саагуна. Они выделили поручителей в том, что не нарушат этого обязательства¹. Несомненно, коллективные бегетрии существовали и ранее.

Возможно уже тогда бегетрии пополнялись в результате освобождения сервов и передачи их под патрониний сеньюров. Так, в 865 г. епископ Мондоньедо дарит монастырю Альмересо (район Браги) свои владения вместе с населяющими их сервами, отпустив последних на свободу и отдав под патронат монастыря.

В ряде случаев те, кто коммендировались, передавали всю свою землю (или ее часть) сеньору, сохраняя за собой владение этими угодьями, но оставаясь свободными. Фуэро Леона содержит положение, фиксирующее эту свободу члена бегетрии: «Предписываем далее, что человек, принадлежащий к бегетрии, может уходить, куда ему угодно, сохраняя свой наследственный надел и все свое движимое имущество»².

Коммендированные обычно несли в пользу сеньора те или иные поборы. Нередко эти взносы носили символический характер (община угощала сеньора раз в год обедом) или вовсе отсутствовали. Порой делались взносы более или менее регулярные, сеньору оказывалась помощь в проведении некоторых сельскохозяйственных работ. Те, кто, коммендируясь, передавали сеньору право собственности на свою землю, обычно выплачивали оброк, который к началу XI в. мог достигать до $\frac{1}{3}$ части урожая. Но в IX—X вв. обязанности крестьян бегетрий были, как правило, менее значительными.

Как видно из изложенного выше, происхождение и развитие бегетрий определялось общим характером формирующихся феодальных отношений, возникновением личной зависимости непосредственных производителей от господствующего класса. Надо думать, что К. Санчес-Альборнос был прав, подчеркивая связь бегетрий с коммэндацией, возникшей еще в римскую эпоху в Испании.

Но коммэндация не исчерпывает сущности института бегетрий. Личные связи между крестьянином и

¹ См.: *Sánchez-Albornoz C.* Op. cit., p. 104.

² *Fuero de León*, p. 64.

сеньором здесь складывались в форме, предполагавшей сохранение первым личной свободы — политических прав, возможности ухода от патрона без какого-либо материального ущерба для себя. В значительной мере это связано с широким распространением коллективных форм коммендации. Последние же трудно объяснить римскими традициями¹ или просто имитацией индивидуальных бегетрий. Следует иметь в виду устойчивость общинного начала в аграрном строе Астуро-Леонского королевства. Прочность общинной организации свободных деревень дала возможность крестьянам в этой части Испании в условиях Реконкисты добиться таких отношений с сеньорами, которые позволяли им сохранить в большей мере, чем крестьянам большинства других стран средневековой Западной Европы, статус личной свободы.

Институт бегетрий не оставался неизменным. Сдвиги в социальных отношениях определяли эволюцию бегетрий (см. гл. IV).

9. КРУПНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Вотчине (*mandatio, villa*) Астуро-Леонского королевства присущи основные черты крупного имения других западноевропейских стран эпохи раннего средневековья. Вся территория вотчины делилась, как правило, на две части: домен (*corte, quintana, coto*) и наделы держателей (*solares, sernas, portiones, casata*). В обработке домена участвовали дворовые сервы и держатели, выполнявшие отработочные повинности. Держания обычно не компактны, а разбросаны. В их состав входили и пахотные земли, и леса, и луга. В то же время астуро-леонская вилла несколько отличалась от вотчины, считающейся классической. Как и в некоторых других странах Средиземноморья, господская часть виллы здесь была незначительной. В ряде случаев вотчины, особенно в горных районах (например, хозяйство монастыря Сан-Миллан де Коголла в Риохе), носили скотоводческий характер.

¹ По мнению испанского историка, прообразом бегетрий в Испании могли быть римские патроцинии деревень (*patrocinia visigum*), но они относятся лишь к Восточной Римской империи. См.: Корсунский А. Р. Были ли *patrocinia visigum* в Западной Римской империи? — «Вестник древней истории», 1959, № 2.

Наделы предоставлялись сервам и мелким держателям, хуньорес; колласос. Повинности тех и других были различными, сервы несли более обременительные службы. В некоторых вотчинах различались участки свободных и несвободных земледельцев. Первым предоставлялись *solares*, вторым — *casatos*. Иногда за частью сервов закреплялись наследственно определенные службы. Так, в документах епископства Овьедо говорится о наделах, держатели которых несут службы в качестве пекарей, плотников, проводят каналы, делают изгороди. Сервы, находившиеся в вилле, очевидно, выполняли и полевую барщину¹.

Сравнительно малую роль в хозяйстве крупных вотчин этого периода играло держание прекарного типа, именовавшееся «престамо» (*prestamo, prestimonium*). Вилла, представлявшая собой основную хозяйственную единицу, обычно была невелика по своим размерам. В ней могло насчитываться менее десятка наделов. Во многих случаях это вызывалось природными условиями — в небольших горных долинах не было благоприятных условий для создания крупных хозяйств. Но (как будет отмечено ниже) это связано и с самим характером возникновения вотчины. По мере роста крупного землевладения светские магнаты и церкви становились собственниками десятков вилл и земельных участков, разбросанных в различных селениях.

В источниках содержатся некоторые данные о светских магнатах-землевладельцах. Так, например, в первой половине IX в. в Галисии жил некий Помпеян, владевший многочисленными виллами в области Собрадо. Особенно же быстро росло церковное землевладение. К IX в. относятся уже десятки грамот об основании новых монастырей, о земельных дарениях, получаемых церквами и монастырями. Структура имения была в большинстве случаев следующей: в центре его находился домен (*el coto*), где были расположены господский дом, церковь. Вокруг двора располагались хозяйственные сооружения, амбары, печи, прессы, огород. В подвальных помещениях работали ремесленники (в наиболее крупных имениях). Далее находились пахотные поля, виноградники. В начале Реконкисты в господском

¹ См.: Мильская Л. Т. К вопросу о характере землевладения в Астурии IX—XII вв. — Сб.: Средние века, вып. 30, 1967, с. 96.

дворе почти всегда находилось оборонительное сооружение, башня (torre). К господскому двору примыкали участки зависимых крестьян, луга и леса, используемые для выпаса скота и для получения дров и строительных материалов.

Некоторые источники позволяют проследить процесс внедрения крупной вотчины в свободную деревню. Так, картулярий монастыря Карденья содержит грамоты, фиксирующие получение монастырем из года в год земельных наделов в ряде окрестных деревень путем купли, обмена или получения земли в дар. С 902 по 935 г. церковной вотчиной было совершено 6 сделок по приобретению земли в селении Петерналес¹.

Архив монастыря Селанова в Галисии содержит около 130 документов, показывающих, как эконо монастыря Кресконий в течение более 20 лет (с 989 по 1010 г.) приобретал мелкие участки в десятках вилл Южной Галисии².

В картулярии монастыря св. Торибия (в Сантандере) отражена мобилизация земельной собственности светским магнатом Багаудано и позднее его сыном Севариико в течение нескольких десятилетий в X в. Так же, как упомянутые монастыри, они приобретали земли у мелких собственников, создавая себе опорные пункты в ряде деревень и затем расширяя там свои владения.

В развитии крупного землевладения большую роль играла прессура. В описях владений монастырей, церквей, светских магнатов значительную часть составляют имения и земельные участки, полученные в результате прессуры (осуществленной с помощью сервов или свободных держателей).

Весьма способствовали росту крупного землевладения королевские пожалования. До нас дошло мало подлинных королевских грамот VIII—IX вв. Но сохранилось восемнадцать грамот Альфонса III о земельных пожалованиях в пользу монастырей, церквей и духовенства. Монастырь Селанова воспользовался за 27 лет, с 941 по 968 г., семью королевскими земельными дарениями. Саагунский монастырь получил в X в. много

¹ См.: Becerro Gotico de Cardeña, N 99, 100, 101, 103, 104, 105.

² См.: Sánchez-Albornoz C. Pequeños propietarios libres en el reino Asturleonés. Agricultura e mondo rurale in Occidente nell'alto medioevo. Spoleto, 1966, p. 188—189.

вилл, церквей и другого имущества от королей и членов королевского дома.

Необходимо отметить формирование иерархической структуры земельной собственности в Астури-Леонском королевстве. Бенефициальная система, как известно, зарождалась уже в готской Испании. Теперь применялись пожалования бенефициального типа — престимонии (или престамос). Получателями являлись королевские «верные» и представители низшей знати — инфансоны. Имеются сведения о том, что престимонии предоставлялись за службу. Но об условиях подобных пожалований в источниках X в. еще мало данных. Бенефициальная система складывается в более законченной форме в XI—XII вв.

10. ЗАРОЖДЕНИЕ ГОРОДОВ

Как отмечалось выше, конкиста сыграла негативную роль в судьбе городов на севере полуострова. Многие из них были полностью разрушены, городская жизнь, казалось, заглохла в этой части страны.

Однако ознакомление с памятниками рассматриваемого периода позволяет установить, что понятие «город» не исчезло в сознании современников. Для жителей Галисии, Астурии и Леона того времени «город» — это живой институт. В источниках различаются «деревни» (*vici*), «укрепленные пункты» (*castella*) и «города» (*civitates, urbes*). Упоминаются «пригороды» (*suburbia*).

Первые же успехи в отвоевании территории у мусульман сопровождались основанием новых и восстановлением некоторых старых городов. Графы Кастилии в начале IX в. закладывают крепости Кастросьерру, Фриас, Панкорбо, Лантарон, Бурадон. Граф Муньо Нуњес в 824 г. основывает Браносьерру, Ордоньо I заселяет города Леон, Асторгу, Туй и Амаю. В 865 г. возникает Бургос. Альфонс III заселяет Самору, Дуэнью и Симанку. В 882 г. строится крепость Кастрохерис. Альфонс III включает в состав королевства города Брагу, Порто, Торо, а Фернан Гонсалес — Сепульведу.

Многие поселения возникали в результате прессыры. Обычно жители населенных пунктов получали от территориальных властей или от местных сеньоров грамоты, в которых фиксировались их права и привилегии. Так, например, в 824 г. граф Муньо Нуњес предоставил груп-

пе поселенцев в Браносьерре свободу от ряда публичных повинностей и возложил на них лишь незначительные поборы («сколько смогут»). Данная группа поселенцев рассматривалась как община, особая правовая единица. Об этом свидетельствует тот факт, что перечисленные в грамоте привилегии распространялись и на тех, кто в дальнейшем поселится в Браносьерре¹. Подобная оговорка о правах будущих жителей общины присутствует и во многих других сходных документах.

Особыми привилегиями пользовались жители населенных пунктов в пограничной полосе. Так, граф Кастилии Гарсиа Фернандес предоставил в 974 г. жителям Кастрохериса фуэро, согласно которому жители этого селения — люди различного статуса (инфансоны, кабальерос, вилланы, *pedones*²) получали много льгот. Все они освобождались от маньерии, портазго (торговая пошлина), монтазго, фонсадеры (штраф за неявку в войско). Вилланы должны были нести отработочные повинности лишь в течение трех дней в году. Кабальерос платили за убийство свободного человека лишь 100 солидов (вместо обычных 300). В документах X в. появляется термин *concilium*, обозначающий собрание всех жителей населенного пункта. К 956 г. относится упоминание о таком же собрании общины *Agusyn*, в котором участвуют «большие» и «малые» люди, старцы и юноши. В грамоте 976 г. говорится о судебном собрании в Бургосе, проходившем под председательством графа Гарсии Фернандеса.

Некоторые города являлись резиденциями епископов, графов. В Правии, а позднее в Овьедо и Леоне находился королевский двор. Обычные внешние признаки города в этот период — городские стены, в центре города — крепость или собор. В ряде случаев городу, особенно на территории между Дуэро и Тахо, был подчинен довольно обширный городской округ (*alfoz*).

Основное занятие городского населения — земледелие и скотоводство. Фуэрос городов данного периода, касаясь хозяйственных вопросов, главное внимание уделяют регулированию порядка землепользования и выпаса скота. Основной состав населения городов — мел-

¹ См.: *Floriano A. C. Diplomática española del periodo Astur*, t. I, p. 31. Грамота интерполирована.

² *Pedones*, пеоны, — жители, участвовавшие в военных походах в качестве пехотинцев.

кие земельные собственники, хуньорес, сервы, кабальерос, инфансоны, клирики.

Ряд данных свидетельствует о наличии торговли. В некоторых городах (Овьедо, Леон, Сеа близ Саагуна и др.) имелись рынки. В Леоне к началу XI в. еженедельно происходили рыночные сборища. Торговали земледельческими продуктами, скотом. Объектами торговли были также товары, импортировавшиеся из других стран: драгоценные камни и церковный инвентарь из Византии, шелк, парча и ковры из стран Востока, из мусульманской Испании. Торговали также сукнами, металлическими изделиями. Значительную роль в торговле играли евреи. О защите их интересов заботятся некоторые фуэрос, в частности фуэро Леона, устанавливавшее за убийство еврея такой же штраф, как и за христианина.

В источниках упоминаются под названием *via antiqua* или *itineraria antiqua* старые римские дороги, используемые как торговые пути. Существовала особая торговая пошлина — *portazgo*, взимаемая с торговцев при въезде или выезде из города с товарами.

В фуэро Леона содержатся некоторые положения, касающиеся рынка и торговли. Собрание членов городской общины занималось фиксацией мер и весов, устанавливало нормы оплаты за поденную работу, избирало рыночных инспекторов (*zabazoques*). Эти инспекторы — первые должностные лица будущего городского самоуправления¹. Фуэро грозит строгими наказаниями тем, кто нарушает порядок на рынке.

В фуэро Леона упоминаются также некоторые лица, занимавшиеся ремеслом: бочары, ткачи, пекари, мясники. Говорится и о виноделах, хотя возможно это виноградари из пригородных хозяйств, торговавшие собственной продукцией. Следует учитывать специфический характер Леона — столицы королевства. Ремесленники и торговцы обслуживали здесь главным образом нужды двора, клириков, знати, концентрировавшейся в королевской резиденции.

В известной мере показателем уровня развития торговли и ремесла служит состояние денежной системы. В Астуро-Леонском королевстве не чеканилась монета.

¹ См.: *Sánchez-Albornoz C. Una ciudad de la España Cristiana hace mil años. Madrid, 1966.*

В обмене использовались римские и готские монеты, а также франкские и арабские деньги. Как и в ряде других стран Западной Европы, в IX в. здесь произошел переход к серебряной монете.

Сведения о зарождающейся торговой и ремесленной активности в городах не нарушают впечатления о характере их экономической деятельности: до конца X в. основой производства для горожан были земледелие и скотоводство. Хроническое состояние войны не могло не тормозить развитие торговли, особенно в пограничной зоне.

Вопрос о том, каков был социально-экономический характер поселений Астуро-Леонского королевства, именуемых «городами», сложен. Прежде чем ответить на него, нужно отметить неоднозначность понятия «город» в исторической литературе. Так, Л. Вальдеавелльяно считает определяющими моментами рождения города появление рынка, крепости и собрания жителей (*concilium*). При подобной постановке вопроса не учитывается специфика средневекового города — его феодальный характер. Исходным моментом в возникновении феодального города является отделение ремесла от сельского хозяйства. Средневековый город в марксистской историографии рассматривается как центр ремесла и торговли, организованных в соответствии с условиями развития феодализма (с феодальной формой собственности, сословным строем и пр.). Применяя такой критерий к городам Астуро-Леонского королевства VIII—X вв., мы убеждаемся в том, что они не могут рассматриваться как подлинные феодальные города. Они не являлись еще центрами ремесленного производства, и лишь некоторые из них становились торговыми центрами (в весьма ограниченных размерах). Но в то же время стирать различия между городами этого периода и чисто аграрными поселениями также было бы неправильно.

Пользуясь понятием «город» в широком плане, имея в виду специфический тип поселения, представляющего собой административный и военный центр, концентрацию наряду с земледельцами людей непроизводительных профессий, центр культа, средоточие торговли (хотя бы и в самой примитивной форме), можно констатировать возникновение такого рода городов. Не случайно и современники дифференцировали деревни и го-

рода. Но для того, чтобы *civitates* и *urbes* Леона и Кастилии превратились в подлинные феодальные города, необходимы были еще значительные сдвиги в социально-экономическом строе Испании.

Рассмотрение социально-экономических отношений в Астури-Леонском королевстве приводит к выводу о том, что в первый период после арабского завоевания на севере полуострова произошло некоторое упрощение социального строя по сравнению с поздней готской эпохой. Мы снова встречаемся с такими чертами общественной жизни, которые, казалось бы, отошли в прошлое: наличие значительного слоя мелких земельных собственников, более прочное крестьянское общинное устройство, чем прежде. В сельском хозяйстве резко возросло значение скотоводства и уменьшился удельный вес земледелия — обстоятельство, отнюдь не способствующее интенсивному росту феодальных отношений.

Все это не дает, однако, оснований отрицать раннефеодальный характер социального строя данного государства. Об этом свидетельствует наличие феодальной вотчины, которая основана на применении труда зависимых крестьян. То обстоятельство, что эти вотчины сосредоточены в первый период главным образом в Галисии и Астурии и что они не являются вотчинами классического типа, а в части Леона и Кастилии широко распространено мелкое крестьянское землевладение, не противоречит данному выводу. Важно, что уже существует феодальный уклад и что он развивается. Правда, с ним сосуществует мелкокрестьянский уклад; известную роль в производстве играют сервы. Но все это — черты, характерные для раннефеодальной стадии развития. Эта стадия, начавшаяся еще в готское время, в силу своеобразных исторических условий — конкисты и Реконкисты — растянулась на астури-леонский период.

Политический и государственный строй Астуру-Леонского королевства в VIII—X вв.

Небольшое политическое образование, возникшее на севере полуострова после мусульманского завоевания, вместе с социальными институтами Вестготской монархии унаследовало также и ее политические учреждения. В ходе исторического развития и те и другие претерпевали изменения. О политической структуре Астурии VIII в. имеется мало сведений. Можно предположить, что государственный аппарат в эту эпоху был более примитивным, чем в готское время. Центральный аппарат представляли король и находившиеся при нем «верные» и клирики, а на местах — графы (*comites*) и судьи (*iudices*).

О политическом строе Астуру-Леонского королевства мы располагаем большей информацией.

1. КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ

Центральное место в политической системе здесь, как и в других государствах раннего средневековья, занимала королевская власть. Король обладал верховной властью. Он был главой всей администрации, назначал и смещал должностных лиц. Король решал вопросы войны и мира, осуществлял высшую военную власть. Ему принадлежала также судебная власть. Он мог отдавать приказы, которым должны были подчиняться все подданные (*iussio regis*), — право, напоминающее банн франкских королей. Одним из проявлений власти короля было его право осуществлять санкции по отношению к впадшим в немилость («*irga regia*», «королевский гнев») — конфисковывать их имущество, изгонять из государства.

Король распоряжался государственной казной. Ему принадлежала власть и в церковных делах, он созывал

церковные соборы. Материальной базой королевской власти являлись доходы от имений короны и поступления от налогов и судебных штрафов.

Все эти черты были присущи королевской власти и в готский период. Но в IX—X вв. произошли некоторые изменения. Глава государства именуется теперь не королем господствующей этнической группы, как в Вестготской монархии (*rex Gothorum*), а королем определенной территории (*rex de Oviedo*, *rex de Leon*).

В X в. короли Леона обычно фигурировали также в качестве императоров, как, например, Альфонс II, Ордоньо II, Рамиро II, Ордоньо III, Рамиро III. Присвоение королями Леона императорского титула выражало их стремление завладеть всей территорией Испании. Еще в 883 г. пресвитер Дульциней писал об Альфонсе III в своей хронике: «...наш славный господин Альфонс, как предсказывают, в скором времени будет править всей Испанией». Речь шла не только о борьбе против арабов, но и о стремлении одержать верх над соперницей Леона — Наваррой. Сказывалось, также влияние образования к северу от Пиренеев Каролингской империи. В отличие от последней, империя Леона не была проникнута идеей универсальной монархии, имелось в виду лишь объединение всех христианских испанских государств¹.

В характере королевской власти VIII—X вв. можно обнаружить черты, свидетельствующие об известном ее упрощении по сравнению с готским периодом. Короли не осуществляли законодательной власти. Они не чеканили монеты², не имели теперь четко фиксированной резиденции. Король вместе со своим двором часто переезжал из одних городов, замков, вилл в другие. Появляется институт «королевского мира»³, давно известный ряду варварских германских королевств на Западе. Порядок престолонаследия оставался в Астури-Леонском королевстве неустойчивым. Так же, как и в готские времена, сохранялся принцип избрания королей, хотя короли стремились обеспечить престол своим детям. Избирали королей

¹ См.: *Sánchez-Candeira A.* El «Regnum»-«Imperium» leonés hasta 1037. Madrid, 1951.

² Применялись готские золотые солиды и серебряные солиды — арабские дирхамы.

³ Особая защита, предоставляемая королем отдельным лицам и корпорациям, ищущим его покровительства.

светские магнаты и высшее духовенство; такой путь возведения на престол рассматривался как законный способ достижения власти¹.

Органом центрального управления, как и во Франкском королевстве, в Астурии был королевский дворец — *palatium* — совокупность состоявших при короле высших должностных лиц. В их число входили комиты дворца, советники, магнаты (*magnates togae palatii*) и просто «верные» короля. Здесь находились и некоторые графы, не имевшие определенной должности (*comites sine terra*). Во дворце обсуждались важнейшие государственные дела. Магнаты, принадлежавшие ко дворцу, подтверждали королевские пожалования. Грамоты зачастую скреплялись подписями графов, епископов, священников, хотя письменное подтверждение магнатами пожалований не являлось столь неотъемлемым условием действительности подобных актов, как согласие уитанов у англо-саксов.

Наиболее важную роль при дворе играли такие лица, как майордом — глава дворцового управления (должность, введенная, очевидно, по франкскому образцу); *saballerizo* (вместо прежнего *comes stabuli*) — начальник конницы, ведавший также королевскими конюшнями; тесореро — хранитель казны; нотарио, ведавший королевской канцелярией; королевский капеллан. Одни и те же должностные лица ведали королевскими имениями и государственной казной, как это характерно и для ряда раннефеодальных государств в Западной Европе.

2. АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ВОЕННОЕ УСТРОЙСТВО. МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Королевство делилось на территориальные округа, которые назывались провинциями или территориями. Употреблялись также наименования *mandacio*, *commissio*. Возглавляли такие округа графы, обладавшие административной, судебной и военной властью. Упоминаются в качестве должностных лиц, управлявших отдельными территориями, также судьи, *principes terrae*, *protestates*. Округа нередко создавались в соответствии с

¹ К. Санчес-Альборнос считает избрание королей отклонением от законного способа занятия престола — путем наследования, но Л. Вальдеавелльяно видит в избрании обычный случай замещения престола.

естественными условиями: округ мог состоять из небольшой ограниченной местности, например одной долины.

О иерархии указанных должностных лиц нет определенных данных. Возможно, судьи играли при графах вспомогательную роль. Высказывалось также предположение, что графы управляли наиболее обширными и важными округами. Четкость в системе административного деления и иерархии должностей отсутствовала. Графы стремились передавать свои должности сыновьям, и короли иногда назначали вместо умерших графов их детей. Но наследственность графских должностей в Астуро-Леонском королевстве, в отличие от Каролингской монархии, официально не установилась. Титул графа становился пожизненным, но короли свободно назначали, смещали и переводили графов из одного округа в другой.

Графы и судьи присваивали часть средств, которые они собирали в своих округах в форме государственных налогов.

Важную роль в административном аппарате играли такие должностные лица как меринос и сайоны. Меринос выполняли хозяйственные и фискальные функции. Они управляли имениями короля, собирали налоги, принуждали население к выполнению повинностей в пользу государства. Таких должностных лиц имели в своих округах и графы. Сайоны (*sagiones, sayones*) находились на низшей ступени служебной иерархии. Сайоны короля, графов и судей приводили в исполнение решения высших должностных лиц — осуществляли некоторые полицейские функции, взымали судебные штрафы, играли роль агентов фиска при сборе налогов.

Духовенство не играло в Астуро-Леонском королевстве такой активной роли в светской администрации и управлении, как в Вестготской монархии, при которой светские и церковные органы власти тесно переплетались. Но и теперь духовенство иногда принимало участие в суде и управлении, не говоря уже о выполнении ими административных и судебных функций в собственных иммунитетных округах.

В VIII в. в Астурии господствовало обычное право. При Альфонсе II была предпринята попытка восстановить действие Вестготской правды. Но в основном вплоть до X в. применялось обычное право. Несколько расши-

рилось применение Вестготской правды в X в., когда в Леонское королевство переселилось множество мосарабов. Право готской Испании использовалось в тех случаях, когда отсутствовали необходимые положения в обычном праве. Апелляционный суд при Альфонсе III руководствовался готскими законами.

Реконкиста и колонизация способствовали дроблению права: отдельные поселения получали от сеньоров, графов поселенные грамоты (*cartas pueblas*) и хартии — фуэрос, в которых фиксировались права и обязанности их жителей. Некоторые из поселенных грамот были близки по содержанию к аграрным договорам: в них устанавливались обязанности земледельцев и скотоводов по отношению к верховному собственнику земли. Фуэрос в X в. были обычно кратки, содержали постановления, касавшиеся главным образом публичного права. В них определялись границы данного населенного пункта, отношения его жителей, рассматриваемых как община, с сеньором или территориальными властями. Право, отраженное в фуэрос, отличалось от готских законов рядом черт: усилением роли общинного самоуправления, ограничением публичных повинностей основной массы земледельцев (военных и налоговых), тенденцией к устранению или умалению правовой дифференциации внутри массы свободных людей, оживлением норм обычного права.

В области суда значительно более отчетливо, чем в Вестготской монархии, проявляется влияние германского обычного права. Если прежде значение сходки соседей (*conventus publicus vicinorum*) ограничивалось (согласно сведениям юридических памятников) регулированием мелких деревенских дел, то теперь в городах и населенных пунктах *concilium* функционирует как судебное собрание. Иногда в нем участвовали все соседи, иногда лишь наиболее почтенные — *boni homines*. Это собрание проходило под председательством графа или судьи. Суд носил публичный и формальный характер. Иногда применялся поединок тяжущихся сторон.

В Леоне имел место также особый суд, именовавшийся «суд по книге» (*juicio del libro*), который строго руководствовался предписаниями Вестготской правды. Выделение «суда по книге» в качестве экстраординарного подчеркивает, что, как правило, суды пользовались теперь местным обычаем.

В Кастилии в начале X в., согласно сообщениям некоторых более поздних нарративных памятников, возник институт «судей Кастилии», которые решали тяжбы по обычаю. Согласно одной из хроник, после того как Фернан Гонсалес добился независимости от Леона, в Кастилии были собраны все экземпляры Вестготской правды и публично сожжены в Бургосе. Суд по обычному праву (*Fuero de albedrio*) дал начало так называемым *фазанам* (*fazañas*). Это приговоры судей по конкретным тяжбам, служившие в дальнейшем образцами для подобных дел.

Финансовая система Астура-Леонского королевства характеризуется довольно длительным сохранением государственных налогов. Так, например, в Галисии еще в X в. продолжал взиматься римский налог (*tributum quadragesimale*). В королевстве собирался поземельный налог, именовавшийся, как и в римское и готское время, *tributum, funcio*, или, позднее, *infurción*. Но в то же время для налоговой системы Астура-Леонского королевства характерна эволюция, присущая и Каролингской империи, — превращение публичных налогов в феодальную ренту, взимаемую крупными землевладельцами.

Наиболее ярким проявлением этого процесса служит распространение иммунитетов. Слиянию ренты и налога способствовала и прессура. Поселенцы, оседавшие на новых землях, считавшихся собственностью короля (или в Кастилии в X в. — графа), выплачивали *инфурсьон* — побор, который можно рассматривать как ренту и одновременно как налог. Примером могут служить *инфурсьон* и *серны* (отработки), возлагаемые на жителей Браньосьерры и Кастрохериса соответствующими *фуэрос*.

Это же касается и некоторых других налогов и государственных повинностей. Так, существовал побор *монтазго* — плата за пользование дровами в лесах, считавшихся собственностью короля (или сеньора), *гербатикум* (*herbaticum*) — побор за пользование выпасами.

На жителях городов и селений лежали такие повинности, как *анубда* — обязанность охранять замки и крепости, ремонтировать их и строить новые. Сходный характер носила повинность *кастельярия*.

С разъездами короля и его должностных лиц по стране связана была другая повинность населения — *кондучо* (*conducho*) — обязанность содержать короля

и его свиту во время пребывания в соответствующем населенном пункте. Выше уже отмечалось существование косвенного налога — портазго. Все подданные обязаны были нести службы по ремонту дорог и мостов — фазендера (fazendera).

Война, как известно, играла большую роль в жизни средневековых государств. Для испанского общества она имела особо важное значение. Астуро-Леонское королевство в VIII—X вв. находилось в состоянии перманентной войны с мусульманской Испанией. 40 лет из ста (791—891 гг.) были годами, когда арабские войска вторгались на территорию христианских государств. Реконкиста определила особенности военной организации Астуро-Леонского королевства.

Военная служба заключалась в обязанности охранять границы королевства, города и крепости (anubda, castellaría), а также участвовать в тех походах, которые предпринимались королями или их уполномоченными (fosato, fonsado, hueste). Явившийся в войско должен был иметь собственное вооружение. Королевские должностные лица, графы, potestades, merinos вели в поход ополчение из подвластных им территорий.

Военную службу несли все свободные люди (как земельные собственники, так и мелкие держатели). Сервы не участвовали в войске. Несение военной службы рассматривалось как доказательство свободного статуса. Так, в одном из документов начала XI в. люди из владений епископа Луго-Браги, объявленные их сеньором сервами, настаивали на своем свободном происхождении и при этом ссылались на то, что они в свое время участвовали в походах по призыву королей и графов.

Участие в войске основных масс крестьянства — особенность Астуро-Леонского королевства, отличающая его от страны классического западноевропейского феодализма — Франции, где к X в. крестьянство превращалось в податное сословие и основная его часть была отстранена от военной службы.

Военные силы королей Леона состояли из пехоты и конницы, причем в рассматриваемый период первенствующее значение принадлежало пехоте. В этом еще одна особенность военной организации Астуро-Леонского королевства. Она объясняется и социальными и естественными условиями жизни данного общества. Всеоб-

шая военная повинность сохранялась здесь прежде всего благодаря наличию значительного слоя свободных крестьян. Несение крестьянами военной службы, главным образом в пехоте, объясняется тем, что основная часть их не имела материальных возможностей снарядиться для службы в коннице. Так, по подсчетам К. Санчес-Альборноса в X в. лошадь стоила 40—100 солидов, седло — 20—30, уздечка — 100, броня — 60, шлем — 30, щит — 10, меч — до 100 солидов. В то же время упряжку волов можно было купить за 20 солидов¹, но ее имел не каждый крестьянин. Кроме того, естественные условия театра военных действий (горные районы северной Испании) требовали применения в первую очередь пехоты. Это особенно характерно для VIII—IX вв., когда христианские государства вели военные действия преимущественно оборонительного характера.

Феодализация военного устройства выражалась в том, что магнаты обычно шли в поход вместе с вассалами и крестьянами из своих имений. Нередко графы и магнаты предпринимали военные экспедиции по собственной инициативе.

В X в. заметны изменения в военной системе, связанные, с одной стороны, с условиями ведения войны, с другой — со сдвигами в социальной структуре королевства. В составе мусульманского войска к этому времени значительно возрос удельный вес кавалерии, что делало настоятельной необходимостью увеличение конницы и для христианских государств. Астуро-Леонское королевство теперь уже чаще переходило к наступательным операциям, развертываемым нередко не только в горных местностях, но и в плоскогорьях Месеты.

Несение военной службы на коне являлось обязанностью не всех свободных, а определенных социальных групп. Кавалерию составляли знатные, т. е. магнаты и инфансоны, а также кабальерос (*caballeros*) — незнатные свободные, которые в состоянии служить в коннице. Материальной базой для несения такой службы для инфансонов и кабальерос были не только их аллодиальные владения, но и пожалования бенефициального типа — престамос. Так, фуэро Кастрохериса устанавливало, что кабальерос, получившие статус инфансонов,

¹ См.: *Sánchez-Albornoz C. El ejército y la guerra en el reino Asturleonés, 718—1037...* Settimane di Studi sull'alto Medioevo, XV. Spoleto, 1968, p. 372—373.

не обязаны идти в поход, если они не имеют престамос и не получают от королевских должностных лиц оплату и походное снаряжение. Однако четырем десятилетиями позднее у инфансонов Эспехи в Кастилии, не желавших нести сторожевую службу на границе (анубду), отобрали земли, которые они держали от графа Кастилии, оставив им только небольшие наследственные владения. Очевидно, в Астурии и Леоне нашла дальнейшее развитие готская традиция пожалования земель «верным» при условии несения военной службы. Основная масса крестьян несла службу в пехоте (peones).

В конце рассматриваемого периода появился особый слой крестьян, способных нести военную службу в коннице. Это так называемые *caballeros villanos*. В упомянутом фуэро Кастрохериса граф Гарсиа Фернандес приравнивал их в правовом положении к инфансонам.

Военная служба, вынуждавшая являться со своим вооружением, к X в. стала обременительной для определенной части земледельцев. В источниках есть упоминания о выкупе крестьянами некоторых воинских повинностей. Так, в 972 г. консехо дарит графу Кастилии Гарсиа Фернандесу пустошь за то, что он освобождает жителей селения от кастеллярии¹. В поселенных грамотах и фуэрос, предоставляемых общинам, колонизирующим новые земли в пограничной зоне, поселенцам разрешается не нести некоторые воинские повинности.

В X в. применялась практика комплектования войска, близкая к той, которая утвердилась во Франкском королевстве Каролингов. Свободные люди, не обладавшие достаточным состоянием, объединялись группами и выставляли одного человека в войско. Согласно фуэро Кастрохериса, из каждых трех свободных людей, обязанных нести службу в пехоте (pedones), двое шли в поход, а третий давал им своего осла.

Таким образом, несмотря на специфические условия общественной жизни Астуро-Леонского королевства (наличие значительных масс свободного крестьянства, хроническое состояние войны), способствовавшие длительному сохранению системы народного ополчения, и здесь происходит сосредоточение военных функций в среде знати и верхушки свободного крестьянства. Правда,

¹ См.: Becerro Gotico de Cardena, N 30.

Этот процесс происходил здесь замедленно и не завершился и в последующий период средневековой истории.

Важным свидетельством феодализации государственного строя служит развитие института иммунитетов. Наиболее ранние подлинные грамоты иммунитетов относятся здесь к IX в. Король предоставлял иммунитеты светским магнатам и церковным корпорациям. Содержание их состояло в запрещении королевским агентам вступать на территорию иммунитета для сбора налогов, получения судебных штрафов, осуществления правосудия. Право осуществлять все эти функции, в том числе юрисдикцию по отношению к населению данного округа, предоставлялось местному сеньору. Грамоты могли освобождать население от выплаты поборов и штрафов, которые ранее причитались фиску. Все это касалось как сервов, так и свободных людей, находившихся на территории иммунитета округа. В иммунитетной грамоте короля Ордоньо II церкви Сантьяго де Компостела от 915 г. говорится: «... и свободные люди, обитающие там, ценз, который выплачивали нам, будут безоговорочно выплачивать вам».

К иммунитетам переходил сбор налогов и штрафов, полицейская власть и юрисдикция. Не вполне ясно, в какой мере распространялся иммунитет на военные повинности. Грамоты определенно запрещали королевским должностным лицам являться в иммунитетные округа для принуждения населения выполнять военную повинность или выплачивать соответствующее возмещение. Но грамоты, которые вовсе бы освобождали население от таких повинностей, отсутствуют. Возможно, подразумевалось, что иммунитетисты должны принуждать людей, оказавшихся под их властью, нести военную службу.

Иммунитет был привилегией, которая всегда предоставлялась не отдельным лицам, а землям. Поэтому иммунитетный округ сохранял это свойство и в том случае, если сеньор отчуждал его. Новый сеньор пользовался теми же привилегиями. Иммунитет предоставлялся на те земли, которыми сеньор располагал ранее, или же на те, которые он получал по иммунитетной грамоте от короля. При этом действие иммунитета распространялось обычно и на тех, кто в дальнейшем поселялся в данном селении.

Указанные черты испанского иммунитета обнаруживают его сходство с франкским. Это позволяет считать,

что он играл здесь аналогичную роль в процессе феодализации. Правда, в специальной литературе высказывалось иное мнение. Так, К. Санчес-Альборнос подчеркивал, что иммунитет не умалял существенно власть короля; основное его значение в Астуро-Леонском королевстве заключалось в устранении посредника между королевской властью и сеньорией, т. е. королевского должностного лица. Функции последнего теперь выполнял сам сеньор. Испанский историк отмечает сходство текста королевских грамот, предоставлявших графам и судьям полномочия по управлению их округами, с иммунитетными грамотами, которые жаловали право на выполнение сходных функций сеньорам в их владениях. Значение распространения иммунитетов и для социальных отношений, и для политического устройства было, однако, значительно шире, чем просто смена носителей функций публичной власти.

Утверждение этого института означало, что политическая власть сосредоточивалась не только в центральном государственном аппарате, но и в феодальной вотчине. Приобретение сеньором политических прав облегчало ему подчинение свободных земледельцев, не находившихся ранее в зависимости от него. Крестьяне, которые не состояли в поземельной зависимости от сеньора и не вносили ему никаких платежей, теперь начинали выплачивать ему ценз. Прежние повинности публичного характера, взимаемые сеньором-иммунитом, приобретали характер феодальной ренты.

В документах X в. отражена практика предоставления округов, графств в управление светским магнатам и монастырям. Так, в 929 г. король Альфонс IV назначил своего дядю Гутьерреса Менендеса управлять коммисо Квируга в Галисии. Ордоньо III поручил в 955 г. епископу Сан Розендо, сыну Гутьерреса, управлять округом (*mandatio*). В том же году монастырю Селанова был отдан территориальный округ «для властвования или лучше — защиты». Еще ранее, в 952 г., этот король предоставил епископу Леона дону Гонсало в управление коммисо в Valle de Ratarío. Король Рамиро III передал в 977 г. аббату Селанова в управление ряд округов. Альфонс V в 999 г. пожаловал замок в Курруэньо вместе с соответствующим коммисос в управление епископу Фроила¹.

¹ См.: *Barrau-Dihigo*. Chartes royales de León. — «Revue Hispani-

Раздача иммунитетов и пожалование территориальных округов в управление церковным корпорациям и магнатам не могли не ослаблять централизованное начало в политическом строе Астуро-Леонского королевства. Обычными были бунты магнатов против королевской власти, особенно в Галисии и Кастилии, и сепаратистские тенденции, которые в конечном счете привели к отделению Кастилии.

Таким образом, хотя степень централизации политической власти оставалась здесь большей, чем во Франции X в., испанский иммунитет в принципе — явление такого же порядка, как и французский. Его значение как фактора феодализации было отмечено выше. Поэтому трудно согласиться с Л. Вальдеавелльяно, который отрицает феодальный характер Астуро-Леонского государства на том основании, что здесь публичная власть сохраняла суверенитет и осуществлялась на всей территории страны с помощью государственных должностных лиц¹.

Помимо упомянутых проявлений феодализации политической структуры (их наличие частично признает и Л. Вальдеавелльяно), о феодальном характере данного государства можно судить по его политике. По мнению упомянутого историка, цели государства в Испании состояли в осуществлении всеобщего блага, поддержании мира и правового порядка, сохранении территориальной целостности королевства и защите христианской веры². Сведения, которыми мы располагаем о внешней и внутренней политике астуро-леонских королей, показывают, что указанная оценка целей изучаемого государства соответствует официальной политической доктрине изучаемого периода, но не отражает объективно содержание этой политики.

При рассмотрении главных направлений политики королевской власти нетрудно обнаружить ее классовый характер. Практика земельных пожалований светским магнатам и церкви способствовала росту крупного землевладения и формированию феодальной земельной собственности. Раздача иммунитетов содействовала утвержде-

que», 10, 1903, p. 373—292, 411—412; Santos Diez J. L. La encomienda de monasterios en la corona de Castilla. Roma — Madrid, 1961, p. 13—14.

¹ См.: Valdeavellano L. G. de. Historia de España, t. I, 2, p. 83.

² См.: *ibid.*, p. 84—86.

Дению сеньорий и вступлению крестьян в зависимость от феодальных вотчинников. Сохранение готского права с его принципами частной собственности и социальной иерархией отражало содействие государства процессу созревания феодальных отношений. Государство направляло свои усилия на подавление выступлений эксплуатируемых масс населения. Как сообщает Альбельдская хроника, королем Аурелио в VIII в. было подавлено восстание сервов (по версии другой хроники — либертинов)¹. О том, что одной из важных задач королевских должностных лиц было усмирение зависимых крестьян, оказывавших сопротивление вотчинникам, свидетельствует, в частности, фуэро Альфонса IV, предоставленное им церкви Сантьяго де Компостела в самом начале XI в. В этом документе королевским агентам запрещалось вступать на территорию данной церкви для выполнения своих обязанностей, за исключением одного случая: «...если имеются там гордые и высокомерные и не могут их усмирить сами духовные лица, пусть обратятся с жалобой к королям и приведут сайонов, у которых добьются правды»².

Общий характер политики королевской власти подтверждает представление о феодальной сущности Астуро-Леонского королевства. Ссылки противников этого тезиса на то, что вся власть была здесь сосредоточена в руках короля, не убедительны, так как степень централизации политической власти может быть различной в феодальных государствах. Это не означает, что феодализация в Астуро-Леонском государстве достигла в X в. такой же степени, как и к северу от Пиренеев. Сохранение известной роли свободного крестьянства в его военной системе, предоставление государством значительных вольностей крестьянским общинам на колонизируемой территории, относительная неразвитость частной власти магнатов, примитивность государственного аппарата — все это показатели незавершенности процесса феодализации политического строя на севере полуострова. Такие черты присущи раннефеодальному государству.

¹ «В его (Аурелио) время рабы поднялись против собственных господ. Но благодаря старанию короля они были побеждены и все возвращены в прежнее рабское состояние». La Cronica Albeld. Ed. Cómez-Moreno. Boletín de la Academia de la Historia, 1932, p. 602.

² Цит. по: Sánchez-Albornoz C. Estudios sobre las instituciones medievales españolas, p. 796, n. 14.

Аграрный строй. Крестьянство. Крупное землевладение в XI—XIII вв.

1. РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДСТВА

При оценке хозяйственного развития Леона и Кастилии в XI—XIII вв. следует учитывать, что в результате Реконкисты произошло резкое изменение территориального состава данных государств. Леон и Кастилия теперь присоединяли к своим владениям не опустошенные земли, а районы более плодородные, чем горные местности севера. Эти новые области по уровню экономического развития превосходили Астурию, Галисию и Леон, а также Старую Кастилию.

К XIII в. арабы утратили наиболее крупные города Аль-Андалуза — Кордову, Мурсию, Севилью.

Результатом Реконкисты к XIII в. явилась встреча сельской христианской Испании с городской мусульманской Испанией. Суть заключалась не просто в завоевании, а в глубоких демографических сдвигах, колонизации завоеванных территорий выходцами из Леона и Старой Кастилии и в переселении масс военнопленных из Аль-Андалуза на север. Отсюда понятно, сколь значительное влияние на развитие производства оказала Реконкиста.

В рассматриваемый период возросло значение земледелия. У мосарабов Кастилии земледелие занимало господствующее место, но скотоводство продолжало играть весьма важную роль в производстве. Фуэрос по-прежнему уделяют большое внимание защите интересов владельцев скота. Как и ранее, скот ценится дорого. Грамоты все еще упоминают о продаже земельных участков за 1—2 штуки скота.

В северных областях скотоводство оставалось главной отраслью хозяйства, своего хлеба здесь не хватало. Но теперь развивается торговля сельскохозяйственными продуктами и ремесленными изделиями. Из районов к северу от Месеты вывозили на юг скот и сель-

скохозайственное оборудование, а кастильская деревня поставляла на север зерно и вино. Скотоводство развивалось также в Месете. В горных районах, особенно севернее Толедо, росло овцеводство. Особенно заметен подъем овцеводства в Старой Кастилии с конца XII в., когда получило широкое распространение перегонное скотоводство¹. Успехи Реконкисты открыли скотоводам Леона и Старой Кастилии путь к пастбищам юга. Летом скот пасли на горных пастбищах Сьерры, а осенью перегоняли на равнины Эстремадуры, Андалузии, Ла Манчи. При этом использовали дороги среди пахотных полей и лугов — *cañadas*.

За проход по дорогам общин и сеньорий владельцы стад обязаны были уплачивать специальные поборы, а в случае вторжения на поля — штраф консехо или сеньору. Но в ряде случаев короли предоставляли свое покровительство пастухам отдельных местностей, жалую им право свободно проводить свои стада через все королевство. Пастухи отдельных областей создавали свои союзы, которые ведали всеми делами, касавшимися охраны стад, распределения пастбищ.

Во второй половине XII в. появились месты² Леона, Сории, Сеговии, Куэнки. В 1273 г. все скотоводы Леона и Кастилии были объединены в хунту, которую возглавлял «Почтенный совет Месты».

В земледелии по-прежнему применялось двухполье. широко используемое и мосарабами, а также *cultivo ad tercío*. Как и раньше применялся плуг с копьеобразным лемехом (кастильского типа), имелись колесные плуги. Большое значение приобрели виноделие, выращивание оливок, овощей и фруктов.

Основной тягловой силой в земледелии оставались быки. Но для пахоты кое-где стали применять и лошадей. На миниатюрах некоторых рукописей этого периода изображены лошади, запряженные в плуг. Широкое применение в сельском хозяйстве и транспорте находил мул. В целом производительность труда в сельском хозяйстве выросла.

¹ Успех Реконкисты означал, по выражению Санчес-Альборноса, победу христианской овцы над арабской лошастью.

² Термин «места», по мнению Ю. Клейна, происходит от *mezcla* — смешение скота (*Klein F. The Mesta, Cambridge, 1922*). Другие исследователи связывали это выражение с арабским словом *mechta*, которым скотоводы Архелии обозначали зимние пастбища скота.

В готской Испании считалось, что церковь может иметь священника, если она располагает не менее чем десятью сервами. Согласно юридическому памятнику XIII в., идалго считался вполне правоспособным в имущественном отношении (мог быть поручителем) в том случае, если он имел трех зависимых крестьян, каждый из которых, в свою очередь, обладал упряжкой волов и пятью штуками скота¹.

В ряде районов сельское хозяйство приобретало товарный характер. В округе Толедо, например, производство вина значительно превышало потребности самих крестьян².

Заметен рост ремесла. Ряд фуэрос (например, Куэнки, Мадрида) отмечают наличие в городах ремесленников различных специальностей: кузнецов, ткачей, гончаров, золотых дел мастеров, красильщиков и др. В Сеговии и Саморе развивалось текстильное производство. Рынки появлялись во многих населенных пунктах. Все это показывает, что в XI—XII вв. происходит отделение ремесла от сельского хозяйства. Но этот процесс протекал менее интенсивно, чем к северу от Пиренеев. Характерно, что очаги текстильного производства (Сеговия, Самора) оставались изолированными. С середины XIII в. шерсть вывозилась во Фландрию.

В мусульманской Испании, как уже отмечалось выше, было развито горное дело. Но в ходе Реконкисты горное производство сократилось. Многие мусульманские ремесленники ушли. Короли христианских государств не проявляли постоянной заботы о поддержании этого промысла. Все же, по данным фуэрос, и в христианской Испании сохранилась добыча серебра (Куэнка, Картахена), железа (Кастилия, Леон), меди (Андалузия). Это производство осуществлялось на базе прежних римских, а затем мусульманских рудников, но можно отметить некоторые усовершенствования (научились, например, откачивать воду из рудников). Существовало стекольное производство (Толедо, Мурсия, Севилья)³.

¹ Pseudo-Ordenamiento de Najera. См.: *Guglielmi N.* La dependencia del campesino no-propietario. — «Anales de historia antiqua y medieval», v. 13, 1967, p. 137.

² См.: *Pastor de Togneri R.* Les Mozarabes de Tolède. — «Annales», 1970, N 2, p. 358.

³ См.: *Dubler C.* Über das Wirtschaftsleben auf der iberischen Halbinsel von XI zum XIII Jahrhundert. Geneve — Erlangen — Zürich, 1943, S. 11—12.

Показателем известного развития товарно-денежных отношений служит тот факт, что теперь в Леоне и Кастилии появляется собственная монета. Уже в конце XI в. Альфонс VI чеканил медную монету, а в 1172 г. Альфонс VIII начал чеканить золотой мараведи¹.

Вместе с тем хроническое состояние войны и периодические засухи наносили большой ущерб экономике. Например, во время осады Толедо, с 1079 по 1085 г., войска Альфонса VI (по свидетельству архиепископа Родриго Хименеса) ежегодно рубили деревья, уничтожали виноградники, сжигали урожай на полях. Вторжения альморавидов, а позднее в XII в. альмохадов, в свою очередь, привели к опустошению обширной территории. Толедские анналы сообщают о частых стихийных бедствиях и голоде в начале XIII в.² Современникам Леон и Кастилия казались бедной страной по сравнению со странами Западной Европы. Еще в XIV в. в кортесах нередко отмечалась скудость кастильской земли: «Земля очень бедна и бесплодна» (1307 г.); «Наше королевство очень бедно скотом и другими продуктами» (1371 г.); «Наше королевство очень бедствует» (1388 г.)³. Критерием оценки служило, очевидно, состояние хозяйства в странах Западной Европы, с одной стороны, в Аль-Андалузе — с другой. Известно, что к северу от Пиренеев в XI—XII вв. произошли существенные сдвиги в развитии производства в сторону прогресса.

Исходя из всего этого можно согласиться с оценкой современников об экономической отсталости Леона и Кастилии по сравнению с передовыми странами Европы в тот период.

2. КОЛОНИЗАЦИЯ КАСТИЛИИ, ЛЕОНА, ЭСТРЕМАДУРЫ И АНДАЛУЗИИ

В процессе Реконкисты происходила дальнейшая колонизация приобретенных земель. Главным объектом колонизации теперь была Нижняя Месета. В XI — первой половине XII в. имело место заселение зоны между Дуэро и Тахо, во второй половине XII в. — первой половине XIII в. — области Гвадианы.

¹ 1 мараведи = 3,9 грамма.

² Партиды разрешали отцу продавать или давать в залог сына, если им обоим грозила гибель от голода (Siete Part. IV, 17, 8).

³ Garande R. Sevilla, Fortaleza y mercado. — «Anuario de historia del derecho español», t. II, 1925, p. 267.

Решающее значение для начала нового этапа колонизации имело завоевание мусульманского государства Толедо. После этого стало возможным освоение кастильской Эстремадуры (долины нижнего течения Дуэро), долины Тахо вплоть до верхнего Хукара и Ла Манчи. Восточная окраина кастильской Эстремадуры заселялась в основном в начале XII в. преимущественно выходцами из Наварры, Риохи и Арагона. Король Арагона Альфонс I колонизовал район Сории, Берлянги, Альмазана и Бельорадо.

В ходе колонизации Эстремадуры возник ряд консехос — Медина, Куэльяр, Ольмедо, Аревалло, Кока, Сепульведа. Названные консехос пополняли выходцы из Паленсии, Вальядолида, Бургоса, Риохи. Южнее в начале XII в. были основаны Авила и Сеговия (также в форме консехос). Здесь в колонизации участвовали кастильцы и французы, а также выходцы из Галисии и Наварры.

Последний этап колонизации знаменовался освоением ряда новых областей. Сюда относится район Хукара. Треугольник, образованный Куэнкой, Альбасетой, Валенсией, был заселен при Альфонсе VIII. В колонизации участвовало главным образом население кастильской Эстремадуры. Альфонс IX восстановил и заселил ряд городов леонской Эстремадуры — Мериду, Касерес, Алькантару. Колонизация территорий к югу от Тахо осуществлялась королями Кастилии и Леона в тесном сотрудничестве с военными орденами: Сантьяго — на востоке (районы Уклеса и Куэнки), Калатравы — в центре (Ла Манча) и Алькантары — на западе (Эстремадура).

В этот период продолжалось освоение слабозаселенных старых территорий, в частности в Кантабрии и Галисии. Так, Альфонс VIII заселил Сан-Себастьян, Сантандер, Фуэнтерра, дал им фуэрос, а Альфонс IX — Рибадео, Льянес, Корунью и Байенну.

В некоторых случаях колонизация служила средством упрочения господства королей одних христианских государств на территориях, отвоеванных у других христианских королевств. Так, Альфонс VIII, отвоевав у Наварры области Риоха, Алавы и Гипускоа, принял меры для заселения кастильцами таких опорных пунктов, как Виттория, Миранда и Сан-Себастьян.

Важной особенностью колонизации данного периода

было то, что она осуществлялась в областях, где оставались значительные массы прежнего населения — мосарабы, мусульмане, евреи. С конца XI в. после прихода альморавидов и ухудшения положения христиан на арабской территории усилился приток мосарабов из мусульманских областей на север. Новым толчком для эмиграции мосарабов в области, занятые христианскими государствами, явилась политика альмохадов в начале XII в. по отношению к инаковерующим. О росте численности евреев в христианских государствах свидетельствует появление особых еврейских кварталов в Толедо, Зорите и некоторых других городах.

Мосарабы, сохраняя свои владения и личные права, получали от королей Леона и Кастилии фуэрос. Положение мусульманского населения, особенно многочисленного в Андалузии, определялось характером завоевания. В тех случаях когда оккупация осуществлялась в результате капитуляции арабов, мусульмане сохраняли свое имущество. Они должны были платить налоги и становились подданными кастильского короля.

Если же город захватывался силой оружия (например, Севилья, Кордова, Баэса, Хаэн и др.), мусульманское население изгонялось и сохраняло лишь то имущество, которое можно было унести с собой. Владения мусульманских религиозных корпораций обычно становились собственностью церкви. Бремя налогов, возложенное на мусульманское население, нередко оказывалось непосильным, вспыхивали восстания, после подавления которых мусульман изгоняли и захватывали их земли.

Отличительной чертой колонизации XI—XII вв. была значительная роль в освоении новых территорий городских общин — консехос. Группы свободных людей получали поселенные грамоты, в которых устанавливалось их право осваивать территорию в определенных границах. Обычно король поручал фиксацию таких границ специальным уполномоченным (*partidores*), осуществлявшим также раздел земель между поселенцами.

При колонизации Андалузии обычно выделялись: часть земли, остававшаяся в ведении короны, другая — предназначавшаяся светским магнатам и церкви, и третья — для консехо. Последняя делилась между пеонами и кабальерос.

Фуэрос закрепляли наследственные права жителей

общин на полученные ими земли. Примером может служить грамота, пожалованная консехо Нахеры в 1154 г. королем Санчо III: «Я король Санчо... составил грамоту и подтвердил вам, жителям Нахеры, как нынешним, так и будущим, и детям вашим и всему потомству вашему границы виллы вашей, чтобы с этого дня вы владели ею вместе с потомством, по наследственному праву навеки. Предоставляем вам все в этих пределах — и виноградники, и огороды, дороги, воды, леса, которые вы можете иметь. И ни я, ни какой-либо другой человек вместо меня не может отобрать это у вас...»¹

Существенную роль в колонизации в XI—XIII вв. играли военные ордена, получавшие от королей значительные земельные пожалования, особенно в Андалузии. Вотчины орденов здесь носили преимущественно скотоводческий характер.

В этот период отчетливо заметно руководство колонизацией со стороны королевской власти. Это выражалось в непосредственном участии королевских должностных лиц в наделении консехос землями, определении с помощью фуэрос прав и обязанностей членов городских общин, пожалованиях земель светским магнатам, церквам и орденам, в планомерной колонизации различных территорий в соответствии с политическими и стратегическими интересами королевства.

Поощрение колонизации проявлялось в установлении льгот для поселенцев на новых землях. Они освобождались на первое время от ряда платежей и повинностей. На колонизацию наложили свой отпечаток сдвиги в социальных отношениях, типичные для этого периода, т. е. развертывание процесса феодализации.

К. Санчес-Альборнос справедливо подчеркивал большую роль свободных людей и консехос в заселении новых земель. Нельзя, однако, как отметил И. Конча, недооценивать и определяющую роль магнатов в экономической и политической жизни Кастилии². В освоении новой территории наряду с королем активно участвовали светские магнаты, епископы, аббаты, юрдена. Содействуя колонизации, осуществляемой консехос, короли в

¹ Цит. по.: *González J.* El reino de Castilla en la época de Alfonso VIII, t. II. Madrid, 1960, N 14.

² См.: *Concha J.* Consecuencias jurídicas, sociales y económicas de la reconquista y repoblación. — «La Reconquista española y la repoblación del país». Zaragoza, 1951, p. 217.

то же время заботливо оберегали интересы магнатов и церковных корпораций. Об этом свидетельствуют такие факты, как передача многих деревень, находившихся первоначально в составе городских округов (Бургоса, Карриона, Сальданьо, Муньо), сеньорам¹. Характерно, что короли принимали порой меры для ограничения ухода хуньорес из сеньорий на старых землях. Важное значение имело возложение королевской властью повинностей на консехос.

Колонизация играла важную роль в развитии многих стран средневековой Европы. Но для Леона и Кастилии она имела особое значение. В других странах колонизация осуществлялась уже сложившимися феодальными государствами. В Испании же она развернулась еще в раннефеодальный период. Само феодальное общество и государство складывались здесь в ходе Реконкисты, наложившей отпечаток на феодальные отношения. В этом мы убедимся, останавливаясь далее на социальной структуре и политическом устройстве Леона и Кастилии в XI—XIII вв.

В исторической литературе распространено мнение, что в результате колонизации в Кастилии значительно вырос слой свободного крестьянства. Следует, однако, уточнить характер этой свободы.

Земледельцы, поселившиеся на новых землях, и по владельческим правам, и по общему своему статусу нередко мало отличались от хуньорес де эредад и соларьегос. Поселенцы, как правило, имели сеньора (иногда это сам король). Ему выплачивали оброки, несли барщину, находились порой под его юрисдикцией (хотя могли судиться и в королевских судах). Иногда им запрещалось находить себе другого сеньора.

В лучшем положении находились те из крестьян, которые имели коня и несли военную службу в коннице. Остальные же представляли собой в сущности зависимых земледельцев, хотя и более высокого статуса, чем хуньорес и соларьегос.

Вопрос же о статусе населения городов Новой Кастилии требует специального рассмотрения.

¹ См.: *González J. Reconquista y repoblación de Castilla, León, Extremadura y Andalucía. La Reconquista española y la repoblación del país*, p. 192.

3. ЗАВИСИМЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

Для леонской и кастильской деревни в это время, как и прежде, характерно наличие ряда категорий крестьян несобственников. Сохраняется еще слой сервов, в положении которых не произошло существенных изменений.

Юридический памятник XIII в. «Сиете партидас» свидетельствует о сохранении ряда основных норм римского и вестготского права о рабах; «сеньор имеет полную власть над своим сервом, чтобы делать с ним все, что ему будет угодно»; рабство характеризуется как наиболее презренная и низкая вещь, какая только может быть среди людей¹. Все имущество серва по-прежнему формально считалось собственностью его сеньора. Большая часть сервов имела земельные наделы. Отсюда наименование *casati*. Продавать свой надел, как и прежде, они не могли, но имели право дарить церкви одну пятую часть своего имущества. Самих сервов отчуждали иногда и без земли.

Хотя основным источником рабства были война и торговля, имели место случаи самопродажи в рабство. Улучшилось правовое положение сервов. Они могли вступать в брак со свободными даже без разрешения своего господина. Альфонс X предписывал не дробить семьи сервов при обменах и продажах. Если господин морил раба голодом или подвергал пыткам, тот имел право жаловаться судье. Если жалоба подтверждалась, серв получал свободу. Сервы XI—XIII вв. по существу представляли собой крепостных крестьян.

Численность сервов, однако, сокращалась. Официальное право и местные обычаи создавали теперь более благоприятные условия для выхода из рабского состояния. Серв, который прожил 10 лет на земле своего сеньора или 20 лет на земле другого сеньора, согласно Партидам, становился свободным. Стремление властей и местных консехос привлечь переселенцев на новые территории вело к тому, что в фуэрос включались постановления, облегчавшие оседание здесь беглых. Как отмечалось выше, еще фуэро Леона требовало, чтобы явившегося в город беглого серва оставляли жить в нем и никому не выдавали (если только его господин не до-

¹ См.: *Siete Partidas*, IV, 1, 6; VI, 5.

казывал, что тот принадлежит ему). Некоторые более поздние фуэрос уже без каких-либо оговорок устанавливали, что поселившийся в данном месте раб становится свободным. В фуэро Бургоса говорилось даже о том, что получают свободу сервы, бежавшие в Бургос для того, чтобы не терпеть несправедливых притеснений со стороны своих господ¹.

Вольноотпущенничество формально не претерпело коренных изменений. Часть сервов получала полную свободу. Нередко же они оказывались под покровительством прежнего господина или другого патрона. Патрон имел некоторые права на имущество умершего либертина: если у того не было детей и он не оставил завещания, все его достояние переходило к патрону; если он оставлял завещание, патрон получал половину.

На новых землях в Месете институт рабства и вместе с ним вольноотпущенничество в XI—XIII вв. уже не играли большой роли. Партиды, отражающие рецепцию римского права, еще уделяют внимание либертинам, но ближе стоявшие к практике повседневной жизни муниципальные фуэрос не упоминают о них.

Основную массу зависимого крестьянства составляли хуньорес, колласос, соларьегос. Если первоначально и были какие-то различия в положении лиц, относившихся к данным категориям, то теперь они постепенно стирались (не считая хуньорес де кабеса, стоявших по своему статусу ниже, чем прочие разряды зависимых крестьян).

В статусе всех этих крестьян на первый план выступает поземельная зависимость. Партиды так определяют понятие «соларьего»: «Соларьего — это человек, являющийся поселенцем на земле другого лица». Термин «соларьего», применявшийся первоначально в Новой Кастилии, со временем получает все более широкое распространение в Леоне и во всей Кастилии. Иногда употребляется наименование *villanos*, которое может обозначать зависимых земледельцев или же всех крестьян, в том числе и мелких собственников в целом.

Хуньорес, колласос и соларьегос были наследственными держателями земельных наделов. Иногда они могли отчуждать земли, но, как правило, крестьянам той же сеньории.

¹ См.: *Fuero de Burgos. Muñoz* T. Op. cit., p. 257.

Соларьегос (мы так обозначаем всех зависимых крестьян) несли разнообразные сеньориальные повинности. Некоторых из них — инфурсьон, маньерия, серна — уже характеризовались выше. В рассматриваемый период, помимо указанных повинностей, источники упоминают ряд других. К ним относятся посада (posada) — предоставление постоя как королевским должностным лицам, так и сеньору и его агентам; апеллидо (apellido) — обязанность являться на защиту виллы по требованию сеньора; эхебрадурас (exebaduras) — плата, вносившаяся крестьянином, жена которого уличена в прелюбодеянии; уэсас (huesas) — брачный взнос, который платил сеньору крестьянин (если он брал жену из чужой сеньории, то платил вдвое больший взнос); люктуоса (luctuosa) — побор, причитавшийся с имущества умершего крестьянина.

Указанные категории крестьян и в этот период несли повинности в пользу государства: платили налог (tributum) и выполняли различные службы. Наиболее часто упоминаются фазендера, фонсада. Крестьяне также выплачивали церквям десятину (в готской Испании не было церковной десятины как обязательного побора). В X—XI вв. короли нередко жаловали монастырям виллы вместе с десятинами, причитавшимися с крестьян. В Партидах же выплата церковной десятины фиксируется как правовая норма.

В XI—XIII вв. осуществлялась фиксация крестьянских повинностей. Так, например, согласно фуэро Леона, тот, кто живет на чужой земле, если не имеет лошади и осла, выплачивает собственнику земли ежегодно 10 пшеничных хлебов, половину кувшина вина и один окорок. Фуэро Логроньо заменяет ряд прежних оброков выплатой 1 солида с каждого дома. Фуэро де Миранда устанавливает аналогичный взнос размером в 2 солида.

Выше отмечалось, что фуэрос зачастую снижали отработки до нескольких дней в году. Но в ряде случаев в XII—XIII вв. крестьяне должны были исполнять барщину ежемесячно или один раз в три недели. Зачастую фуэрос предусматривали взыскание с крестьян штрафов за уклонение от барщины, недостаточно усердное ее выполнение, уход с работы до установленного часа.

Фуэрос освобождали крестьян от ряда повинностей

или ограничивали их. Так, например, вдова сельчанина, не имевшая сына и не располагавшая сервом, вносила только половину прежнего оброка. В XIII в., согласно некоторым фуэрос, взносы сеньору платил лишь тот соларьего, у которого имелось недвижимое имущество не менее чем на 10 и движимое на 20 мараведи. Служба по защите виллы и обязанности посыльного ограничивались определенным сроком. Иногда предоставлялась возможность выкупить повинность, например маньерию.

Личный статус колласос и соларьегос в этот период носил двойственный характер. Мы обнаруживаем в этом статусе черты личной зависимости от сеньора, явное ограничение свободы. Крестьян продают и дарят вместе с землей. В документе 1207 г. говорится о продаже двух колласос вместе с их земельными наделами и домами за одну лошадь стоимостью в 30 мараведи. Известны случаи, хотя и немногочисленные, когда крестьян-колласос продавали или дарили вовсе без земли и использовали не в качестве земледельцев. Так, Фернандо II наряду с другим имуществом пожаловал собору Леона сорок колласос, с тем чтобы они служили при церковной трапезной.

Нередко фуэрос сохраняли за крестьянами повинности личного характера — маньерию и нунсьо, обязанность сопровождать сеньора на судебные собрания, заменяемую денежным взносом, брачную пошлину, выплачиваемую вдовой, желавшей вновь выйти замуж. Крестьяне не могли отказываться от назначения на должность мерино под страхом уплаты штрафа.

В некоторых грамотах упоминаются колласос-ремесленники: плотники, скорняки и др. Не исключено, что одновременно они занимались и сельским хозяйством.

Порой семьи крестьян дробились: дети от браков колласос, принадлежавших различным сеньорам, делились между ними. Власть сеньора по отношению к зависимым крестьянам иногда выражается термином *dominium*. Церковные сеньории добивались того, чтобы крестьяне признавали себя их вассалами. Но это не обычный вассалитет, который связывал мелких и крупных феодалов. Партиды характеризуют отношения между сеньорами и их соларьегос как особый вид вассальных отношений.

Об ограничении статуса свободы крестьян свидетельствуют следующие факты: ответственность сеньора за

некоторые преступления, совершаемые соларьегос, отсутствие у крестьян права давать в залог имущество без разрешения сеньора, получение сеньором компенсации за нанесенный его соларьего ущерб. Соларьего, поднявший руку на сеньора, лишался руки. За сожительство с женой сеньора он мог быть безнаказанно убит.

Тенденции к установлению личной власти над соларьегос достигли своей кульминации в известном положении юридического памятника XIII в. — Старое фуэро Кастилии: «... у каждого соларьего сеньор может взять его жизнь и все его достояние...»¹

Имеются, однако, данные, рисующие статус соларьегос совсем в ином свете. Если колласос и соларьегос отличались по своему положению от крестьян из бегетрий, не говоря уже об идальгос, то они в то же время, как видно из Партид, ограничивались от сервов. Соларьегос могли приобретать новые земли и иметь их в собственности. Они иногда обладали сервами. Короли запрещали сеньорам (как и своим собственным агентам) захватывать в залог земли таких крестьян. Соларьегос могли обращаться в королевский суд с жалобами на незаконное взимание сеньорами поборов, которые рассматривали алькальды. Как уже отмечалось, соларьегос несли государственные повинности, платили налоги и участвовали в военных походах.

У зависимых крестьян была своя общинная организация, совет, который, как и общинный совет крестьян-аллодистов, решал вопросы аграрного распорядка, поселения чужаков на территории деревни, выбора сторожей, охранявших владения сельчан и общие уголья.

В документах этого периода встречаются упоминания о принудительной общности владения имуществом и ведения хозяйства, устанавливаемой главой семьи. Так, например, согласно одному документу из архива Сантьяго в Галисии от 1126 г., некий Овеко Диас в своем завещании определил, что его сыновья частью имущества могут владеть раздельно, а частью — сообща. Иногда такая общность владения устанавливалась сеньором. Так, в 1215 г. аббат монастыря Монтеррамо предписал, что после смерти крестьянина Гундисальво

¹ El fuero Viejo de Castilla, I, 7, 1.

его держанием должны владеть все его сыновья совместно¹.

Двойственность статуса зависимых крестьян особенно наглядно выступает при рассмотрении вопроса об их праве ухода. Выше отмечалось, что в X в. хуньорес де эредад имели право оставить свою сеньорию, отказавшись от земельного надела и пожертвовав половиной своего движимого имущества. Для зависимых крестьян и в XI—XIII вв. характерно ограничение права ухода. Крестьянин, пользуясь этим правом, зачастую терял наследственный надел, дом и половину движимого имущества.

Некоторые положения Старого фуэро Кастилии снижали статус соларьегос, например запрещали им уходить от сеньоров, угрожая нарушителям отобранием движимого имущества. Это, вероятно, нельзя считать чем-то случайным, тем более что подобные положения воспроизводятся в некоторых других юридических сочинениях. Определенные слои господствующего класса стремились усилить власть сеньоров над зависимыми крестьянами. Из сочинений Бомануара и Брактона мы знаем, что тенденция приравнять серва и виллана к римскому рабу не была чужда юридической литературе данной эпохи также во Франции и в Англии. Но общая линия социального развития Леона и Кастилии заключалась в смягчении зависимости данных категорий крестьянства.

Партиды провозглашают право соларьегос уходить от сеньора со всем движимым имуществом. Правда, при этом подчеркивалось, что соларьего не может ни отчуждать землю, которую он обрабатывал, ни требовать возмещения за улучшения, которые выполнены им в его хозяйстве. Все это он должен был оставить сеньору. Практически в XII—XIII вв. крестьяне указанных категорий имели значительные права и на свой наследственный надел. Оставляя свою деревню, они могли продать свой земельный надел, но в большинстве случаев либо сеньору, либо своим соседям, людям того же сеньора. В некоторых случаях такие крестьяне, уходя из сеньории, могли сохранить за собой свои наследственные наделы, уплатив небольшой взнос сеньору. Вернувшись на старое место через несколько лет, они могли

¹ См.: *Hinojosa E.* La fraternidad artificial. Obras, t. I, p. 268.

восстановить свое владение землей. Согласно фуэро Кастрокальбона, если такой крестьянин умер на чужбине, могли вернуться и получить отцовское наследство его дети. Альфонс IX в 1215 г. установил, что хуньорес при переходе из имений короля во владения церкви Сантьяго сохраняют свои земельные наделы.

О тенденции к упрочению прав соларьегос на их наследственные наделы свидетельствует законодательный свод 1348 г., который устанавливает, что никакой сеньор не может отобрать у соларьего или у его детей и внуков солар, если они выплачивают оброк¹.

Судя по памятникам XII—XIII вв., среди крестьян в это время существовала значительная имущественная дифференциация. Фуэрос обычно различают среди жителей деревни две категории в соответствии с готской традицией — «больших» и «малых» людей (*maiores* и *minores*). Критерием дифференциации чаще всего служило количество тягловой силы, которой владел земледелец. Обычно различались те, кто имел упряжку быков, одного быка (или осла) или вовсе не имели скота. Иногда ценз крестьянина определялся общей стоимостью его недвижимого и движимого имущества. В отдельных случаях основой для классификации крестьян были размеры пахотной земли, которой они располагали, — югада, пол-югады. В соответствии с количеством скота, земли или стоимостью имущества в целом назначались оброки и отработки.

В этот период выделяется слой зажиточных земледельцев, которые обладают значительными наследственными земельными владениями и иногда получают дополнительно землю в держание (*престамо*). Они располагают несколькими быками, коровами, лошадью, движимым имуществом, используют в своем хозяйстве труд одного-двух рабов или наемных работников. В то же время в деревне имелись крестьяне, лишившиеся земельных наделов, не имевшие быков или иной тягловой силы и находившиеся на грани нищеты. Согласно некоторым фуэрос, человек, продавший свой наследственный надел из-за голода, имел право выкупить его. Иногда в особую группу выделялись крестьяне, все имущество которых не превышало по стоимости 5 мараведи². С них

¹ См.: Ordenamiento de Alcalá, I, 13, tit. XXXII.

² См.: Gonzalez J. El reino de Castilla en la época de Alfonso VIII. Madrid, 1960, t. III, p. 351.

взимали оброк в $\frac{1}{4}$ мараведи в год. В иных случаях бедняки вовсе освобождались от выплаты оброка. Фуэро Куэнки разрешает беднякам собирать колосья на чужой ниве, но «лишь столько, сколько можно удержать в руке». Если они применяли серп или являлись дважды на чужую ниву, с них взимался штраф. Такие безземельные крестьяне были основным контингентом для пополнения рядов наемных работников.

В конце XII—XIII в. зависимое крестьянство представляло собой в юридическом и имущественном аспектах мозаичную картину. Рядом с зажиточными крестьянами, которые легко могли бы стать кабальерос, находились безземельные бедняки. Бок о бок с соседями, лишенными права уйти от сеньора, выполнявшими барщину и всевозможные личные повинности, находилась община, связанная с сеньором лишь обязанностью выплачивать небольшой денежный взнос. Но осуществить градацию крестьян по их юридическому статусу и хозяйственному положению весьма затруднительно. Статус крестьян определялся местными фуэрос, поселенными грамотами, которые были весьма разнообразны. Нередко состоятельный крестьянин, имевший значительный земельный надел, упряжку быков, верховую лошадь и стадо мелкого скота, обязан был оставаться вассалом своего сеньора и выполнять барщину. В то же время в другой деревне все ее жители, в том числе и бедняки, были свободны от барщины, могли уходить со всем движимым имуществом, а иногда и сохраняли право на наследственный надел и не обязаны были оставаться в вассальной зависимости от какого-либо определенного сеньора. Так, например, колласоселений Вилласилья и Вилламелендро, согласно фуэро, предоставленному им Альфонсом VIII в 1180 г., обязаны были выполнять барщину один раз в 3 недели и не могли оставлять работу до 9 часов вечера. Они выплачивали в качестве инфурсьон три четверти хлеба, 2 кувшина вина и с каждого трех человек — 2 окорока. В качестве фонсадеры каждый сосед вносил 2 солида. В то же время эти колласос имели свой консехо, были освобождены от маньерии и нунсьо в пользу короля, мерино или «господина вильи» и имели право уходить, забирая движимое имущество и сохраняя за собой недвижимое имущество.

В XI—XIII вв. крестьяне, как и прежде, получали

нередко земли во владение в качестве престамо, т. е. в прекарное владение. Иногда крестьяне дарили свои владения сеньорам и получали их вслед за этим в пожизненное владение (*precaria oblata*). Примером может служить грамота 1061 г., согласно которой некто Педро Эриз передал свой наследственный надел монастырю Гуимараэс с условием, что сможет использовать его до своей смерти¹. В 1129 г. Педро Мартинес получил от монастыря Сан Висенте де Овьедо в престамо землю, которую его сестра подарила монастырю. После смерти Мартинеса земля снова поступила в распоряжение монастыря. Обычно, осуществляя дарения в пользу вотчины, крестьяне договаривались об условиях, на которых они смогут в дальнейшем пользоваться ими. Иногда, как, например, в Сан Мигель дель Камино в 1187 г., земледельцы в случае, если на них будут возложены более тяжелые повинности, чем это предусмотрено в грамоте, оставляли за собой возможность вернуть себе право собственности на подаренные земли². В ряде случаев сеньоры предоставляли крестьянам земли в качестве престамо из своих владений (*precaria data*)³.

Прекаристы крестьянского типа мало отличались по своему общественному положению от соларьегос, тем более что иногда последние получали дополнительно к своим наследственным наделам еще и землю в престамо. Так, в монастыре де Вега в начале XIII в. крестьянин, покидая сеньорию, мог продать свой наследственный надел, но должен был вернуть престамо⁴.

Наряду с указанными категориями зависимых крестьян в сельском хозяйстве в ту эпоху применялись наемные работники — мансебос. Их значение особенно возросло со второй половины XII в. в связи с недостатком рабочей силы в крупных имениях и развитием товарно-денежных отношений. Фуэрос XII—XIII вв. уделяют много внимания наемным работникам — паха-

¹ См.: *Sánchez-Albornoz C. Contratos de arrendamiento en el reino Asturleonés*. — «Cuadernos de historia de España», X, 1948, p. 151.

² См.: *Gibert y Sanchez de la Vega R. Los contratos agrarios en el derecho medieval*. — «Boletín de la Universidad de Granada», 1950, p. 320.

³ См.: *Alamo y de Coleccion diplomática de San Salvador de, Oña*, I, p. 360—361; 365—366.

⁴ См.: *Gibert y Sanchez de la Vega R. Los contratos agrarios en el derecho medieval*; p. 322.

рям (*yuqueros*), огородникам (*hortelanos*), виноградарям (*viñadores*), пастухам (*pastores*). Одним из способов более широкого использования наемной рабочей силы, чем прежде, стала оплата принудительного труда крестьян в вотчинах. В исторической литературе отмечалось, что барщина с харчами была в Англии XIII в. своеобразной формой оплачиваемого принудительного труда¹. Подобная система широко практиковалась в Леоне и Кастилии. Иногда можно наблюдать переходные формы от принудительного труда к оплачиваемому наемному труду. Так, согласно фуэро Сан Кристина, крестьяне, выполнившие основные земледельческие работы (вспашку, посев, жатву), помимо хлеба и вина получали еще по $\frac{1}{3}$ мараведи за каждую из данных категорий барщины². Фуэрос регламентировали условия труда и оплату наемных работников. Например, в начале XI в. фуэро Леона предписывало, чтобы в первый день великого поста горожане устанавливали подобные нормы оплаты. Пахарь нанимался обрабатывать землю с упряжкой быков. В случае нужды он мог сам нанимать еще подсобных рабочих. В вознаграждение он получал зерно, сыр, овощи, соль, лапти из бычьей кожи и пр. На сходных условиях использовались виноградары и огородники, оплачивавшиеся в соответствии с площадью обрабатывавшегося ими участка. Пастух получал оплату натурой — $\frac{1}{7}$ часть находившихся на его попечении овец, коз, шерсти, сыра, молока³.

Если в ранних фуэрос вознаграждение назначалось натурой, то позднее — в денежной форме. В 1268 г. на кортесах в Хересе были установлены нормы оплаты для сельскохозяйственных работников по зонам: в Андалузии — 12 мараведи в год, в Толедо и окружающей территории — 6, в Эстремадуре вплоть до Дуэро — 4, в долине Дуэро и Кастилии — 6, в Леоне — 6 и т. д.⁴ Однако не только в XIII в., но и позднее сохранялась оплата натурой наряду с денежной⁵.

Нарушение назначенных фуэрос такс оплаты влекло наказание: в некоторых случаях и для того, кто боль-

¹ См.: *Косминский Е. А.* Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.—Л., 1947, с. 375—376.

² См.: *Muñoz y Romero T.* Op. cit., p. 224—225.

³ См.: *Fuero de Cuenca*, IV, 7.

⁴ При Альфонсе X 11 мараведи равнялся 15 солидам.

⁵ См.: *Klein J.* Mesta, p. 68.

ше давал, и для того, кто больше получал: чаще — для претендующих на оплату, превышавшую норму. Правила касались и продолжительности рабочего дня, и качества труда, и условий ухода мансебо. Фуэро Куэнки, например, предписывало, что поденщик, бросивший работу до того, как ударит колокол в церкви св. Марии, теряет заработок за весь день¹. Если же он плохо выполнял свои обязанности, хозяин увольнял его, выплатив то, что тот заслужил. Если пастух уходил без достаточно основательной причины до истечения срока найма, он вовсе ничего не получал; если уходил по уважительной причине, получал столько, сколько заработал. Пахарь, причинивший собственнику земли урон в результате недоброкачественной работы, возмещал ущерб.

Для оценки места, которое занимали наемные работники в социальной структуре Леона и Кастилии в XI—XIII вв., необходимо учитывать также их общественное положение и юридический статус. Источники не дают оснований видеть в них полноправных свободных людей, не отягощенных феодальной зависимостью. Мансебо не были вполне правоспособны ни по отношению к сеньору, с которым были связаны экономическими узами, ни по отношению к консехо, на территории которого находились. Юридическая неполноправность таких работников, их приниженное состояние по сравнению с сеньором явственно выступают в локальном праве. Если мансебо ударял сеньора, он терял правую руку и плату, которая ему причиталась. Если же сеньор нанес ранение мансебо, он не подлежал наказанию. Если работник лишал жизни господина, его либо сбрасывали со скалы, либо сжигали.

По своему правовому положению наемный работник был близок к соларьегос. Партии рассматривают аренду земли со стороны наемных работников как один из источников возникновения статуса соларьего. Имеющиеся данные позволяют заключить, что в Леон-Кастильском королевстве, как и в ряде других стран Европы, подлинный наемный труд еще только зарождался. В целом же мансебос включались в феодальную систему хозяйства.

¹ См.: Fuero de Cuenca, XLIII, 16.

Личная зависимость крестьян от сеньоров нередко внешне оформлялась как отношения вассалитета.

В источниках широко употребляется термин *vassali*, имеющий различное значение. Вассалами именовались и знатные и крестьяне. Документы упоминают о мелких земледельцах, которые вступали в вассальную зависимость от землевладельцев, с тем чтобы получить защиту. Они брали определенные обязательства: выплачивать оброк, иногда выполнять барщину и нести другие повинности. Так, например, в 1213 г. жители виллы Тороцела (18 человек) заключили договор с монастырем Озера, согласно которому они становились его вассалами, обязывались являться один раз в год на барщину, давать люктуозу и еще взнос в размере 12 денариев; монастырь же должен был защищать их как своих людей¹. Некий Мартин Хуан стал в 1267 г. вассалом монастыря св. Торибия со своим соларом и обещал платить инфурсьон в размере 3 хлебов и курицы. В грамоте подчеркивается, что приор «не может требовать ничего сверх этого в качестве инфурсьон»².

Иногда в грамоте говорится о том, что человек становится вассалом монастыря «за многочисленное имущество и помощь», которую он получал от данного церковного учреждения³.

Землевладельцы явно стремились связать мелких держателей отношениями вассалитета. Монастырь Собрадо в фуэро, предоставленном в 1215 г. жителям Вилляновы, указывал, что никто не мог иметь в этом селении солар или престимоний, если не являлся вассалом монастыря. Во владениях Саагуна, согласно фуэро 1255 г., действовало правило: тот, кто покупал наследственные наделы у людей монастыря, должен стать его вассалом. Нередко от вассалов требовали, чтобы они не продавали своих наследственных наделов никому, кроме вассалов тех же сеньоров. Держателям монастыря не разрешалось иметь других сеньоров, помимо Саагуна. Иногда монастыри получали в этом отношении помощь от королей, которые запрещали каким-либо сеньорам ставить в вассальную зависимость от себя людей во владениях того или иного монастыря.

¹ См.: *Hinojosa E. Documentos para la historia de las instituciones de León y Castilla*. Madrid, 1919, p. 107—108.

² *Cartulario de S. Toribio de Liébana*, doc. 179.

³ См.: *ibid.*, doc. 203.

Положение вассалов — мелких земледельцев мало отличалось от положения соларьегос. Иногда в документах говорится о «вассалах-соларьегос» или сопоставляются вассалы и колласос.

Все вышеизложенное позволяет квалифицировать упомянутые слои земледельцев как социальную категорию. В исторической литературе высказывалось мнение, что хуньорес де эредад и соларьегос — это свободные земельные держатели¹. Как видно из исторических памятников, современники действительно не смешивали их с сервами и считали свободными людьми. Но само понятие свободы в этот период не исключало пребывание в феодальной зависимости. Знакомясь с положением хуньорес, колласос, соларьегос, мы видим перед собой непосредственных производителей, находившихся в поземельной зависимости. Правда, личная зависимость здесь выражена в значительно более мягкой форме, чем та, которая характерна для французских сервов или английских вилланов в тот же период: крестьяне в Леоне и Кастилии не прикреплены к земле; они судились в королевских судах и не отстранялись от военной службы. Но в известной мере они связаны со своими сеньорами узами личной зависимости. Все это дает основания считать данные категории непосредственных производителей особой категорией феодально-зависимых крестьян.

Эволюцию в положении колласос и соларьегос в XI—XIII вв. можно сопоставить с «освобождением крестьянства» в Западной Европе XI—XII вв. В Леоно-Кастильском королевстве изменение статуса крестьян, основная масса которых и ранее не находилась в крепостной зависимости, выразилось в облегчении условий их ухода из вотчины (без утраты имущества), освобождении от ряда специфических повинностей, лежавших на личности крестьянина (маньерия, нунсьо, баналитеты), в фиксации оброков и отработок. Сервы же в большинстве своем получили свободу, слившись с соларьегос и колласос в общую массу зависимых крестьян или став членами городских общин. Несколько иначе складывались судьбы крестьян бегетрий.

¹ См.: *Sánchez-Albornoz C.* España, un enigma histórico, t. II, Buenos-Aires, 1956, p. 36.

4. ЭВОЛЮЦИЯ БЕГЕТРИЙ

В рассматриваемый период существовали прежние бегетрии и возникали новые. Источники пополнения числа бегетрий были различны. Иногда члены королевского дома и сеньоры предоставляли права бегетрии населению подвластных им селений. Так, в 1104 г. граф Гарсиа Ордоньес и его мать Уррака пожаловали жителям Фреснилло права бегетрии: «... и вы не станете вступать в споры и совершать разделы, но будете иметь бегетрию в ваших делах от наших детей и внуков или от кого захотите...»¹ Такой же примерно характер носят фуэро Эскалоны, Св. Киприана и др. В 1181 г. король Фернандо II дарит церкви Асторга бегетрию Валькавадо со всеми повинностями, которые лежат на ней. Иногда сеньор, жалую грамотой статус бегетрии своим крестьянам, сохранял за собой право быть пожизненно их патроном. Крестьяне лишь после его смерти получали возможность свободно избирать сеньоров. В некоторых случаях сеньоры, отпуская на волю своих рабов, предоставляли им статус бегетрии. Такой характер носит, например, грамота бегетрии, пожалованная в 1228 г. Альфонсом IX сервам селения Сьерра де Агиар.

Вначале бегетрии могли свободно избирать своего сеньора, где угодно: «от того места, где восходит солнце, до того, где оно заходит», или «от моря до моря» (*behetrías de mar a mar*), т. е. от Кантабрийского моря до Атлантического океана. При этом бегетрия могла свободно смещать своего сеньора и избирать нового «до семи раз в день». Такая смена сеньора происходила, как видно из хроник, в том случае, когда члены бегетрии находили, что сеньор притесняет их и нарушает обычай.

Позднее распространяются бегетрии другого типа, имеющие право избирать сеньора лишь из определенного рода (*behetrías de linaje*). Порой права члена бегетрии приобретались в индивидуальном порядке. Так, в одной из грамот картулярия монастыря св. Торибия от 1190 г. говорится о некоем Мартине Муньосе. Он купил заброшенный земельный участок, соорудил дом и вошел в состав бегетрии. Своим сеньором Муньос избрал монастырь св. Торибия, но сохранил право уйти

¹ *Hinojosa E. Documentos para la historia...*, p. 47.

к другому сеньору, не теряя свою землю, если будут нарушены условия, на которых он вступил в зависимость от упомянутого монастыря¹.

Согласно одной из грамот 1162 г. из архива монастыря Беневивере, некий Родриго де лос Фуэнтес, живший вместе со своей женой по праву бегетрии, избрал своим сеньором кабальеро Педро Нуньеса де Аркас. Тот должен его защищать, а Родриго в соответствии с фуэро берет на себя следующие обязанности: давать сеньору пару окороков, одну эмину ячменя, 6 хлебов, один кувшин сидра. Родриго обязывался за себя и свое потомство не быть ничьим вассалом, кроме Педро Нуньеса и его наследников². Нередко во владениях какого-либо сеньора жили люди, пользующиеся правом бегетрии, а также колласос. Вотчинная администрация стремилась четко разграничить крестьян этих категорий.

Бегетрии иногда передавались по наследству. Порой сеньоры приобретали отдельные наследственные наделы в бегетриях, хотя это, насколько можно судить по выступлению кортесов 1331 г., не разрешалось. Как видно из «Телячьей книги бегетрий» — описи всех бегетрий, составленной в XIV в., встречалось немало деревень, в которых лишь один или несколько дворов относились к бегетриям. В некоторых бегетриях имелись разные сеньоры, а во многих из них обитали представители знати — идальгос и соларьегос, не принадлежавшие к бегетрии. Сам состав деревень, получавших права бегетрии, мог быть пестрым: рядом с пеонами там находились и кабальерос и идальгос, которые иногда тоже несли повинности в пользу сеньора: нунсьо, маньерию, омисидио. Иногда бегетрии возникали в результате прямого принуждения со стороны сеньоров, навязывавших свой патронат свободным деревням.

Между магнатами велась война из-за бегетрий. Стараясь привлечь новых поселенцев в свои бегетрии, сеньоры предоставляли им льготы, освобождали от различных повинностей. Старое фуэро Кастилии грозило утратой права иметь бегетрии тем идальгос, которые переманивали крестьян у других сеньоров. Бегетрии в XII—XIII вв. приобретались церковными корпорациями, а также городами.

¹ См.: Cartulario de S. Toribio de Liébana. N 119.

² См.: *Hinojosa E.* Documentos para la historia..., p. 69—70.

В общем бегетрии все же сохраняли известную устойчивость. Бегетрии как таковые не дробились в отличие от других деревень. Поэтому создалось такое положение, что во многих бегетриях наряду с сеньором, пользовавшимся правами основного патрона деревни, появились так называемые девисерос или натуралес (*deviseros, naturales*), которые имели право на получение некоторых доходов от членов бегетрии.

Девисерос — это потомки прежних сеньоров бегетрий, не ставшие их прямыми наследниками, но сохранившие в качестве родственников некоторые права на доходы от бегетрии¹. Это право на получение девисы позднее иногда покупалось. Основные же платежи и поборы взимались сеньором; девисерос получали лишь особые взносы — девисас. Взимание этих поборов, очевидно, встречало сопротивление. В грамотах иногда встречается оговорка о том, что наследники сеньора не будут иметь права получать какие-либо платежи от наследников крестьянина. Все же к XIV в. из 628 зарегистрированных в «Телячьей книге бегетрий» 272 имели обязанности по отношению к девисерос. Обычно повинностями в пользу девисерос являлись янтар, мартиньег, а чаще всего денежные взносы в несколько мараведи.

Бегетрии к концу рассматриваемого периода оставались широко распространенным институтом в Леоне и Кастилии. Но к югу от Дуэро бегетрии не привились. Здесь ведущую роль играли городские консехос.

В XIV в., согласно «Телячьей книге», из 2600 населенных пунктов $\frac{1}{5}$ часть представляла собой бегетрии в чистом виде, а $\frac{1}{6}$ часть — смешанные формы (бегетрии и соларьегос)².

Жители бегетрий продолжали считаться собственниками своей земли, имели право ухода, именовались свободными людьми. Они подобно всем простым свободным имели вергельд в 300 солидов. По своему юридическому статусу члены бегетрий стояли выше, чем соларьегос.

¹ Термины «девисерос» и «натуралес» употребляются нередко как синонимы. Но иногда они не смешиваются. Возможно, имелись такие девисерос, которые не были натуралес, т. е. не являлись потомками прежних сеньоров-патронов бегетрий, а приобрели каким-либо путем право взимать девисас (см.: *Sánchez-Albornoz C. Estudios sobre las instituciones medievales españolas*, p. 127—131).

² См.: *Ferrari A. Castilla dividida en dominios segun el Libro de las Behetrías*. Madrid, 1958, p. 165.

Среди членов бегетрий имелась имущественная дифференциация. Повинности (во всяком случае инфурсьон) распределялись в соответствии с наличием тягловой силы у домохозяина. Тот, у кого имелась пара быков, платил больше, чем обладатель одного быка.

Наличие значительного слоя свободных мелких земельных собственников, какими были члены бегетрий, использовалось К. Санчес-Альборносом и рядом других историков как довод в пользу тезиса об отсутствии феодализма в Кастилии. Но, как отмечалось выше, статус свободных людей в оценке современников отнюдь не исключает объективной принадлежности к классу феодально-зависимых крестьян. *Ingenii* Реймского и *coloni* Сен-Жерменского полиптиков тоже считались свободными, но фактически находились в феодальной зависимости. Поэтому следует подробнее рассмотреть взаимоотношения членов бегетрий и их сеньоров и эволюцию бегетрий в XI—XIII вв.

В XII—XIII вв. повинности, выполняемые бегетриями в пользу сеньоров, претерпели существенные изменения. Если в предшествующий период они носили порой символический характер и были добровольными, то теперь стали регулярными и фиксированными платежами и службами. Члены бегетрий, подобно соларьегос, вносили инфурсьон, на них лежала повинность янтар. Они зачастую выплачивали *мартиньегу*¹. Инфурсьон крестьян бегетрии обычно по своим размерам был меньше, чем тот же оброк у соларьегос. Члены бегетрий, упоминаемые в картулярии св. Торибия, выплачивали, например, в качестве инфурсьон в год 3 хлеба и курицу или 6 хлебов и барана. Помимо этих, наиболее часто встречающихся поборов, жители бегетрии выполняли такие характерные для личной зависимости повинности, как *маньерию*, *нунсьо*. Еще в XIV в. *нунсьо* выплачивался в 123, а *маньерия* — в 96 из 659 числящихся в «Телячьей книге» бегетриях.

Сервы, *либертины* и соларьегос, получившие права бегетрии, нередко продолжали нести повинности (или часть их), которые они выполняли ранее. Но помимо повинностей в пользу сеньора члены бегетрий вносили

¹ Мартиньегу вносила ежегодно в день св. Мартина. Может быть, это пережиток поземельного налога, слившегося с оброком за пользование чужой землей. Сначала мартиньегу вносила в пользу короля, а потом — и сеньоров.

еще платежи девисерос и обязаны были предоставлять им постой. К тому же бегетрии выполняли повинности в пользу короля: мартиньегу, монеду, янтар и др. Они несли военную службу или же выплачивали фонсадеру. Согласно Партидам, королю причиталась половина всех платежей, взимавшихся в бегетриях. В это время новые бегетрии могли создаваться лишь с разрешения короля.

Все повинности крестьян бегетрий регламентировались. Примером может служить отрывок из «Телячьей книги»: «Педроса де Люсио. Это местечко является бегетрией и его натуралес — дон Гутьерре Фернандес Дальгадиелло и Гонсало Гонсалес де Люсио и де Рохас де Лос Гормиедо. Права короля: мартиньега ежегодно 63 мараведи. Несут службы и платят монеду¹. Не платят ни янтар, ни фонсадеру, так как никогда этого не платили. Права сеньоров. Дают сеньору местечка в качестве инфурсьон, тот у кого пара быков, — ежегодно одну фанегу хлеба, наполовину пшеницей, наполовину ячменем, а тот, у кого не более одного быка, — половину этого количества хлеба»². Мартиньега и янтар выплачивались коллективно, а инфурсьон индивидуально. Члены бегетрий обычно не несли отработочные повинности в пользу сеньоров.

В XIV в. бегетрии, которые не несли никаких служб и платежей своим сеньорам, уже были исключениями. Лишь в некоторых мериндадах сохранилось еще значительное число таких бегетрий.

В общем уже в XII—XIII вв. члены бегетрий выплачивали ренту в пользу сеньоров, оставаясь в то же время налогоплательщиками по отношению к государству³. Можно предположить, что выплата государственных налогов означала резкое усиление бремени, лежавшего на бегетриях. Желая сохранить прежние свои доходы сеньоры должны были увеличить повинности крестьян вдвое⁴.

Если учесть, что ряд бегетрий выплачивал поборы

¹ Монета — налог, взимаемый со всех подданных с начала XIII в.

² Весерро, Libro famoso de las Behetrías de Castilla. Santander, 1866, p. 58.

³ См.: Пичугина И. С. Из истории средневековых общин-бегетрий Кастилии. — «Социально-экономические проблемы истории Испании», М., 1965, с. 118.

⁴ Как отмечает «Телячья книга», повинности взимались сеньорами порой произвольно, «под принуждением, без оснований и не по праву» (Весерро, p. 159. Ср.: *ibid.*, p. 5, 207).

нескольким сеньорам, причем каждый из них стремился расширить свою долю ренты, то станет очевидным ощутимый рост бремени, лежавшего на бегетриях.

В XII—XIII вв. заметна тенденция к ограничению свободы выборов сеньора бегетриями. Нередко магнаты требовали от находящихся под их покровительством людей бегетрий, чтобы они не уходили от них к другим сеньорам. С XII в. все чаще бегетрии лишались права произвольно избирать сеньора. В XIV в. уже большая часть их — это бегетрии *de linaje*¹.

Наблюдается усиление личной зависимости крестьян бегетрий от сеньоров. Об этом свидетельствует наличие известных судебных и полицейских полномочий у сеньоров. Нередко владельцы бегетрий пользовались иммунитетными правами в своих владениях еще до того, как они становились бегетриями, и продолжали пользоваться такими правами после получения их деревнями статуса бегетрий. Иногда сеньоры получали иммунитет на все свои владения, включая и бегетрии². Во всяком случае в «Телячьей книге» упоминается выплата крестьянами в бегетриях штрафов за убийства и другие преступления.

Сеньоры в некоторых случаях представляли в суде лиц, находившихся под их патронатом. Возможно, это применялось и по отношению к крестьянам из бегетрий, особенно в тех случаях, когда сеньоры обладали иммунитетными правами.

О некотором принижении юридического статуса крестьян бегетрий свидетельствует введение уже в XIII в. ряда ограничений в их право распоряжаться своим имуществом. Они не могут давать поручительства относительно наследственного владения идальго. Их стараются

¹ См.: *Sánchez-Albornoz C. Estudios sobre las instituciones medievales españolas*, p. 132.

² Иммуниетная грамота, предоставленная в 1075 г. Сиду Кампеадору, гласит: «Я, Альфонс, король Кастилии, предоставляю этой грамотой привилегию верному моему Родриго Диасу, относительно всех наследственных владений и бегетрий (*ex omnes hereditates et benefetrias*), которые тебе принадлежат от твоих родителей, и относительно тех, которые ты намерен приобрести, чтобы ты имел их свободными от какого-либо вступления нашего мерино или сайона. Пусть не вступают упомянутые мои сайоны и меринос ни в Вивар, ни в другие владения ни ради фонсадо, ни из-за кражи, разврата, анубды, кастеллярии или какой-либо службы, относящейся к королю...» (*Menéndez Pidal R. España del Cid*, t. II, Madrid, 1969, p. 854).

зя лишнить права отчуждать полностью свое недвижимое имущество, обязывая оставлять усадьбу, дом, огород в данной сеньории¹.

О том, что эволюция в статусе крестьян бегетрии происходила именно в указанном направлении, свидетельствует юридический памятник XIV в. (*Ordenamiento de Alcalá de Henares*), запрещавший членам бегетрий продавать земли тем, кто не обязан платить такие оброки, которые лежат на жителях бегетрий. Из Старого фуэро Кастилии видно, что в деревнях иногда незаконно захватывали в залог имущество членов бегетрий за долги их сеньоров.

По существу бегетрии превращались в своеобразные сеньории, и современники, по-видимому, так и воспринимали данный институт, ставя *behetrías* в один ряд с *realengos* и *solariegos*. Королевские юристы в XIII в. сближали понятия соларьегос и бегетрии. Партиды, характеризуя различные виды вассальной зависимости, включают в одну и ту же категорию зависимость соларьегос и членов бегетрий от сеньоров².

Нередко сеньоры стремились превратить крестьян — членов бегетрий в соларьегос. В ряде документов говорится о тяжбах крестьян, претендовавших на права бегетрий, против сеньоров, считавших их своими зависимыми людьми и требовавших от них соответствующих повинностей. Так, согласно картулярию монастыря Селановы в 1050 г. велась тяжба между жителями деревни Альварелиос в Галисии, с одной стороны, доньей Мариной и ее сыновьями — с другой. Представители сеньоры в королевском суде обвиняли крестьян в том, что они, используя вторжение мавров, перестали выполнять службы и вносить оброки. Крестьяне отвечали, что они никогда никому не служили по какому-либо праву, кроме как по своему желанию, по бенефактории. Но тяжба была решена в пользу сеньоры.

В 1226 г. жители Сан Висенте де Мурос и де Сантьяго де Прокул были привлечены церковью Луго к суду. Майордом церкви обвинял их в том, что они отказываются от служб и оброков, которые лежат на них как на вилланах церкви. Представитель крестьян доказывал, что ни они, ни их предки никогда не несли тех

¹ См.: *El Fuero Viejo de Castilla*, IV, 1, 7.

² См.: *Siete Partidas*, IV, 25, 3.

служб, которых требуют от них, так как они принадлежат к бегетрии «от моря до моря» и были «свободными вассалами» тех лиц, кого избирали.

Крестьяне бегетрий, несмотря на сохранение ими в глазах современников статуса личной свободы, права отчуждения земли (хотя и с некоторыми ограничениями) и перехода, фактически оказываются в феодальной зависимости. То что данная форма зависимости была более мягкой, чем та, которая связывала соларьего с его сеньором, не меняет ее феодальной сущности.

5. КРУПНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

В XI—XIII вв. продолжался рост крупного землевладения. Этому не препятствовало сохранение на данной территории (особенно в Кастилии) значительного слоя свободного крестьянства. С одной стороны, огромные пространства, завоеванные во время Реконкисты, являлись мощным резервом, который использовался короной для расширения земельных владений светских магнатов и церковных корпораций, с другой — значительная часть свободных крестьян постепенно втягивалась в орбиту влияния крупной вотчины, способствуя тем самым ее росту.

Картулярии ряда церквей и монастырей, расположенных на старых землях королевства (в Галисии, Леоне, Сантандере), в частности Овьедо, Хувии, Саагуна, св. Торибия, Оньи, показывают, что основная масса дарений поступала от королей, светской знати и духовенства. Но и в Леоне еще в XI в. были свободные деревни и свободные мелкие собственники. Некоторые же монастыри, как, например, Карденья в Кастилии, еще в XI в. расширяли свои владения в значительной степени за счет мелких собственников.

Иногда королевские дарения церквям и монастырям представляли собой значительные замкнутые территории. Так, например, Альфонс VI пожаловал епископству Овьедо всю долину Лагнео с владениями не только мелких аллодистов, но и инфансонов, несмотря на сопротивление всего этого населения. Король специальной грамотой установил, что те, которые считали себя собственниками в этой долине, впредь могут оставаться здесь лишь в качестве держателей, выполняя определенные

повинности. Тот, кто не согласен на это, должен оставить свое владение и удалиться¹.

По-прежнему большую роль в росте крупного землевладения играли иммунитеты.

Несмотря на наличие значительных сплошных территориальных комплексов, в большинстве случаев и в этот период вотчины носили разбросанный характер. Картулярии свидетельствуют о наличии в XI—XIII вв. у монастырей владений во множестве населенных пунктов, но зачастую рядом с другими вотчинниками и мелкими аллодистами, членами бегетрий. В «Телячьей книге» можно найти такую, например, характеристику деревни: «Виллануэва де ля Пеква. Это местечко является соларьего, в котором Иоанн Родригес де Циснерос имеет трех вассалов, сыновья Гарси Гонсалеса де Буэдо — одного, сыновья Диэго Ордоньеса — одного и семь вассалов пребывают на соларах, которые принадлежат Гарси Ласо». Или: «Хокес. Это местечко является соларьего и абаденго, в котором дон Иоанн Альфонс Альбужерк имеет четырех вассалов, а орден св. Иоанна из Акры — двух вассалов².

В то же время диапазон действия крупных вотчин велик. Так, например, к XIV в. магнат Иоанн Родригес де Циснерос имел в мериндаде Салданья в Кастилии свои владения в нескольких десятках селений — соларьегос и бегетриях. Десять селений ему принадлежали целиком, а свыше сорока — частично.

Владения Саагуна охватывали территорию между Тахо и Бискайским заливом. Монастырь имел земли в нынешних провинциях Паленсии, Саморе, Вальядолиде, Бургосе, Саламанке, Сантандере. Некоторые крупные сеньории выходили за рамки Леона и Кастилии, имели владения в других государствах, в Наварре, Арагоне.

Свободные общины, возникавшие в X в. в ходе колонизации в Кастилии и пользовавшиеся согласно фуэрос при своем основании рядом привилегий, теперь нередко принадлежат светским или церковным землевладельцам. Судьба некоторых упомянутых свободных поселений такова: к XIV в. община Сан Задорнин представляла собой уже соларьего, община villa Aiuta и

¹ См.: Мильская Л. Т. К вопросу о характере землевладения в Астурии IX—XII вв. — В сб.: Средние века, вып. 30, 1967, с. 90.

² Bescerro, p. 111, 112.

Agusyn — абаденго, а общины Мельгар де Сузо и Салас де Инфантес — бегетрии.

Рост крупного землевладения в рассматриваемый период характерен также и для областей, отвоеванных у мусульман. На территории арабского Толедского государства ко времени захвата его кастильцами находился значительный слой мелких аллодистов — мосарабов. Данные о хозяйственных сделках в XII—XIII вв., о покупке земли светскими магнатами и церквами, с одной стороны, о продаже мосарабами своих земельных наделов — с другой, позволяют заключить, что к концу XIII в. крупное землевладение поглотило большую часть земельной собственности мосарабов-крестьян¹. К этому следует добавить щедрые земельные пожалования королей церковным корпорациям и светским магнатам. Так, например, при разделе земель в Севилье после отвоевания ее у мусульман 200 идадьгос получили значительные земельные комплексы. В их состав входило по 20 аранзад² оливковых насаждений, 6 — виноградников, 2 — огорода, 6 югад³ пашни⁴. В Андалузии, как уже отмечалось выше, королевские пожалования создали крупные вотчины военных орденов.

Структура и организация крупных имений не претерпели коренных изменений по сравнению с предшествующим периодом. Большая часть имений эксплуатировалась путем наделения землей мелких держателей — сервов, зависимых крестьян (колласос, соларьегос), прекаристов. Обычным наименованием крестьянского держания с XI в. становится solar. Термин casata сохраняется преимущественно для обозначения земельного участка серва. Наделы свободных крестьян-solares, возможно, были менее обременены повинностями, чем casata, но нередко различия между ними стирались. В прекарии отдавались не только пахотные участки и виноградники, но и леса, луга, мельницы. Держания эти были и в данный период пожизненными, иногда и наследственными.

Домен, очевидно, оставался незначительным. Основ-

¹ См.: *Pastor de Togneri R.* Les mozarabes de Toléde. — «Annales», 1970, mars-avril, N 2.

² Аранзада равна 0,447 гектара.

³ Югада в Севилье равна примерно 27 гектарам.

⁴ См.: *González J.* Repartimiento de Sevilla, I. Madrid, 1951, p. 293.

ные работы в нем выполнялись зависимыми крестьянами и наемными работниками. Барщинные повинности относительно невелики: для сервов (особенно в Астурии и Галисии) они доходили до двух дней в неделю; для основной же массы зависимых крестьян — не более 15—24 дней в год. Фуэрос нередко снижали отработки до нескольких дней в течение года.

Барщина заключалась в основном в полевых работах. Те, у кого имелась тягловая сила, являлись на барщину со своим скотом для выполнения работы на полях и для перевозки господского зерна, винограда, дров. Транспортная повинность выполнялась несколько раз в год, и ее продолжительность была определена условием: крестьянин должен иметь возможность в тот же день вернуться домой. Иногда в фуэрос указывалось, в каких именно хозяйственных комплексах имения (*gran-gias*) держатели должны выполнять работу.

Барщина в два дня в неделю считалась тягостной повинностью. В памятниках немало данных об усилиях вотчинников принудить зависимых земледельцев к ее выполнению. Так, например, граф Пиньола и его жена Альдонса дарят в 1044 г. монастырю Сан Хуан де Кориас виллы вместе с сервами, обязывают последних работать на барщине два дня в неделю и угрожают тем, кто откажется выполнять эту повинность, 100 ударами бича и возвращением в рабство фиску¹. В 1190 г. Альфонс VIII предписывает, чтобы все крестьяне монастыря Карденья дважды в месяц являлись с быками для работ на полях монастыря; кроме того, они обязаны возить монастырю виноград и дрова.

Фуэрос во многих случаях предписывали обеспечивать крестьян питанием в те дни, когда они находились на барщине. Обычным требованием к крестьянам было хорошее качество работ на барщине. Основной же повинностью мелких держателей являлся оброк, который они выплачивали, как правило, в натуральной форме. Размеры его, устанавливаемые обычаем имения или специальными фуэрос, были различными. Иногда требовалась выплата определенной части (одной четверти, одной трети или половины) урожая.

В монастыре св. Торибия, например, оброк — инфурсьон составлял четвертую часть урожая хлеба и од-

¹ *Hinojosa E. Documentos...*, p. 103; 19—21.

ну треть вина; иногда же он равнялся лишь одной десятой части урожая зерновых.

Порой оброк устанавливался в соответствии с размерами обрабатываемой пахотной земли. Согласно фуэро де Эспина, например, в 1231 г. те, у кого была югада земли, вносили один мойо зерна, у кого половина югады — половину мойо¹. Зачастую размеры оброка дифференцировались в зависимости от наличия у крестьянина тяглового скота (упряжка, один бык или вовсе нет скота).

В ряде случаев, а в XII—XIII вв. все чаще, оброки назначались в денежной форме. Это было не только формой измерения оброка: во многих случаях денежные взносы сочетались с натуральными. В XIII в. денежный оброк в 1—2 солида (или $\frac{1}{2}$ — 1 мараведи) с двора становился широко распространенной формой ренты². Ремесленные изделия лишь в виде исключения встречались в составе натурального оброка (несколько штук полотна), главным образом в церковных сеньориях севера Испании. В случае стихийного бедствия (если при этом погибло не менее половины урожая) оброк мог быть понижен.

Качество работы держателей контролировалось не только тогда, когда они обслуживали домен, но и когда трудились на своих участках. В случае плохого качества работы держатели штрафовались, принуждались к возмещению ущерба, который понес вотчинник. Если держатель не обрабатывал свой надел в течение года, земля у него отбиралась. Так же поступали с держателем виноградника, если у него погибали две трети посаженных на участке виноградных лоз.

Отношение статуса держания и обрабатывавшего его крестьянина было в Леоне и Кастилии не таким, как к северу от Пиренеев. В Каролингском государстве, как известно, статусы манса и мансуария зачастую не совпадали; повинности, лежавшие на мансе, определялись его собственным характером. В Леоне и Кастилии положение держателя определяло статус солара. Здесь нередко запрещалось продавать землю, за которой были

¹ Югада — мера земельной площади различного размера, зачастую около 30 гектар. Мойо составляет 258 литров.

² Эта сумма, судя по некоторым фуэрос, иногда составляла одну десятую часть стоимости движимого и недвижимого имущества крестьянина.

закреплены определенные повинности, лицам некрестьянского звания (точнее, не колласос или соларьегос)¹.

Вотчинники иногда пользовались баналитетными правами. Так, например, Саагун имел баналитеты на мельницы, хлебные печи и виноградные прессы. В некоторых случаях крупные вотчины стремились захватить каналы и небольшие реки, которые играли важную роль как источники энергии для мельниц, служили для орошения. Обладание ими оказывалось действенным средством давления на крестьян соседних свободных общин. В XI—XIII вв. соляные источники, первоначально находившиеся в руках крестьян, переходили к вотчинникам. Церковные сеньории Астурии, Галисии, Старой Кастилии в XII—XIII вв. нередко имели уже в своем составе соляные источники, которые эксплуатировались преимущественно с помощью наемных работников.

Товарно-денежные отношения медленнее, чем в Западной Европе, проникали в леоно-кастильскую деревню. Вплоть до конца XII в. в ренте явно преобладали платежи натурой. Были распространены еще взносы натурой без оценки в деньгах. Связи вотчины с рынком были незначительными, во всяком случае в источниках мало упоминаний о таком обмене. Рыночные же связи зависимых крестьян, покупка ими товаров и продажа своих продуктов в некоторых случаях регулировались вотчинной администрацией. Так, например, фуэро, предоставленное Альфонсом VI Саагуну в 1085 г., запрещало крестьянам продавать вино до того, как монахи продали свое; никому не разрешалось также покупать ткани, рыбу, дрова для печей, пока не сделали соответствующие закупки монахи. Подобные постановления свидетельствуют, с одной стороны, о начинающемся втягивании крестьян в рыночные связи, с другой — об узости рынка и относительно низком уровне развития товарно-денежных отношений в XI—XII вв.

С начала XIII в. заметно возрастает роль денежных платежей крестьян, но оброки натурой продолжали занимать большое место в феодальной ренте. Нет данных, которые позволили бы сделать вывод, что уже к концу XIII в. денежные платежи стали основной формой ренты.

¹ См.: *Guglielmi N.* La dependencia del campesino no-proietario. — «*Anales de historia antigua y medieval*», v. 13, 1967, p. 172—173.

О вотчинном ремесле имеется немного сведений. В некоторых имениях работали ремесленники, не имевшие земельных наделов, — горшечники, токари, скорняки, кузнецы. Но упоминаются такие ремесленники нечасто.

В конце рассматриваемого периода в связи с развитием овцеводства в характере хозяйственной деятельности крупной вотчины, в первую очередь церковной, заметны изменения. Земледелие в господской части имения занимает теперь меньшее место, чем прежде. Крупные вотчинники основное внимание уделяют перегонному скотоводству. Земледелие же предоставляется мелким крестьянским держателям.

В скотоводстве получили распространение договорные отношения различных типов. Крестьяне, нанимаясь в качестве пастухов, заключали с вотчинниками краткосрочные контракты (на год), получая вознаграждение натурой.

Как уже отмечалось выше, наемные работники использовались и в земледелии. Найм осуществлялся обычно в соответствии с договором. Удельный вес таких работников в вотчинах особенно вырос в XIII в.

В некоторых случаях в крупных вотчинах использовались и сезонные работники, которых набирали на короткие сроки. Главной же рабочей силой в вотчинах оставались соларьегос и другие категории свободных держателей, что дало основание именовать светские вотчины «соларьегос». Согласно «Телячьей книге», соларьегос составляли в XIV в. одну треть всех населенных пунктов в Кастилии¹.

В общем в XI—XIII вв. крупное землевладение занимало господствующие позиции в экономике Леоно-Кастильского королевства. Реконкиста способствовала сохранению значительного слоя мелких земельных собственников в Кастилии, но она же создала и такие благоприятные условия для концентрации земли в руках короны, знати и церкви, которые редко где еще встречались в Европе в средние века.

¹ См.: *Ferrari A. Castilla dividida en dominios segun el Libro de las Behetrias*. Madrid, p. 165.

Знать в XI—XIII вв.

1. РИКОС ОМБРЕС И ИНФАНСОНЫ

Класс феодальных землевладельцев, находившийся в VIII—X вв. еще в стадии становления, теперь окончательно оформляется и приобретает черты привилегированного сословия. Представители знати (*pobleza*) занимали ведущее экономическое положение в стране. Им принадлежали крупные земельные владения (на правах собственности или ленного пожалования), большие стада скота; они имели деревни свободных и зависимых крестьян, виллы, церкви.

В руках высшего слоя знати — ключевые посты дворцового управления, местной администрации, командные должности в войске. Низший слой знати участвовал в муниципальном управлении. К светским магнатам тесно примыкало духовенство. Основные привилегии знатных распространялись и на клириков.

Знать не представляла собой однородного социального класса. Для обозначения высшего разряда знатных с XII в. употребляется термин *рикос омбрес* (*ricos hombres*) вместо прежнего *magnates*. Низший разряд знати — это *инфансоны*, *идальгос*, а также *кабальерос*.

Все знатные пользовались рядом привилегий: освобождением от налогов, повышенным вергельдом (500 солидов вместо 300 для прочих свободных); они были подсудны лишь королю и королевской курии; их свидетельство на суде значило больше, чем показание простого человека; знатных не подвергали пыткам на суде и телесным наказаниям.

В XIII в. складывается представление о знати как о сословии, занимающем особое место в государстве. В Партидах содержится обоснование ее привилегированного положения: это сословие, которое, кроме почета, должно иметь и могущество, чтобы успешно выполнять функции по защите королевства. Светская знать рассматривалась как первое сословие страны.

Высшая знать — рикос омбрес состояла из крупных землевладельцев. Партиды определяли положение рикос омбрес следующим образом: «...рикос омбрес, согласно обычаю, именуются те, которые в других странах называются графами и баронами»¹. Термин «ricos hombres» впервые встречается в «Песне о Сиде». В официальном праве статус рикос омбрес и инфансонов (или идальгос) разграничен слабо. Практически рикос омбрес выступали как подлинно правящий и привилегированный социальный слой. Рикос омбрес занимали высшие должности при дворе, входили в королевскую курию, получали в управление отдельные территории. В своих владениях они нередко пользовались иммунитетам. Многие из них были королевскими вассалами. В ряде случаев они самостоятельно осуществляли завоевания (идальгос — лишь в виде исключения), имели обычно вассалов. Особенно большим могуществом рикос омбрес пользовались в Галисии, несколько менее значительна была их роль в Леоне. В Кастилии же были очень сильны позиции знати второй категории — инфансонов, кабальерос.

Со второй половины XII в. король предоставлял магнатам право создавать майораты в их наследственных владениях, так что имущество таких магнатов становилось неотчуждаемым и переходило к старшему сыну, а в случае его отсутствия — старшей дочери или ближайшему родственнику. Изменение порядка наследования не допускалось. При Альфонсе X положение о майоратах вошло в Партиды.

К высшей знати относились те упомянутые ранее землевладельцы, которые располагали многими виллями и дарениями (особенно в Галисии, Леоне и Старой Кастилии), получали от королей замки с обязательством защищать их, имели под своим патронатом монастыри и церкви. Магнаты нередко вели частные войны, вмешивались во внутренние усобицы. Они могли денатурализоваться — отказаться от вассальной зависимости от своего короля и стать вассалами другого суверена. Земли таких рикос омбрес или идальгос при этом оставались за ними. Лишь в случае, если они начинали военные действия против короля или его вассалов, король мог разгромить их вилли.

¹ *Siete Partidas*, II, 21, proemium; IV, 25, 10.

В королевствах Леона и Кастилии имелся ряд могущественных «родов» знати, представители которых обладали обширными сеньориями в различных частях королевства, занимали высшие посты в государственном аппарате и нередко пытались добиться независимости от монарха. Наиболее выдающееся положение занимали представители домов Лара, Кастро, Аро, Аза, Манзанедо, Траба и др. К сеньории графов Лара относились «кондадо и тьерра де Алава», территория де Молина (на северо-востоке нынешней провинции Гвадалахары). Роду Кастро принадлежал Кастрохерис; Кастро были связаны с сеньорами Вальядолида, имели земли в Бургосе и других областях Кастилии. Род Аро владел сеньорией Бискайи.

В первой половине XII в. в качестве могущественного сеньора выступает архиепископ Компостелы Гельмирес, пользовавшийся широкой автономией во владениях архиепископства, он даже имел свой флот.

Во время малолетства Альфонса VIII опекуном короля был дон Гутьерре Фернандес де Кастро, который, по сообщению хрониста, сам посвятил в рыцари 500 человек. Против него выступили, стараясь захватить власть в свои руки, три брата из рода Лара. В междоусобную борьбу вмешались короли Леона и Наварры. Дон Нуньо Гонсалес де Лара в 1273 г. содержал тысячу кабальерос. После того как Альфонс VIII возмужал, ему пришлось затратить много усилий на отвоевание крепостей, захваченных родами Лара и Кастро.

Знатные дома в Леона-Кастильском королевстве в XI—XIII вв., как и в ряде других европейских феодальных государств, представляли собой своеобразные группы в среде знати, связанные общей генеалогией, родственными узами, имущественными и политическими интересами, традициями. Так, исследуя структуру знати на Руси в XII—XV вв., С. Б. Веселовский заключил, что «...не лица и не семьи, а роды составляли основные ячейки, из которых складывался класс»¹. По мнению Ж. Дюби, специфической чертой феодального общества является укрепление генеалогических структур среди знати. «Генеалогическая память» развивалась параллельно с упрочением ленной системы. Рыцарские роды спланива-

¹ *Веселовский С. Б. Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М., 1968, с. 7.*

лись для защиты своего экономического положения¹.

Сходный характер носили знатные дома в Леоне и Кастилии в XI—XII вв. Им также присущи «генеалогическая память» — сознание принадлежности к общему роду, наличие владений, имя которых носят все члены данной родовой группы, как главных, так и боковых ветвей². К дому Лара, например, относились в начале XIII в. семьи, главы которых являлись троюродными и четвероюродными братьями — потомками Гонсало Нуньеса де Лара, жившего в XI в. С. де Мохо насчитал около 30 таких знатных домов в Леоне и Кастилии в XII—XIII вв. (и, кроме того, 5 «домов» инфантов королевской крови). Представители этих «домов» наряду с орденами и церковными корпорациями были главными получателями королевских земельных пожалований. Они занимали высшие государственные должности. Внутри «домов» знати существовали тесные имущественные связи в соответствии с нормами фуэрос, признававшими право наследования недвижимого имущества родственниками по нисходящей и восходящей линии, а также боковыми родственниками.

В политической борьбе и в военной жизни «дома» знати выступали как сплоченные группировки. В латинской хронике королей Кастилии, описывающей битву при Лас Навас де Толоса, о главе «дома» Аро — доне Дизго Лопес де Аро говорится, что он сражался вместе с сыном, зятем, родичами (*consanguineos*), друзьями и вассалами. Когда король Альфонс XI предоставил в 1331 г. амнистию дону Хуану Мануэлю, он распространил ее на родичей и вассалов этого магната³. Примером того, что знатный «дом» выступал как единый социальный организм, может служить институт бегетрий *de linaje* — избрание крестьянами сеньоров лишь из данного рода.

Инфансоны или идальгос представляли собой основной по численности слой знати. Встречающиеся в па-

¹ См.: Дюби Ж. Структура семьи в средневековой Европе. М., 1970; *Duby G. Hommes et structures du moyen âge*. Paris, 1973, p. 282—284.

² См.: *de Mocho S. De la nobleza vieja a la nobleza nueva*. Cuadernos de Historia, 3. Madrid, 1969, p. 29—30, 35.

³ *Grassotti H. Las instituciones feudo-vassaláticas en León y Castilla*. Spoleto, 1961, p. 352—353.

мятников X в. наименования *infanzones* или *infantiones* происходят, по-видимому, от латинского выражения *filii bene natorum*, т. е. «дети из хороших семей». В одном документе 1093 г. говорится о «воинах, рожденных от людей не низкого, но благородного звания, которых на простом языке именуют инфансонами»¹.

В XII в. начинает распространяться другое наименование этого слоя знати — *Fijoasdalgos*, которое позднее трансформируется в *hijosdalgos* и *hidalgos* — идальгос. Р. Менендес Пидаль полагал, что *fijodalgos* происходит от латинского *filius di aliquod*, т. е. «сын того, кто представляет собой нечто», иначе — «человек особого достоинства»². К XIII в. инфансоны и идальго представляли собой единый слой знати, которая была наследственной. Партиды отмечали, что «фидальгия... это знатность, получаемая людьми по происхождению...». Знатность могла быть дарована королем. Король жаловал, например, идальгию воину, который убил или пленил предводителя неприятельского войска³.

По отношению к инфансонам и идальгос применялось также наименование кабальерос (*caballeros, caballarii*). Эти люди первоначально не обязательно знатные, но они воины, сражавшиеся на коне. Уже в X в. они, однако, идентифицируются со знатными, которые тоже служат в коннице. Все знатные теперь именуются кабальерос. Но стремление отделить среди них знатных от незнатных ведет к тому, что отличают «кабальерос-инфансонов», или «кабальерос-фиходальгос», от «кабальерос-вилланос», т. е. незнатных кабальерос.

С XII в. слой кабальерос выступает как сообщество — *Orden de Caballeria* с определенным ритуалом, традициями и обычаями. В это время входит в употребление церемония посвящения в рыцари, состоявшая во вручении шпаги, благословляемой священником, и в легком ударе по шее. Посвященные дают обет защищать христианскую веру, королевство, покровительствовать слабым, вдовам, сиротам.

Подготовительной ступенью к званию «кабальеро»

¹ *Hinojosa E.* Op. cit., p. 41.

² По мнению А. Кастро, *algo* — составная часть данного термина — происходит не от латинского *aliquod* (нечто), а от арабского *algo*, что означает «богатство», «добро». К. Карле тоже считает, что *algo* — это «имущество» или «иметь».

³ *Siete Partidas* II, 21, 3; II, 27, 6.

было звание эскудеро (оруженосец или щитоносец). Термин этот появился в астури-леонских документах уже в X в. Согласно Старому фуэро Кастилии — это сыновья кабальерос, которые носят щиты и другое оружие и учатся пользоваться им.

На инфансонов распространялись те привилегии, которыми пользовалась вся знать в целом. Сам термин идальгос применялся в рассматриваемую эпоху нередко в широком смысле для обозначения всей знати¹.

Но в социальном отношении идальгос представляли собой довольно пестрый слой. С одной стороны, среди них были вотчинники, жившие в собственных имениях, на землях, полученных в качестве престома от короля, церковных корпораций и магнатов. Определенная часть этих инфансонов находилась в прямой вассальной зависимости от короля. С другой — мы видим инфансонов, живущих в небольших городах, вильях рядом с вилланами. В фуэрос городов инфансоны и *milites* упоминаются как слой местного населения.

В некоторых случаях они пользовались привилегиями своего звания, в частности правом на повышенный вергельд (500 солидов), большей долей общих угодий городской общины. Но некоторые города запрещали им селиться на своей территории. Во многих же случаях инфансоны, хотя и могли оседать в консехос, обязаны были жить по общему городскому праву и не пользовались привилегиями.

Положение инфансонов и их обязанности по отношению к государству обычно определялись местным правом и были неодинаковы. В одних случаях они должны были раз в год идти в фонсадо, в других — оставались свободными от этой повинности. Иногда инфансоны городов, подобно вилланам, должны были вносить инфурсьон. Так, согласно поселенной грамоте, предоставленной Альфонсом VII в 1148 г. Лерме, инфурсьон, возлагавшаяся на инфансонов, состояла из 5 хлебов, 2 кварталер вина, 2 динариев и 2 эмин ячменя. Идальгос в общем не являлись тяглым сословием, не платили по-

¹ В общественной жизни идальгос были отделены значительной дистанцией от рикос омбрес. Достаточно ярким свидетельством может служить распря между Сидом и инфантами Карриона, которые считают унижением для себя жениться на дочерях простого идальго (см.: «Песнь о Сиде». Пер. Б. И. Ярхо и Ю. Б. Корнеева. М. — Л., 1959, с. 116—117, ср. с. 73).

дате́й. Но от налога, введенного в XIII в. — *moneda forera*, были свободны не все представители этого слоя. В Леоне идалъгос не платили его, в Кастилии первоначально он касался и идалъгос и клириков. Освобождение от этого налога предоставлялось в виде локальных привилегий. В 1259 г. такую льготу получили идалъгос и кабальерос Толедо, в 1273 г. — Севильи, в 1280 г. — Кордовы. Лишь в начале XIV в. Альфонс XI унифицировал обязанности инфансонов, регламентировав их службу в соответствии с имущественным цензом.

Среди инфансонов различались богатые и бедные. В одном документе 1030 г., касающемся инфансонов Спелии, говорится, что, отказавшись от выполнения анубды, они утрачивают свои бенефиции и сохраняют лишь свои наследственные мелкие земельные участки (*hereditatelas*). В картулярии монастыря Карденья (1073 г.) речь идет о тяжбе, которую вели тринадцать инфансонов из четырех вилл в долине Орбаньелла против крестьян монастырской деревни, пасших скот на лугах, которые инфансоны считали своими. Последние захватили в качестве залога 104 крестьянских быка. Однако тяжбу в королевском суде инфансоны проиграли, и им вначале грозил огромный штраф. Но в итоге было заключено соглашение о совместном использовании пастбищ инфансонами и крестьянами¹. Известно, что некоторые мелкие идалъгос еще в XIV в. выплачивали нунсьо.

В одном из документов 1100 г., в котором идет речь о распределении повинностей в пользу комендерос (см. ниже) среди идалъгос, различаются те из них, которые имеют упряжку быков, и те, у кого лишь один бык. Перед нами фактически мелкие земельные собственники. Иногда таким инфансонам было не под силу нести сословные обязанности, и тогда они могли отказаться от знатности и перейти в сословие вилланов. Старое фуэро Кастилии содержит описание процедуры отказа от знатности. Тот, кто желал это сделать, должен был явиться в консехо и заявить: «Знайте, что я желаю быть вашим соседом, участвовать в инфурсьон и во всех повинностях ваших». Потом он проходил трижды под длинной палкой, которую держали два человека, говоря: «Оставляю знатность и становлюсь вилланом». После этого он и его дети юказывались вилланами².

¹ См.: Becerro Gotico de Cardeña, XIV, p. 18—20.

² Fuero Viejo, I, VI, XVI.

Идальго мог лишиться своего звания, если был уличен в некоторых преступлениях (воровстве, бегстве с поля боя, отказе от оказания помощи сеньору). Такие же последствия для идальго имело публичное занятие торговлей или физическим трудом ради денег.

Тот, кто утратил звание идальго добровольно или в результате брака с крестьянином, мог вернуть себе прежнее звание. Чтобы стать снова кабальеро, человек, ранее отказавшийся от своего сословия, должен был заявить перед консехо в церкви: «Оставляю вилланию и принимаю знатность»¹. Вдова кабальеро, вышедшая замуж за виллана, после смерти второго мужа могла снова стать знатной. Для этого ей нужно было обойти три раза могилу второго мужа, имея при себе седло и приговаривая: «Виллан, возьми свое вилланство, дай мне мою фидальгию», после чего она получала все права знатной женщины»².

Отмеченные случаи отказа от знатности из-за бедности или браков женщин из знатного сословия с крестьянами касались низшего слоя инфансонов, не отличавшихся существенно по своему хозяйственному положению от мелких земельных собственников крестьянского типа. Иногда они приближались по своему статусу к мелким прекаристам, что видно, например, из решения тяжбы по поводу долины Лагнео Альфонсом VI. Это решение предусматривало, что инфансоны данной местности либо будут нести повинности в пользу короля как держатели наделов, либо покинут долину³.

Следует отметить, что формирование сословия кабальерос (и знати в целом) не было еще в рассматриваемый период завершено. Об этом свидетельствует относительная легкость перехода из одного сословия в другое, превращение кабальеро в виллана и, наоборот, возвышение крестьянина до звания идальго. Особенно же наглядным показателем «открытого» характера знатного сословия служит наличие слоя кабальерос-вилланос.

¹ Fuero Viejo, I, VI, XVI.

² *Ibid.*, I, V, XVII.

³ *Hinojosa E. Documentos para la historia...*, p. 29—31. В «Песни о Сиде» инфансон в глазах смотрящих на него свысока инфантов — человек, поглощенный крестьянскими занятиями. См.: «Песнь о Сиде», с. 119.

Наряду со светской знатью привилегированным сословием было духовенство. В первые века после мусульманского завоевания имелось немало священников и диаконов несвободных (вопреки церковным постановлениям). Но позднее принадлежность духовенства в целом к привилегированному сословию вырисовывается достаточно отчетливо. Высший клир — архиепископы, епископы, аббаты крупных монастырей — приравнивался по рангу и знатности к *рикос омбрес*. Они входили в состав королевской курии, были сеньорами крупных территориальных округов. Привилегии распространялись и на низший клир.

С XI в. все клирики обычно пользовались правами *кабальерос*. В ряде *фуэрос* содержатся положения, приравнивающие их в отношении размеров *вергельда* и освобождения от налогов и поборов к *идальгос*. Так, *фуэро Нахеры* освобождало клириков от обязанности выступать в поход, платить военный налог и предоставлять постой в своем доме. Альфонс VIII освободил епископов и священников Кастилии от уплаты податей и поборов. Альфонс IX на кортесах в Леоне в 1208 г. также освободил духовенство королевства Леон от податей и пошлин.

К военной службе клириков привлекали лишь в том случае, когда начиналась война против мусульман. Их нельзя было призывать в войско, если шла война против христиан. Все клирики были подчинены церковной юрисдикции, они судились в церковных судах по гражданским и уголовным делам (если истцом или ответчиком был клирик или член его семьи). Вплоть до XIII в., согласно Партидам, существовало церковное право убежища.

Как видно из вышеизложенного о социальном положении и юридическом статусе знати, ни Леон, ни Кастилия, вопреки мнению некоторых исследователей, не представляли собой некий демократический анклав в аристократической средневековой Европе. «Открытый» характер знати здесь выступает более явно, чем в соседних феодальных государствах, но по своему хозяйственному положению, юридическому статусу и роли в социальной жизни она мало отличается от феодальной знати других стран Западной Европы.

Для многих зарубежных исследователей проблема ленных отношений и иммунитета является определяющей при рассмотрении специфики исторического развития Испании в средние века. Для историков-марксистов иерархическая структура земельной собственности — один из признаков сложившегося феодализма. К. Маркс отмечал, что «иерархия есть идеальная форма феодализма»¹. Но эта структура может быть выражена в различных формах и развита в неодинаковой степени.

Феод в том виде, в котором он сложился во Франции в X—XI вв., не является неотъемлемым признаком всякого феодального общества. Но вопрос о характере внутриклассовых феодальных связей в Леоне и Кастилии важен для суждения об уровне развития и своеобразии феодальных отношений в этой части Испании.

В XI—XIII вв. пожалования престимониев продолжали широко применяться. В XII в. в ряде источников сопоставляются престимоний и феод. Так, в постановлении церковного собора в Бургосе (1117) говорится о предоставлении некоего церковного имущества «в феод, который именуется в Испании престимонием». В «Истории Компостелы», написанной в XII в., говорится о том, что епископ Компостелы Гельмирес предоставил некое владение архиепископу Браги «в престимоний, или в феод». Наконец, архиепископ Толедо Родриго Хименес де Рада (умер в 1247 г.) писал, что короли Кастилии и Леона жалуют земли во «временные феоды» (*feuda temporaria*). В Кастилии в аналогичном значении употреблялся также термин «держание» (*tenencia*).

Слово «престимоний» обозначало различного рода отношения. В ряде случаев это пожалование прекарного характера, иногда связанное с выплатой ренты, но не крестьянского типа. Так, например, в 1204 г. Педро, аббат монастыря Оньи, предоставил некоему Диэго Родригесу в пожизненное владение имение — двор, земли, дома — при условии ежегодной выплаты десятины. Тот в свою очередь подарил монастырю наследственные владения в Кальсада, в том числе три солара². О таком же престимонии, представляющем собой *precaria oblata*

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 3, с. 164.

² См.: *Valdeavellano L. G. de Beneficio y Prestimonio*. CHE, IX, 1948, p. 159.

с пожизненным владением (некрестьянского типа), упоминают и другие документы.

Но иногда подобное владение не связано с выплатой ренты. Так, например, в 1063 г. Диэго Фернандес и его жена дарят Саагуну свои земельные владения, но сохраняют за собой право пользования ими под покровительством монастыря. Если Диэго оставит после себя сыновей, они будут владеть этой землей как престимонием.

В престимоний отдавались не только виллы и отдельные земельные участки, но и замки, право на взимание оброков в определенных владениях, зависимые крестьяне. В некоторых фуэрос XII в. содержалось специальное положение, запрещавшее отдавать людей данного селения или города в престимоний. Объектом такого пожалования нередко были лошади и другое имущество.

Особой формой пожалования служили *honores*. Со второй половины XI в. *рикос омбрес* и *идальгос* получали в качестве престимониев или *honores* округа или населенные пункты и крепости с правом выполнения там всех функций публичной власти.

Сохранялись также престимонии бенефициального типа, связанные с несением военной службы. Но о них осталось мало упоминаний в источниках. В монастырской хронике «История Компостелы» говорится, что в 1106 г. граф Траба и некоторые другие знатные галисийцы дали архиепископу Гельмиресу клятву в верности за престимонии и денежные выплаты (*soldadas*). Далее говорится о предоставлении в 1121 г. Гельмиресом престимониев Одоарию, Ордоньесу и Ариас Пересу, которые принесли ему клятву верности и обязались помогать своему сеньору против королевы Урраки¹. Иногда военная служба, бывшая первоначально основным условием владения престимонием, заменялась другими повинностями.

Условия владения престимонием были самые различные. К. Санчес-Альборнос подчеркивает непрочность владения этим пожалованием. Оно могло быть произвольно аннулировано собственником данного имущества. В источниках упоминаются подобные примеры. Но престимоний в ряде случаев предоставлялся на время или в

¹ См.: *Historia Compostellana, España Sagrada*, t. XX, p. 97, 329.

пожизненное владение. По Л. Вальдеавелльяно, именно это обстоятельство заставило Родриго Хименеса де Рада определять леоно-кастильские престимонии как «временные феоды»¹.

Многие испанские историки считают, что бенефиций в Леоне и Кастилии не превратился в феодал, в наследственное владение. Стремлению знати сделать престимонии наследственными владениями противодействовала королевская власть. В условиях Реконкисты при наличии значительного слоя свободных крестьян и сильных городов короли могли не допустить превращения престимониев в наследственные владения. Однако известно, что на практике престимонии нередко оказывались наследственными. Престимоний обычно возобновлялся для сыновей прежнего владельца, что иногда оговаривалось в грамоте, устанавливавшей подобного рода владение².

Особенно заметной становится тенденция к наследственности престимония в XII—XIII вв. Фуэрос Толедо, Эскалоны, Гвадалахары отмечают, что дети тех, кто получили в престимоний коней и оружие, наследуют это имущество³. Альфонс X в своем завещании подчеркивал, что он — первый король, закрепивший за детьми васалов держания, которыми пользовались их родители. Иногда с престимонием обращаются как с наследственным достоянием: лица, получившие имущество в престимоний, отчуждают его. Так, в одном документе 1201 г. говорится о вкладе, который Родриго Гонсалес и его сыновья делают монастырю Сан-Сальвадор де Ногар. Они дарят имущество, полученное ими в престимоний от некоего Фернандо Переса.

В XIII в. встречаются и подлинные феодалы. Такого рода пожалования делал архиепископ Толедо Родриго Хименес де Рада. В 1217 г. он представил Гарсиа де Азагро во владение три замка при условии, что тот будет оказывать архиепископу военную помощь и выплачивать одну марку серебра ежегодно. Гарсиа де Азагро должен совершить оммаж и затем станет вассалом То-

¹ См.: *Valdeavellano L. G. de. El prestimonio.* — «Anuario de historia del derecho español», t. XXV, 1955, p. 80.

² См.: *ibid.*, p. 40.

³ См.: *Grassotti H. Las instituciones feudo-vassaláticas en León y Castilla.* Spoleto, 1969, p. 608.

ледской церкви. Он сможет передавать эти замки по наследству, но не будет иметь права отчуждать их¹.

В 1221 г. сеньор Молины Гонсало Перес передал собственность на виллу Молина вместе с деревнями, замками и всеми землями церкви Толедо. После этого Гонсало Перес совершил оммаж архиепископу, стал его вассалом и обязался помогать ему во время войны и мира. Тот, в свою очередь, передал эти владения Гонсало Пересу в феоде (*in pñeudum teneatis*). Последний получил право передавать феоде по наследству, но отчуждать его не мог².

Партиды регламентировали взаимоотношения между сеньорами и владельцами феофов³. Некоторые исследователи высказывали сомнения в том, что содержащиеся в них положения соответствовали кастильским условиям, поскольку явственно обнаруживали влияние ломбардских *Libri feudorum*. Но выше упомянутые документы о феодах в Толедском архиепископстве, а также данные о тенденции к превращению пожизненных бенефициев в наследственные показывают, что положения Партид не были оторваны от социальной действительности Кастилии.

Короли также жаловали своим вассалам земли в собственность. В 1178 г. король Альфонс VIII подарил, например, Мартину Гонсалесу и его потомству землю. Дарение это обосновывалось, как показывает грамота, соображением: следует вознаграждать милитов дворца, хорошо служащих своему господину. Подобного рода пожалований в собственность было довольно много в XII—XIII вв. По мнению Х. Грассотти, в Леоне и Кастилии земли королевским вассалам предоставлялись в собственность чаще, чем в тех странах, где феодальный режим достиг своего полного развития⁴. Вместе с К. Санчес-Альборносом она объясняет это явление тем, что в руках королей Леона и Кастилии в ходе Реконкисты сосредоточились огромные пространства запустевшей

¹ См.: *Pax R.* Un nuevo feudo castellano. — «Anuario de historia del derecho español», t. V, 1928, p. 445—448.

² См.: *Sánchez-Albornoz C.* El «Juicio del libro» en León durante el siglo X y un feudo castellano del XIII. — «Anuario de historia del derecho español», I, 1924, p. 388—390.

³ Отмечалось, в частности, что феоде передавался детям и внукам по мужской линии. См.: *Siete Partidas*, III, 18, 68; IV, 26, 6—11.

⁴ См.: *Grassotti H.* Pro bono et fideli servitio. — «Cuadernos de historia de España», XXXIII—XXXIV, 1961, p. 45.

земли. Приобретение же земли в собственность привлекало вассалов более, чем получение бенефиция. Данные соображения, очевидно, в какой-то степени оправданы. Однако всегда ли формула «дарение в собственность» соответствовала содержанию соответствующего акта?

Известно, что королевские пожалования в собственность на практике принимали нередко условный характер. Об этом свидетельствует крайняя подвижность земельной собственности в рассматриваемый период — то, что сама Х. Грассотти именует «кадрилью владений». Так, например, в 1085 г. Альфонс VI пожаловал Бургосу ряд различных владений. Среди этих дарений фигурируют, в частности, те престамос, которые ранее находились в руках некоего дона Хуана¹.

В 1147 г. Альфонс VII пожаловал своему майордому Гонсальво Бермудесу вилью в Согранде в собственность с правом свободно распоряжаться полученным имуществом. В 1161 г. королева Уррака подарила ту же вилью епископу Овьедо, упомянув, что прежде эта земля была пожалована ее отцом Гонсальво Бермудесу.

Таким образом, за дарением в собственность по существу нередко скрывалось пожалование, близкое к бенефицию. Этим объясняется частая практика закрепления королями пожалований, сделанных их предшественниками. Так, Альфонс VII в 1149 г. закрепил владения монастыря Оньи, в 1154 г. — Саагуна, в 1155 г. — монастыря Селанова². Фернандо II периодически давал такие же грамоты: в 1169 г. — монастырю Хубиа, в 1170 г. — монастырю Собрадо, в 1172 г. — монастырю Мейра, в 1178 г. — ордену Калатрава, в 1181 г. — ордену Сантьяго, в 1183 г. — собору Саламанки, в 1184 г. — снова монастырю Мейра, в 1196 г. — Саагуну. Альфонс IX в 1188 г. закрепил за монастырем Сан Зоила владения, пожалованные ему в Виллафречос Фернандо II.

В то же время смена монарха зачастую вела к тому, что земли, пожалованные светским магнатам или церквям, возвращались короне. Так, после смерти Альфонса VI его дочь Уррака потребовала от графа Педро Ансурса, ее воспитателя, чтобы он вернул все земли, полученные им от ее покойного отца. Еще легче короли возвращали себе земли, пожалованные во временное

¹ См.: Muñoz y Romero T. Op. cit., p. 263.

² См.: Rassow P. Urkunden Kaiser Alfons VII von Castilien. — «Archiv für Urkundenforschung», Bd. 11. Hf. 1, 1929, S. 101, 123, 130.

владение при условии несения военной или иной службы. Причиной аннулирования престимония часто было нарушение его владельцем вассальных обязанностей. В ряде случаев можно отметить субинфеодацию. Так, например, на основании фуэро Панкорбо (начало XIII в.) можно судить, что рикос омбрес, получая honog в качестве бенефиция, предоставляли, в свою очередь, земли в престимоний различным кабальерос (их называют «престамерос»).

В XI—XIII вв. в Леоне и Кастилии продолжали развиваться вассальные отношения. Но вместо терминов «верный» (*fidelis*) или «милит», бывших в употреблении прежде, теперь для обозначения человека, состоявшего под покровительством сеньора и несущего ему службу, получает распространение выражение *vassalus* (или *vas-salo*). Это выражение имело различные значения. Оно применялось не только по отношению к представителям привилегированного сословия; так именовались нередко, как отмечалось выше, и люди из бегетрий, колласос и соларьегос. Иногда так называли всех подданных короля, находящегося у власти (*vassalos naturales*). Значительно распространение данного института в леонско-кастильском обществе, его влияние на всю систему социальных отношений. Нас интересует вассалитет как система связей внутри господствующего класса.

К такого рода вассалам относились инфансоны, или идальгос, кабальерос-вилланос. Среди тех, кто были вассалами короля, мы находим наиболее могущественных магнатов, например Альваро Нуньес де Лара, Педро Фернандес де Кастро, Альфонсо Перес де Гусман. Но основной контингент королевских вассалов, получавших от своего господина бенефиции, составляли кабальерос второго ранга.

Среди вассалов различались две категории: 1) вассалы по воспитанию (*vassalos de criazón*) и 2) наемные вассалы (*vassalos asoldados*). Первые воспитывались и содержались сеньором, жили вместе с ним¹. Вторые — те вассалы, которые получали от своего господина вознаграждение в денежной или иной форме и не находились с ним в таких тесных отношениях, как вас-

¹ Термин «*homo de criazón*» иногда обозначал не вассала — представителя слоя кабальерос, а человека рабского состояния. См.: *Hinojosa E. El derecho en el Poema del Cid. E. de Hinojosa y Navaros. Obras*, t. II. Madrid, 1955, p. 190—191.

салы первой категории. Группа вассалов, составлявшая окружение короля или иного сеньора и обычно находившаяся при нем, именовалась «меснада» (*mesnada*), а ее участники «меснадерос». К ним могли принадлежать как те, кто были вассалами до воспитания, так и вассалос-асолдадос.

Обязанности вассалов выражались формулой *auxilium et consilium*. Речь шла прежде всего о несении военной службы сеньору. Вассалы должны были участвовать в походах на врага — больших военных экспедициях (*huestes*), набегам (*cabalgadas*), нести сторожевую службу (*anubda*). Вассалу, получающему вознаграждение, полагалось участвовать с сеньором в походах в течение трех месяцев в году. Если он не выполнял это условие, то должен был вернуть сеньору все, что получил от него. Помимо этого вассал обязан был сопровождать сеньора на собрания и судебные заседания (*iunctas*), играть роль соприсяжника, когда сеньор давал клятву, участвовать в совете при сеньоре.

Получив замок во владение, вассал обязан был защищать его от возможных нападений. Он предоставлял сеньору постой в своих владениях. В некоторых случаях вассалы также опекали и воспитывали детей сеньора (*amatiatum*). Долгом вассала было защищать сеньора от всех возможных его противников и соблюдать ему верность. То, что он получал от сеньора, являлось вознаграждением «за хорошую и верную службу» (*pro bono et fideli servitio*).

Сеньор обязывался «любить и уважать своих вассалов», предоставлять им бенефиции или платить жалование. «Вассалы, — отмечают Партиды, — это те, кто получают земли, или деньги, или лошадей за службу»¹.

Вассальные связи с XII в. обычно оформлялись договором (*placitum*, *pleyto*) и специальной процедурой. Вассал давал клятву верности, совершал юммаж (*homage*), который скреплялся целованием руки сеньора. Этот акт в Старом фуэро Кастилии и Партидах именуется «древним обычаем Испании».

На вопросе о связи вассалитета с бенефицием необходимо остановиться особо. Эти институты развивались параллельно, но в тесном взаимодействии. Вассалы обычно получали престимонии, а тот, кому предостав-

¹ Siete Partidas, IV, 25, 1.

лялся престимоний, брал на себя обязательство соблюдать верность и нести службу, т. е. стать вассалом.

Еще в конце X в. фуэро Кастрохериса признало за кабальерос этого поселения право не идти в поход, если им не были предоставлены престимоний или вознаграждение, и разрешало искать себе сеньора, т. е. становиться вассалами. В последующий период мы находим много примеров одновременного возникновения бенефициальных и вассальных отношений. В 1067 г., например, Авиве Доннис получил от епископа Леона Пелайо виллу де Коменас в престамо на то время, в течение которого тот будет его вассалом¹. В 1121 г. Одоарьо, Ордоньес и Ариас Перес получили от архиепископа Гельмиреса престимоний и стали его «верными», т. е. вассалами.

Сочетание вассалитета и бенефиция не было обязательным и не всегда имело место. Как отмечалось выше, вассалы иногда получали земли в полную собственность. Нередко им выплачивалось вознаграждение в денежной форме (пожалование того типа, которое именовалось во Франции «денежным» или «рентным» фео-дом — *fief de bourse*). Последняя форма компенсации вассала была особенно широко распространена в XII—XIII вв. по отношению к королевским вассалам. Родриго Хименес де Рада писал, что милиты Испании не обязаны идти в поход, если не получают плату (*estipendia*).

Иногда денежная плата вассала выступала как исходная форма вознаграждения, а бенефиций или дарение — как компенсация за невыплаченные ему деньги. Так, в 1307 г. Фернандо IV дал Алонсо Пересу де Гусману вилью вместо причитавшейся ему за службу большой денежной суммы².

Вассальные связи могли быть порваны по желанию обеих сторон — сеньора или вассала. Король мог аннулировать вассалитет кабальеро, обвинив его в нелояльности или измене. Иногда же разрыв и изгнание вассала осуществлялись королем произвольно. Право различало эти случаи.

Но короля (или сеньора) мог покинуть и сам вассал. Для этого достаточно было осуществить следующую процедуру, описываемую в Старом фуэро Кастилии: если какой-нибудь рико омбре, вассал короля, хочет уйти от

¹ См.: *Valdeavellano L. de. El prestimonio...*, p. 87—88.

² См.: *Grassotti H. Pro bono et fideli servitio...*, p. 12.

него, т. е. не быть больше его вассалом, он посылает к нему кого-либо из своих вассалов, который говорит королю: «Сеньор, целую вам руку от имени такого-то феодала и он не будет более вашим вассалом». Еще раньше фуэро Сепульведы устанавливало, что каждый милит может искать сеньора, где пожелает, оставив прежнего своего сеньора¹. Так и на Руси князь обязывался «нелюбья не держати» на «отъехавших» бояр и не лишать их вотчин.

Хотя вступление в вассальные отношения и окончание этих отношений были добровольными, в некоторых случаях королевская власть ограничивала или отменяла свободу их установления. Так, согласно привилегии, предоставленной Альфонсом IX монастырю Самосу в 1195 г., в его владениях никто, кроме самого монастыря и его аббата, не мог иметь вассалов. Нельзя было отдавать детей кабальерос на воспитание посторонним лицам с целью дальнейшего превращения их в вассалов².

Разрыв вассальных связей влек за собой утрату вассалом всего имущества, полученного от сеньора. Таковы были нормы правовой доктрины, зафиксированной в Партидах, такова была и практика общественной жизни. Известно, что после того как Сид был обвинен в измене, Альфонс VI лишил его всех вилл и honores. Когда в 1137 г. граф Родриго Гонсалес де Лара впал в немилость у Альфонса VII, тот заставил его вернуть города и замки, ранее предоставленные ему во владение. Фернандо II отобрал у многих графов, заподозренных в нелояльности, их феоды (*feuda temporalia*). Вассалы же — кабальерос, уходя от сеньора, должны были вернуть лошадей и оружие, которые раньше получили от него. Вместе с вассалом, оставляющим короля (или сеньора), могла уходить и его меснада. Король не должен был посягать на собственное имущество этого вассала и вредить его меснадерос³.

Таким образом, иерархическая структура земельной собственности и отношения личной зависимости внутри класса феодальных землевладельцев — явления, не чуждые Леону и Кастилии. Особенности, характерные для

¹ См.: *Fuero Viejo de Castilla*, I, 3, 3.

² *García Gallo A. Manual de historia del derecho español*, II, Madrid, 1967, p. 507.

³ См.: *Fuero Viejo de Castilla*, I, 4, 2.

данных институтов в изучаемом регионе, — относительно небольшое количество феодалов и сохранение основной массы условных владений на стадии бенефициев, сравнительно слабое развитие субинфеодации — не мешают признать принципиальную общность условных пожалований и вассалитета в Леоне и Кастилии, с одной стороны, в странах Западной Европы — с другой¹.

3. ИММУНИТЕТ И ЭНКОМЬЕНДА

Рост привилегий крупных землевладельцев в Леоне и Кастилии выражался в дальнейшем развитии институтов иммунитета и энкомьенды. Иммунитеты с XI в. становятся более многочисленными и обширными. Они касаются всегда земель, а не тех или иных лиц. Иммунитеты предоставляются не только на те земли, которые в данное время принадлежат тому или иному сеньору, но и на владения, которые он приобретает в будущем. Такова, например, иммунитетная грамота, предоставленная Сиду в 1075 году Альфонсом VI.

Обычно доходы, поступавшие королю с данных земель (за некоторыми исключениями), переходили теперь к иммунисту. Ему принадлежала юрисдикция по отношению к населению иммунитетных владений. Он назначал своих должностных лиц — меринос, предоставлял отдельным деревням фуэрос, набирал войско и вел его под своим знаменем в военный поход. Сеньор мог отчуждать полученный им иммунитет. Земли, на которые был предоставлен иммунитет, сохраняли его и тогда, когда они переходили к другим лицам.

С XII в. все королевские пожалования в наследственную собственность знатым лицам, как правило, сопровождались предоставлением иммунитетных привилегий. Но круг полномочий иммунистов в Леоне и Кастилии оставался менее обширным, чем в некоторых других странах. То, что за королевской властью оставалась юрисдикция по некоторым наиболее важным делам (государственная измена, насилие, заграждение дорог), не являлось исключительной чертой леоно-кастильского иммунитета. Более важно другое — сохранение за насе-

¹ Известно, что позднее развитие феодалов — явление, характерное и для некоторых других европейских стран. В Германии еще в XII—XIII вв. были пожизненные фьефы. В Англии наследственные фьефы стали общим правилом лишь в XII в. (см.: *Ganshof F. L. Qu'est-ce que la feodalite?* Bruxelles, 1957, p. 75).

лением иммунитетных сеньорий возможности апелляции в королевский суд.

Кроме того, король удерживал за собой право получения со всех земель таких налогов и повинностей, как фонсадера и янтар. Королевская власть не уступала сеньорам и права чеканки монеты. В Леоне и Кастилии известны лишь три случая предоставления магнатам подобной привилегии. Такое право получил, в частности, архиепископ Компостелы Диэго Гельмирес. Старое фуэро Кастилии начинается с перечисления четырех вещей, которые являлись естественными правами короля и не могли отчуждаться в пользу другого лица: правосудие (высшая юрисдикция), монета (т. е. право чеканки монеты), фонсадера и янтар.

Особую форму сеньории представляла собой энкомьенда — отдача тех или иных владений, поселений, монастырей, замков под защиту лиц, располагающих достаточной властью, — короля, магнатов, орденов. Сеньор, оказывающий покровительство, именовался «комендеро» (*comendero*).

Первые упоминания об энкомьенде относятся к концу IX в. Епископ Мауро из Леона предоставил энкомьенду на земли, полученные церковью Леона от Альфонса III между реками Эйве и Масма, некоему Бетото¹. В X в. короли отдавали в энкомьенду знатым лицам, монастырям целые округа.

В документах XI—XII вв. содержатся более обстоятельные данные об энкомьенде. В 1068 г. Альфонс VI взял Саагун под свою энкомьенду. Затем королевская энкомьенда устанавливалась над этим же монастырем в 1189 и 1230 гг. По-видимому, необходимость в новых актах энкомьенды объяснялась тем, что прежние прекратили свое действие. В XII в. была установлена королевская энкомьенда над рядом монастырей Леона и Кастилии. Еще более активен был в этом отношении в XIII в. Альфонс IX.

Иногда применялась и субэнкомьенда. Король предоставлял выполнять функции комендеро тем или иным корпорациям или частным лицам, хотя формально владение считалось находящимся под королевской энкомь-

¹ См.: *Santos Díez L. J.* La encomienda de monasterios en la corona de Castilla. Siglos X—XV. Roma—Madrid, 1961, p. 13.

ендой. Так, например, Альфонс IX поручил алькальдам и присяжным (*jurados*) Саламанки защиту владений собора этого города.

Нередко в роли комендерос выступали частные лица. Зачастую они устанавливали свое покровительство по отношению к монастырям и другим корпорациям насильно. В 1191 г. Альфонс IX в грамоте, адресованной Саагуну, заверял, что никто не получит этот монастырь в энкомьенду, помимо воли аббата.

В функции комендерос входили обеспечение оброков и повинностей, причитавшихся с крестьян данной церкви, на которые нередко покушались другие магнаты, защита владения церковей и монастырей от прямых нападений, помощь своим подопечным в судах. Согласно обычаю лица, осуществлявшие энкомьенду, получали от населения платежи; в их пользу выполнялись некоторые службы¹. Особенно часто вынуждены были обращаться к энкомьенде монастыри, которые владели виллями, разбросанными в различных округах. Комендерос, получавшим под свое покровительство такие отдаленные от монастырского центра земли, легче было превращать их в свои вотчины. Это особенно характерно для XIV в.

Из вышесказанного видно, что леоно-кастильские комендерос обнаруживают значительное сходство с немецкими фогтами и французскими адвокатами, что лишний раз подчеркивает тождество социальных и политических отношений, породивших эти институты. Иммунитеты и энкомьенда Леона и Кастилии, несмотря на некоторые отличия от соответствующих западноевропейских институтов, вызваны были к жизни необходимостью осуществления внеэкономического принуждения по отношению к непосредственным производителям. То, что леоно-кастильский иммунитет не включал в себя юрисдикцию по наиболее важным судебным делам и что короли не уступали некоторых регалий и сохраняли за собой апелляционный суд, некоторые исследователи считают доводом в пользу тезиса о «неразвитости» данных институтов, а тем самым и феодализма в изучаемой части Испании.

¹ *Santos Diez L. J.* La encomienda de monasterios en la corona de Castilla. Siglos X—XV, p. 76—78, 103—104, 128.

Известно, однако, что объем прав иммунитета был неодинаков в различных странах, а нередко в пределах одной и той же страны. В Англии, например, повинность участвовать в ополчении, строить укрепления и мосты (*trinoda necessitas*) обычно возлагалась и на население иммунитетных округов.

Если объем прав иммунитетов в Леоне и Кастилии был уже, чем в странах, где иммунитет сложился в своей классической форме, то и в данном королевстве он отражает процесс сосредоточения политической власти в вотчине. Это явление характерно для определенной, обычно ранней, стадии развития феодальных отношений. Наличие энкомьенды — института, родственного фогтству, служит дополнительным подтверждением этого тезиса.

Города в XI—XIII вв.

В исторической литературе нередко высказывается положение об исключительно важной роли городов в процессе Реконкисты и колонизации Новой Кастилии и Эстремадуры. К. Санчес-Альборнос писал о «колоссальной силе консехос Кастилии» при Альфонсе XI, не имеющей себе равной ни в Испании, ни в Европе, о «свободах демократии в Кастилии»¹. В то же время К. Санчес-Альборнос, Л. Вальдеавелльяно и другие испанские историки отмечали слабость бюргерства в Кастилии, незавершенность его развития, по сравнению с западноевропейским городским сословием. Немецкий исследователь Г. Амман утверждает, что Испания (включая Кастилию) в хозяйственном развитии «шла в ногу с остальной частью Европы», и средневековый город в Испании «полностью вписывается в облик западного городского строя»². Для выяснения общего и особенного в развитии городов Леона и Кастилии необходимо рассмотреть основные черты их развития и изучаемую эпоху.

1. РОСТ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И ИХ ХАРАКТЕР

Термины, которые служат обозначением для города, — это *civitas*, *villa*, а также *burgus*, последний употребляется главным образом в Галисии и на севере Португалии³. Бургами назывались поселения, возникавшие близ монастырей, а позднее — и в других областях, где селились клюнийские монахи (Саагун, Силос). В хронике Родриго Хименеса де Рада (XIII в.) встречается упоминание о коммунах.

Рост численности городов происходил как путем восстановления старых, разрушенных, так и путем обра-

¹ *Sánchez-Albornoz C.* Señoríos y ciudades. — «Anuario de historia del derecho español, t. VI, 1929, p. 455.

² *Amman H.* Vom Stadtwesen Spaniens und Westfrankreichs im Mittelalter. — «Studien zu den Anfängen des europäischen Stadtwesens». Lindau und Konstanz, 1956, S. 119—121.

³ В Партидах город — это поселение, окруженное стенами.

зования новых городов. Завоевание областей между Дуэро и Тахо ознаменовалось появлением густой сети городов по обе стороны от Гвадаррамы. На севере — Медина дель Кампо, Куэлляр, Ольмедо, Кока, позднее — Саламанка, Альба де Тормес, Авила, Сеговия. На юге — Талавера, Мадрид, Ореха, Алкала де Энарес, Гвадалахара, Мединасели, Зорита де лос Канес, Атиенца.

Король Арагона Альфонс I колонизовал пограничные с его государством территории на востоке, где были заселены Сория, Берланга, Альмаса, Белорадо. Здесь отчетливо выражен военный характер городского развития. Это проявляется и в топографии городов и в их назначении. Сепульведа, например, защищала кастильскую пограничную линию на Дуэро; Саламанка, Самора, Авила, Сеговия, Толедо первоначально играли роль предмостных укреплений на переправах через Дуэро, Торнис, Эресму. Эти города служили во время военных действий убежищами для населения и скота. Авила и Сеговия были окончательно заселены лишь после взятия Альфонсом VI Толедо. Именно тогда в Эстремадуре появилась линия консехос — Медина, Куэлляр, Аревало, Кока, Сепульведа.

Короли всячески способствовали колонизации данных городов, предоставляли им вольности. В колонизации участвовали различные этнические группы. Так, например, в Саламанке оседали горцы, кастильцы, мосарабы, французы; Куэлляр, Медина, Аревало, Ольмедо и Сепульведа заселялись жителями Паленсии, Вальядолида, Бургоса и Риохи.

Особые обстоятельства способствовали росту городов на севере. С середины XI в. широкие размеры здесь приобрело паломничество в Сантьяго де Компостела в Галисии к предполагаемой гробнице покровителя Испании апостола Якова. В этом паломничестве принимали участие не только жители Испании, но также Франции и многих других стран. К концу XI в. в городах, находившихся на этом пути и на его ответвлениях — в Памплоне, Логроньо, Нахере, Бургосе, Кастрохерисе, Саагуне, Леоне, Сантьяго, выросло население, обслуживавшее богомольцев, умножились рынки, лавки, ремесленные мастерские, постоялые дворы, госпитали. Здесь оседали иностранные, главным образом французские, купцы и ремесленники. С конца XI в. в Саагуне, например, находились, помимо местных жителей, выходцы из Гаскони,

Прованса, Бургундии, Бретани, Нормандии, Англии, Италии. В Леоне с 1901 г. существовало поселение «франков»¹. Французы находились также в Асторге, Виллафранке, Саламанке, Толедо, Авилае, Сеговии.

В ходе Реконкисты в Андалузии были захвачены крупные мусульманские центры, в которых высокого уровня развития достигли торговля и ремесло. Многие из них перешли в руки кастильцев после того, как было сломлено вооруженное сопротивление горожан, что вело, как отмечалось выше, к изгнанию местных мусульман (Убеда, Баэса, Кордова, Хаэн, Севилья и др.). После восстания 1263 г. массам арабов пришлось покинуть и многие другие города. Здесь произошли глубокие демографические сдвиги, которые в дальнейшем сказались и на хозяйственной структуре данных городских центров.

Экономический характер городов в XI—XIII вв. изменялся медленно. Правда, на «дороге в Сантьяго» усилились торговля и ремесло, особенно в самом Сантьяго. Появилось немало новых рынков, а в некоторых городах — ярмарки (Вальядолид, Саагун). Объектами торговли были в Сан-Себастьяне медь, свинец, олово, меха, пряности, конская сбруя; в Сепульведе — рабы, скот, зерно, орудия труда, одежда, домашняя утварь, ткани, медикаменты, меха, пряности; в Куэнке — рабы, скот, медь, свинец, железо, соль, стекло, ткани, кожи. В фуэрос многих городов (Саагуна, Куэнки и др.) упоминаются ремесленники различных специальностей: кузнецы, плотники, башмачники, портные, скорняки, золотых дел мастера, ткачи, гончары, красильщики и пр.

В ряде городов, отвоеванных у арабов, сохранилось производство различных промышленных товаров. Так, в Толедо изготовлялись одежда, шелковые ткани и сукно, обрабатывались железо, медь и золото. Ремесленники группировались в особых кварталах по профессиям. Имелись особые рынки портных, рыбаков, скорняков и др. В Алкале производились ткани, головные уборы, ковры. Фуэрос Авилы, Сеговии, Сории, Касереса, Усагре упоминают о технических культурах — льне, конопле, о продаже шерсти; это позволяет предположить, что в

¹ «Франками» назывались не только французы, но и англичане, ломбардцы и выходцы из других европейских стран.

данных городах существовало текстильное производство. Во введении к фуэро Куэнки, характеризующем обычные занятия человека, поселившегося на городской территории, говорится о том, что он добывает железо, соль, строит, ловит рыбу. Ремесленное производство было рассчитано на небольшую округу и не удовлетворяло полностью потребности населения в промышленных изделиях. В XIII в. страна наводнялась импортными товарами — тканями (в частности, сукном из Фландрии), железными изделиями, предметами роскоши, церковной утварью. Об относительно низком уровне развития ремесла можно судить отчасти по дороговизне ремесленных изделий по сравнению со скотом, который как отмечалось выше, ценился достаточно высоко. К началу XI в., например, простое одеяло стоило столько же, сколько 4—13 овец, а стоимость одеяла высокого качества приравнивалось к стоимости 60 овец; мужская туника (верхняя одежда) — стоила 3—7 быков; шелковая рубаха — 3 быка; серебряная миска — 1—2 быка¹.

Невысокий уровень развития торговли в Леоне и Кастилии в известной мере характеризовался отсутствием сколько-нибудь значительного национального слоя купцов. Во внутренней торговле важнейшую роль играли евреи и мудехары. В XIII в. все большее значение в торговле приобретали западноевропейские купцы. Фламандские, английские и французские купцы торговали с Кастилией через северные порты полуострова, а итальянские — через порты Андалузии и Мурсию. В ряде городов появлялись кварталы иностранных купцов.

Экономической слабости ремесленников и местных купцов в Леоне и Кастилии соответствовала и их незначительная роль в городской жизни (что будет отмечено ниже). Экономика большинства городов оставалась земледельческой и скотоводческой. В Леоне, например, в XI в. в черте города находились еще поля и виноградники. Обрабатываемые и пустующие земли были и внутри городских стен Саламанки, Сории, Сиудад Реалья. Авила и Сеговия, по сообщению арабского автора Идриса, представляли собой в сущности не города, а деревни; их обитатели имели большие пастбища и табуны лошадей. По этой причине площадь, окруженная город-

¹ См.: *Sánchez-Albornoz C. Una ciudad de la España cristiana hace mil años*, p. 53, 66.

скими стенами, была в ряде случаев весьма значительной — в Саламанке — 110 га, Сории — 100 га. Существенная особенность городского развития в Кастилии заключалась в том, что большая часть новых поселенцев являлась в города между Дуэро и Гвадианой не для того, чтобы заниматься ремеслом и торговлей, а для того, чтобы получить землю¹.

В городах Леона и Кастилии в рассматриваемый период сельское хозяйство не только сохранялось, но и в большинстве случаев продолжало доминировать и определять характер городской жизни. Свидетельством этого в известной мере служат фуэрос. В некоторых случаях они содержат постановления, касающиеся мер и весов, цен на различные продукты, в них встречаются упоминания о ремесленниках и купцах. Но основное место в их экономических параграфах занимают земледелие и скотоводство — купля-продажа земельных участков, правила пользования пастбищами, лесами, оросительными каналами и пр. Характерно, что и в фуэрос, полученных крупными городами Андалузии в XIII в., вопросы промышленно-торговой деятельности занимают не больше места, чем в фуэрос, изданных в Леоне и Старой Кастилии.

Все это, однако, не дает оснований отрицать эволюцию городских поселений в Леонско-Кастильском королевстве в направлении к собственно-феодалному городу. Следует иметь в виду, что сельское хозяйство в течение длительного времени играло важную роль в городской экономике и других европейских стран. Пахотные поля, как известно, находились в пределах городской черты и в Париже, и Кембридже, и Вюрцбурге. Города южной Франции, как отмечал М. Блок, оставались в это время еще полуаграрными. Если судить о характере многих французских, немецких и английских городов, таких, как Лоррис, Бомон, Руан, Трир, Бристоль и другие, только по их хартиям, то вряд ли можно считать, что ремесло и торговля являлись уже в XII в. основой их экономики. Известно, что и на Руси в IX—XIII вв. ремесло находилось еще на начальной стадии отделения от сельского хозяйства².

¹ См.: *Valdeavellano L. G. de. Origenes de la burguesia en la España medieval.* Madrid, 1960, p. 189.

² М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, с. 67.

На основании приведенных выше данных о ремеслах и торговле в Леоне-Кастильском королевстве в XIII в. можно предположить, что развитие городов осуществлялось здесь в целом по тому же пути, по которому оно шло и в других странах Европы в эпоху феодализма. Но темпы этого развития в Леоне и Кастилии оказались сравнительно замедленными.

Все вышесказанное об экономическом характере городов Леона и Кастилии подтверждается сведениями о составе и занятиях городского населения и общественном положении отдельных его слоев.

2. НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДА И ГОРОДСКОЕ УСТРОЙСТВО

В источниках встречаются особые термины, которыми обозначается все городское население в целом. В Галисии с XI в., а в Леоне в XIII в. употребляется наименование *burguenses*, в Кастилии — «граждане города» (*cives cibdadanos*), «соседи» (*vecinos*), «добрые люди» (*omes buenos*).

Приобретение прав городского гражданства осуществлялось в Леоне и Кастилии проще, чем в большинстве стран Европы. Для получения таких прав не требовался какой-либо определенный срок пребывания в городе (вроде обычного для Западной Европы срока в «один год и один день»), а достаточно было поселиться в нем. Беглые рабы, селившиеся в городе, как и в предшествующий период, становились свободными. В некоторых фуэрос, например, Леона, оговаривалось, что свободу получает раб, которого не нашел его господин. Если же хозяин серва являлся в город и доказывал свои права на беглого, то полагалось выдать его. Иногда же всем бежавшим от своих господ сервам предоставлялась свобода.

Стараясь стимулировать колонизацию новых земель, короли избавляли от судебного преследования людей, селившихся в городах. Так, город Нахера предоставлял в своих стенах свободу всем преступникам, за исключением грабителей с большой дороги. Альфонс VI предоставлял свободу и безопасность всем преступникам, желавшим осесть в Кастрохерисе.

В городах селились также свободные люди, менявшие положение прекариста, колласо на опасный, но вольный статус поселенца вильи в пограничной полосе.

Положение поселения — вильи определялось условиями его основания или конституирования как города, которые фиксировались документом — фуэро или поселенной грамотой. Эти документы оформлялись королевской властью, церковными корпорациями или светскими магнатами. В фуэро определялись права совета и членов городской общины, их обязанности по отношению к королю или сеньору, их привилегии. В большинстве случаев хартии касались лишь наиболее важных сторон городской жизни и положения членов общины.

При создании нового поселения на запустевшей земле, или позднее — при занятии отвоеванных у мусульман городов вся земля делилась специальными должностными лицами — квадрильерос — между соседями, становившимися собственниками своих наделов. В андалузских вильях одна часть земли выделялась королю, другая — знатым лицам (рикос омбрес) и церквям (также и орденам), большая часть ее предоставлялась консехо. Эта земля, в свою очередь, делилась таким образом, что рядовые члены городской общины, не служившие в коннице, получали обычный надел, кабальерос — двойной, инфансоны — еще больший надел.

Состав населения вильи в общем являлся слепком с общей социальной структуры королевств Леона и Кастилии, хотя и со специфическим соотношением различных слоев. Основные категории городского населения — это пеоны, кабальерос и инфансоны, причем в количественном отношении доминируют первые, за ними следуют кабальерос и на третьем месте — инфансоны. Помимо этого, в вильях находились клирики, торговцы и ремесленники.

В основу данной классификации фуэрос положено отношение к государственным повинностям, в первую очередь — к военной. С этой политической градацией перекрещивались социальная и юридическая. Пеоны были в основной своей массе земельными собственниками крестьянского типа. Кабальерос-вилланос частично относились к мелким, а иногда и к средним землевладельцам (см. ниже). Инфансоны преимущественно были вотчинниками.

В некоторых городах, особенно в Галисии и Леоне, имелось немалое число людей, обрабатывавших чужую землю. Иногда такими держателями земель крупных вотчинников были и кабальерос. Особенно это харак-

терно для городов, находившихся в зависимости от церковных корпораций и светских магнатов.

Все горожане обладали правом свободного передвижения, могли произвольно отчуждать недвижимое и движимое имущество. Жителя города могли арестовывать и заключать в тюрьму только судьи консехо. Но если арестуемый приводил поручителей, то его нельзя было задержать. Горожане могли безнаказанно убить знатного человека, совершившего преступление на территории виллы. Фуэрос исходили из положения, что все живущие в городе пользовались одним и тем же фуэро.

Принцип единства права (во всяком случае с XII в.) прилагался также к различным этническим группам — «франкам», евреям, мудехарам. Ряд фуэрос специально декларировал равенство перед законом христиан, мавров и иудеев. Фуэрос нередко подтверждали право пеонов (или вилланов) данного населенного пункта свидетельствовать против кабальерос и инфансонов других городских общин.

Равенство перед законом не исключало, однако, в ряде случаев учета особенностей сословного положения различных слоев населения города и его округи. В некоторых фуэрос фиксировалась дифференциация в вергельдах. Так, например, согласно фуэро Нахеры, вергельд за убийство виллана — 100 солидов, инфансона — 250 солидов; в фуэро Кастрохериса вергельд за кабальеро назначался 500 солидов. В таком же размере устанавливался вергельд за идальго в Старом фуэро Кастилии.

Различные обязанности пеонов и кабальерос по отношению к воинской службе, государственным повинностям. Согласно фуэро Нахеры виллан не мог наследовать инфансону после его смерти.

Некоторые фуэрос, например Салас до Лос Инфантес, сообщают о том, что у отдельных местечек, входивших в состав городской территории, была своя судебная организация, свои алькаальды.

Уже с XI в., а особенно в XII—XIII вв., выделяется слой «добрых людей» (*omes buenos*), верхушка городского населения, признаки которого довольно расплывчаты. Отчасти этот слой совпадает с кабальерос, но не вполне адекватен им. Иногда выделяются те, кто имеет в городе дом и двор с домочадцами и проводит там большую часть года. В других случаях имеются в виду

люди, обладающие недвижимым имуществом стоимостью минимум в 100 мараведи. Затем следует масса пеонов. Среди них низший слой составляют мелкие торговцы и ремесленники.

Среди жителей города различались «соседи», т. е. лица, являвшиеся полноправными гражданами, и «несоседи». Условием получения прав соседства обычно было приобретение земельной собственности в городе. Иногда достаточным основанием для принадлежности к числу соседей был сам факт проживания в городе (фуэро Овьедо 1145 г.). В некоторых же случаях нужно было иметь дом, крытый не соломой, а черепицей (Сепульведа, Куэнка).

Согласно некоторым фуэрос (Куэнки, Кории, Усагере), предпосылкой пользования правами соседства являлась выплата налогов. Иногда при этом от выплаты налогов освобождались лица, имущество которых не превышало определенных размеров по своей стоимости (от 10 до 100 мараведи). Но эти неимущие люди оставались соседями. Они могли пользоваться угодьями городской общины, рассчитывать на поддержку соседей в случае нападений или насилий со стороны третьих лиц, в том числе сеньора (там, где он еще имел известные права по отношению к городу), участвовать в управлении вильей, иметь повышенную защиту по сравнению с несоседями. Так, фуэрос Кории, Алкалы, Мадрида назначали штраф за ранение «соседа» в несколько раз более высокий, чем за ранение «несоседа».

Во многих фуэрос различаются люди «большие» (*maiores*) и «малые» (*minores*), хотя права их не дифференцируются. Фактически же их вес и влияние в городской жизни неодинаковы. Характерно, что фуэро Эскалоны, назначая карой за тяжкое преступление смертную казнь, подчеркивает, что это касается и бедняков и богатых.

В особом положении находились зависимые люди городских землевладельцев — соларьегос, колласос, мансебос. Фуэрос освобождали их от ряда повинностей, в частности, от фонсадеры. Во многих случаях освобождалась от повинностей определенная часть городских кабальерос. Некоторые фуэрос, например Саламанки, предоставляли им возможность судиться по общему городскому праву, подобно всем прочим соседям. Но в то же время охранялись права господ по отношению к их со-

ларьегос. Так, если соларьего отрицал свою зависимость от господина, тот приносил клятву, и соларьегос платил штраф за попытку самовольно порвать вассальную связь со своим господином. Согласно фуэро Ледесма, когда соларьего, живший во владениях господина, женился, он платил своему сеньору побор (уэсас) в 2 мараведи¹. Выше уже отмечалась зависимость мансебос от своих господ.

Следует отметить, что горожане официально не оформлялись как особое сословие королевства Леона и Кастилии. Партиды, в частности, сохраняли разделение подданных на *defensores* (*caballeros*), *oradores* (священники) и *labradores* (крестьяне) и не видели в горожанах некую новую категорию населения. Но тем не менее горожане выступали с конца XII в. в качестве самостоятельной политической силы, о чем свидетельствует их роль в кортесах (см. ниже, гл. VII).

Совет, консехо, теперь окончательно сложился как орган управления вильей и одновременно как городская община. Консехо иногда выступал как собрание всех горожан-соседей, порой в суженном составе, как совокупность должностных лиц. Совет представлял собой юридическое лицо. Он был собственником общинных угодий вильи и пустующих земель в границах ее территории, получал иногда имущество умершего жителя города, не оставившего наследников².

Консехо среди членов общины регулировал пользование пастбищами, определял, какой скот и в каком количестве допускался на луга, заботился об охране посевов, о поддержании в порядке оросительных каналов. Некоторые консехос договаривались между собой о взаимном праве пользования своими угодьями. В то же время в фуэрос нет следов регламентации системы хлебобашества (определения севооборота и т. п.).

К экономическим функциям советов относилось также регулирование мер и весов. Консехо контролировал качество продаваемых в городе продуктов, хлеба и мяса. Он осуществлял также «трудовое законодательство», устанавливал размеры вознаграждения для пастухов, выдававшегося, как правило, натурой, а также платы, причитавшейся пахарям, сезонным работникам.

¹ См.: *Fuero de Ledesma*, 321, 211.

² См.: *Muñoz T.* Op. cit., p. 520.

Совет издавал предписания относительно порядка торговли. Запрещалась, например, купля товаров вне рынка (в то время, когда он функционировал), иногда разрешалось покупать товар в доме продавца; не допускалось приобретение вина за пределами территории консехо и т. д.

Совет обладал юрисдикцией. Он выделял судей, присяжных (*jurados*), которые следили за выполнением его решений. Автономия городского округа начиналась с выделения самостоятельных судей. Но это не означало полного освобождения от юрисдикции королевских судей (см. ниже).

Во главе города стоял судья (*juez*). Он судил, созывал совет; отправляясь в военный поход во главе ополчения, поднимал знамя консехо. Первоначально он назначался королем или сеньором города, позднее его избирали. Судья пользовался рядом привилегий: его освобождали от ряда платежей и повинностей (*анубда*, *фазендера*); он получал часть штрафов, взимавшихся советом. Вторым по значению должностным лицом был алькальд. Алькальдов в городе всегда было несколько, они являлись представителями консехо. Алькальды тоже выполняли судебные и полицейские функции, собирали штрафы, шли в походы вместе с судьей. Как и он, алькальды освобождались от некоторых повинностей. Присяжные (*jurados*) обычно действовали вместе с алькальдами. Финансами консехо ведал майордом. Низшими агентами консехо были сайоны, терольды. Должностные лица избирались обычно сроком на один год. Для того чтобы быть избранным, достаточно было принадлежать к числу соседей.

С конца XII в. заметны изменения. Вопреки требованию избирать судей не более чем на один год, эту должность некоторые лица в советах занимали многократно. Условием избрания в ряде случаев становилось обладание домом и двором, лошадью, оружием. Иногда пассивного избирательного права лишались (как отмечалось выше) ремесленники. О том, что выборы происходили в атмосфере борьбы различных слоев горожан, свидетельствуют постановления о лишении звания судьи того, кто получил его путем подкупа или использования личных связей.

В руках консехо находились внешние сношения. Он вел переговоры по делам, касавшимся городской общи-

ны, с королем, епископами, аббатами, принимал на себя те или иные обязательства.

Город имел свой округ, альфос, охватывавший более или менее значительную территорию с расположенными на ней деревнями, культивированными и необработанными землями. Иногда он был относительно невелик. Так, Овьедо имел альфос радиусом в 5,5 км. Сан-Себастьяну принадлежал округ в 400 кв. км. Особенно значительными были альфосы в Кастилии и Андалузии. Так, Сория в 1270 г. насчитывала 777 жителей (без клириков и нехристиан). В деревнях же ее округа жили 2385 человек. Мадрид был окружен деревнями, зависевшими от Сеговии. Альфос Севильи в середине XIII в. простирался примерно на 130 км к северу от города и на 50 км к югу. На нем были расположены десятки населенных пунктов. Под властью города могла находиться и бегетрия. Так, например, Овьедо, согласно документу 1243 г., принадлежала бегетрия Нора-а-Нора¹.

Консехо выступал в качестве сеньории по отношению к деревням, находившимся на его территории. Это касалось не всех деревень городского округа, некоторые из них зависели от светских магнатов, церковных корпораций или самого короля и не подчинялись юрисдикции консехо. Фуэро Сепульведы различал «свои деревни» (*suas aldeas*) и вильи округа (*villae del termino*). Консехос продавали и обменивали свои деревни, облагали их особыми поборами, решали все дела, возникавшие у этих деревень с третьими лицами. Деревни, как известно, могли иметь и собственных должностных лиц. Но совет города разрешал разногласия между деревнями и иногда отменял решение, принятое деревней.

Жители деревень шли в военные походы под командованием должностных лиц города. Они подвергались ограничениям в своей хозяйственной деятельности. В некоторых случаях им не разрешалось продавать свои продукты посторонним лицам, пока не сделали закупки горожане. О приниженном положении жителей альфоса свидетельствует тот факт, что, ведя тяжбы, крестьянин порой вынужден был обращаться за поддержкой на суде к жителю вильи.

Верховные права консехо по отношению к деревням его территории иногда прямо обозначались термином

¹ См.: *Hinojosa E. Op. cit.*, p. 153.

«сеньория». Так, в фуэро Паленсии говорится: «И пусть кроме консехо Паленсии никто другой не имеет впредь в этой деревне сеньории и каких-либо прав...»¹ Деревни иногда уходили из-под власти консехо. Это происходило либо в результате передачи их светским или духовным сеньорам, либо после предоставления им прав самостоятельных общин. Консехо мог иметь в вассальной зависимости от себя другие городские общины. Так, например, Кордова в XIII в. имела своим вассалом консехо Баэсы.

Иногда консехос Кастилии заключали между собой союзы — эрмандады (*Hermandades*). Обычно это происходило в периоды острой внутривластной борьбы в государстве для защиты городских вольностей. Так, например, в 1295 г. во время малолетства Фернандо IV были созданы «Эрмандада консехос королевства Кастилии», «Эрмандада консехос королевства Леона и Галисии» и «Эрмандада консехос кастильской Эстремадуры и архиепископства Толедо». В 1315 г. создана была эрмандада консехос и идальгос Кастилии для того, чтобы обеспечить привилегии и свободы тех и других.

3. ГОРОДА И КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ

При оценке объема городской автономии следует учитывать, что города в Леоне и Кастилии никогда не добивались полной независимости от королевской администрации.

Фуэрос не освобождали города от обязанности допускать на свою территорию королевских должностных лиц.

В первый период развития городов (до XI в.) во главе их, как правило, стояли королевские представители. Они именовались *potestades* или просто *seniores*, в Кастрохерисе — *senior villae* (может быть, сам граф или его агент), в Сепульведе — алькальд, мерино и юдекс. Позднее появились судьи, избираемые соседями. Но это не означало полного устранения королевских представителей. Согласно некоторым фуэрос, они сохраняли право назначать должностных лиц вильи. Иногда их назначали совместно сеньор (королевский агент) и совет.

¹ *Carlé M. del C. Del concejo medieval castellano-leonés. Buenos-Aires, 1968, p. 177.*

В ряде случаев сеньор возглавлял городское ополчение. Он получал от населения янтар, часть судебных штрафов. Ниже сеньора стоял мерино. Некоторые фуэрос требовали, чтобы его назначали из числа соседей данной вильи, другие, наоборот, запрещали это.

В городах Леона судьи обычно назначались королем, в Кастилии — избирались. Горожане могли апеллировать в королевский суд по некоторым особо важным делам, что специально оговаривалось в фуэрос. Можно наблюдать известный параллелизм и нередко перекрещивание двух административных систем — королевской и местной, соседской. В некоторых городах, например в Саморе, Ледесме, Севилье, Сории, судьи и алькальды — это королевские агенты. В других, хотя должностные лица именуются «королевскими» (*alcaldos del rey*), консехо участвовал в их назначении. В ряде случаев, как уже отмечалось, королевский агент вместе с консехо назначал судей. В вильях всегда были королевские представители.

В XIII в. происходило усиление центральной власти, вольности городов ограничивались. Иногда короли, жалую фуэрос городам, не предоставляли им права избирать местные органы управления (таково, например фуэро, пожалованное Альфонсом X Аликанте). Это право оставалось за королем. Завоеванные во второй половине XIII в. города Андалузии получали статусы, предоставлявшие населению менее широкие права самоуправления, чем те, которыми пользовались консехос между Дуэро и Сьеррой. Завершил эту эволюцию городского устройства в 1340 г. Альфонс XI, поставивший на месте городских советов назначаемое королевской властью муниципальное управление (*ayuntamiento*).

Горожане выполняли государственные повинности. Характер и объем их был различен, так как устанавливались они для каждого города в соответствии с его фуэро. Городские жители несли военную службу на определенных условиях. Обычно все горожане должны были являться в войско тогда, когда речь шла о защите страны от нападения. Но и в этом случае, как отмечалось, например, в фуэро Бургоса 1124 г., участники похода не обязаны были уходить от своего города далее чем на трехдневный переход. В Нахере жители города являлись в военный поход по призыву короля один раз в год. Согласно фуэро Сепульведы, все горожане, за

исключением кабальерос, освобождались от военной службы, не считая случаев, когда город оказывался в осаде или если возникала необходимость в защите страны от нападения.

Пеоны во время военного похода обычно объединялись группами по 3—4 человека и предоставляли для ополчения одно выючное животное. Помимо этого, горожане иногда обязаны были выплачивать военный налог, участвовать в строительстве крепостей, городских стен. В некоторых случаях горожане выплачивали инфурсьон и несли барщину (3—4 дня в год), выполняли службу посыльных. Нередко за королем сохранялись в городе баналитетные права (на печи и мельницы).

Королевская власть оказывала существенное воздействие на городское развитие тем, что расширяла или уменьшала территорию городских округов. Известно, например, что Альфонс VIII неоднократно жаловал городам деревни. Так, в 1119 г. он предоставил Сеговии во владение 19 деревень, в 1205 г. консехо Пеньяфлор — 3 деревни, в 1209 г. тому же консехо — еще одну деревню¹. В ряде случаев он продавал городам деревни и отдельные земельные владения. Фернандо III в 1234 г. подарил архиепископу Толедо 6 деревень, освободив их от подчинения городам Гвадалахаре, Фите и Атьенца². Подобная практика продолжалась в течение всего XIII в., о чем свидетельствует ожесточенная борьба между представителями городов и знатью в кортесах.

Несмотря на противоречивые тенденции в политике королей Леона и Кастилии, диктовавшейся нередко верхушкой феодальной знати, поддержка городов становится в XIII в. наиболее характерной чертой политической ориентации леоно-кастильских монархов. От городов обычно зависела судьба королевской власти и во внешних войнах и во внутренних усобицах. После того как в конце XII в. Альфонс VIII потерпел поражение у Аларкоса от альмохадов, важнейшую роль в обороне Кастилии сыграли ополчения городов Эстремадуры. В сражении при Лас Навас де Толоса основную массу войск кастильцев составляли ополчения Мадрида, Толедо, Куэнки, Сории, Вальядолида, Сеговии, Авилы и многих других городов. При взятии Кордовы Фернандо III

¹ См.: *González J. Historia...*, t. III, p. 938—939, 469—470.

² См.: *Manuel Rodríguez M. de. Memorias para la vida del santo rey don Fernando III. Madrid, 1800, p. 421—422.*

использовал главным образом ополчения городов. Когда происходили усобицы в Леоне и Кастилии после смерти Альфонса VI в начале XII в., ополчения Саламанки, Толедо, Авилы и Сеговии послужили стабилизирующим фактором в жизни королевства. Помощь ополчения Авилы и Сеговии обеспечила Фернандо III победу над предводителем мятежной знати доном Альваро Нуньо де Лара.

В представлениях современников города выступали как естественные союзники королевской власти. Характерно наставление, с которым, согласно хронике Хайме I, португальский король обратился к своему зятю — королю Кастилии Альфонсу X: «Два сословия в государстве должны вы особенно лелеять и возвышать — клириков, а также жителей городов и местечек. Бог любит их больше, чем знатных, которые более, чем другие сословия, склонны к возмущению против своих господ».

В то же время города упорно отстаивали свои вольности против самой королевской власти. Так, в 1295 г. эрмандада консехос Кастилии, Леона, Галисии и Мурсии постановила, что если король требует займа, то ни один город не должен давать ему ничего без согласия эрмандады¹.

4. ВИЛЬИ И КРУПНЫЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ

Условия Реконкисты и колонизации привели к тому, что в Кастилии многие поселения получали городской статус с самого своего основания, миновав обычный для Западной Европы этап борьбы против сеньоров. Но это не означает, что между городами и феодальными сеньорами в Леоне и Кастилии не было борьбы. Она происходила порой в весьма острых формах, хотя протекала по-разному в различных районах страны.

В Галисии, где относительно рано сложилось крупное феодальное землевладение, особенно прочна была власть сеньоров, главным образом церковных, над городами. Города Сантьяго, Луго, Туй были подчинены местным епископам. Саагун в Леоне находился под властью одноименного монастыря. В зависимости от сеньоров находились многие малые и большие консехос не только в Галисии и Леоне, но и в Кастилии и в Ан-

¹ См.: Grassotti H. Pro bono et fideli servitio..., p. 835.

далузии. Ряд городов во время завоевания юга полуострова были отданы под власть военных орденов: Зорита — Калатраве; Уклес, Усагра, Мерида — Сантьяго; Алкала была пожалована архиепископу Толедо. В таких городах сеньор сам организовывал местное управление, назначал должностных лиц. Здесь в руках сеньора сохранялась юрисдикция над населением города. Он принуждал жителей к сеньориальным повинностям. В ряде консехос члены городских общин не считались собственниками той земли, которую они обрабатывали (Луго, Туй и др.), или их право распоряжаться этой землей было ограничено. В Алкале, например, соседи могли продавать свои земельные наделы лишь тем, кто принимал на себя обязанность выполнять соответствующую повинность. Борьба городов за свою эмансипацию выражалась, в первую очередь, в попытках получить право выбирать должностных лиц. Эта борьба велась в ряде городов на протяжении всего XII—XIII столетий, и результаты ее были неодинаковы в различных областях. В некоторых случаях управление в консехос оставалось в руках феодальных сеньоров (см. ниже, гл. IX).

Давлению со стороны феодалов подвергались и не зависевшие ранее от сеньориальной власти консехос.

Короли все чаще жаловали земли, принадлежавшие городам, магнатам, церквям и орденам. Иногда король предоставлял сеньорам право собирать налоги в некоторых деревнях городских округов. Особенно сократилась территория консехос в результате королевских дарений в пользу светской знати, церквей и орденов в Андалузии в XIII в. Такие крупные консехос, как Кордова и Севилья, имели в своих пригородах владения, оказавшиеся в руках магнатов и церквей. Еще в XIV в. в кортесы поступали жалобы от городов на то, что идалъгас приобретают земли на их территории.

Внедрение сеньоров в консехос проходило также в результате установления индивидуальной зависимости горожан от тех или иных феодальных землевладельцев или вследствие приобретения последними собственности в городах. Это явствует из специальных постановлений и обращений некоторых консехос по данному поводу. Так, в 1280 г. консехо Торо принял решение, по которому никто из жителей города не мог вступать в число вассалов сеньоров, кабальерос и орденов. Еще более решительно выступает против подобных действий фуэро де

Парга в 1225 г.: если какой-либо горожанин, кабальеро или пеон станет чьим-либо вассалом, он будет считаться предателем, его убьют, а принадлежавший ему дом будет разрушен. Некоторые фуэрос мирились со вступлением членов городской общины в зависимость от сеньоров вне города и старались лишь регламентировать подобные отношения. Так, фуэро Паленсий 1181 г. предоставляло кабальерос города право избирать себе сеньора вне города и даже воевать вместе с ним против сограждан. Вернувшись же из военного похода в свой город, этот кабальеро должен был отдать соседям полученную им военную добычу, после чего мог считать себя в безопасности. Но если сеньор напал на Паленсию, когда вассал находился внутри города, тот мог выйти вместе с другими соседями сражаться против сеньора, и это не вменялось ему в вину.

5. РЕМЕСЛЕННИКИ И КУПЦЫ

Относительно слабое, по сравнению с западноевропейскими странами, развитие ремесла и социально-экономический характер городов Леона и Кастилии в XI—XIII вв. в целом отразились и на положении ремесленников и купцов. Еще в XI в. в большинстве городов имелось весьма незначительное число ремесленников. В городах, принадлежавших церковным сеньориям, находились ремесленники, работавшие в церковных мастерских и являвшиеся зависимыми людьми. Такие же ремесленники находились при королевском дворе. Но помимо этого, были свободные, самостоятельные ремесленники в консехос. Круг специальностей, упоминавшихся в ранних фуэрос, весьма узок: ткачи, бочары, кузнецы. Города порой стремились привлечь ремесленников определенных специальностей на свою территорию, обещая свободу беглым крестьянам (хуньорес де кабеса), владевшим определенными профессиями (особенно ткачам, бочарам). Городское право в этот период уделяло ремесленникам минимальное внимание, ограничиваясь облегчением им доступа в города и в отдельных случаях установлением норм оплаты труда.

В XII—XIII вв. значение ремесленников в городской жизни несколько возрастает. В ряде фуэрос упоминаются уже многочисленные ремесленные профессии: в фуэро Куэнки и Этцнаторафа, например, плотники, штука-

туры, каменщики, кузнецы, золотых дел мастера, сапожники, скорняки, ткачи, красильщики, портные. Ремесленникам уделяется больше внимания. Это касается их правового положения и регулирования хозяйственной деятельности. Одним из показателей выделения ремесленников в особый социальный слой служит тот факт, что Партиды различают труд земледельцев на полях (*labor*) и работу ремесленников в городе (*obra*)¹.

Ремесленники в городах в основной своей массе принадлежали к пеонам. Их статус обычно принижался. Так, фуэро Сепульведы предписывало, чтобы монтазго, причитавшийся с чужаков, распределялся между кабальерос, не считая, однако, ремесленников. Фуэро Саламанки исключало ремесленников из числа тех, кто мог занимать выборные должности в городском совете. Им приходилось добиваться того, чтобы их признавали полноправными свободными гражданами. В Эскалоне ремесленники добились в 1130 г. официального признания того факта, что они равны по суду другим соседям². Но еще в 1250 г. король Фернандо IV в своем постановлении для города Уседы указывал, что судей следует избирать лишь из «добрых людей», но не из «подлых» (*ome vil*), т. е. не из ремесленников. Разбогатевшие ремесленники, очевидно, претендовали на включение в состав кабальерос. Но городская верхушка и в этом случае старалась ограничить их права. А Партиды прямо заявляли, что занятие «подлым ремеслом» ради денежного заработка — достаточная причина для исключения жителя города из числа кабальерос³.

Контроль над хозяйственной деятельностью ремесленников находился в руках городского совета и его должностных лиц. Некоторые фуэрос, в частности Куэнки, Этцнаторафа, обстоятельно регламентировали взаимоотношения ремесленников с потребителями, контролировали качество их продукции. Так, устанавливались штрафы для тех мастеров, которые не выполняли в срок заказ, подменяли материал заказчика. Если кузнец продавал плуг, серп или другой инвентарь, который оказывался сломанным, он обязан был немедленно отремонтировать его или вернуть деньги. Фиксировался стандарт, которому должны соответствовать различные изделия.

¹ См.: *Siete Partidas*, II, 20, 5.

² См.: *Muñoz T. Colección...*, p. 487.

³ См.: *Siete Partidas*, II, 24, 25.

Совет вмешивался и в технологию производства: красильщик, например, не должен красить сразу более трех тканей. Нарушение этого правила влекло за собой штраф. Иногда принимались меры для охраны монопольных прав мастеров данного города на занятие соответствующим ремеслом. Фуэро Куэнки запрещало ремесленникам негорожанам являться в Куэнку и продавать свои изделия. Местным ремесленникам разрешалось захватывать таких пришельцев и требовать от них уплаты штрафа. В то же время городской совет ограничивал порой своих ремесленников в праве свободного сбыта продукции. Так, консехо Леона в 1298 г. потребовал, чтобы сапожники продавали башмаки только жителям города, а не посторонним лицам.

О внутренней организации ремесла сведений имеется очень мало. Можно полагать, что состав ремесленников, как и в большинстве других стран, определялся следующим образом: мастер — подмастерье — ученик. Власть мастера над учеником была значительной, он мог его сурово наказывать¹. Иногда в городах имелись должностные лица — препозиты, возглавлявшие ремесленников определенной профессии. На них городской совет возлагал обязанность контролировать качество изделий. В других случаях это делало жюри из нескольких наиболее почтенных мастеров.

В XIII в. в некоторых городах, в частности в Саагуне, Сеговии, складывались профессиональные организации ремесленников (*cofradías, confraderías*). Возможно, это объясняется влиянием французских ремесленников, поселившихся в городах, расположенных на пути в Сантьяго де Компостела. Но могли также сказаться традиции мусульманских ремесленных корпораций, с которыми христиане встретились во вновь завоеванных городах Аль-Андалуза. В Леоне и Кастилии эти братства представляли собой ассоциации ремесленников одной и той же специальности. Функции их сводились главным образом к благотворительной и религиозной деятельности (участие в погребении умерших членов братства, помощь беднякам и т. п.). Но в некоторых случаях эти организации выбирали своих должностных лиц, алькальдов, выполнявших судебные функции. В

¹ Если ученик умирал от побоев, нанесенных мастером, тот не нес ответственности, согласно некоторым фуэрос.

Саагуне такие братства играли активную роль в борьбе ремесленников против церковной сеньории.

Консехос не склонны были уступать ремесленным братствам руководство хозяйственной деятельностью ремесленников, в частности регулирование цен на изделия. Альфонс X пресекал попытки организаций ремесленников договариваться о ценах на изготавливаемые ими товары и относительно мер по устранению конкуренции со стороны лиц, не принадлежавших к данным организациям. Партии запрещали организацию братств ремесленников, преследовавших какие-либо иные цели, кроме религиозно-благотворительных.

Наиболее ранний из сохранившихся уставов цехов Кастилии — статут сапожников Бургоса, составленный в 1259 г., представляет собой соглашение мастеров-сапожников, утвержденное городским советом, алькальдами и мерино. Содержание его касается весьма узкого круга вопросов. Устанавливаются норма оплаты подмастерьев, контроль над качеством используемой ремесленниками кожи; контроль осуществлялся комиссией в составе четырех «добрых людей» из числа мастеров. Назначался штраф за использование кожи низкого качества. Не допускались какие-либо работы, осуществляемые на выпасах, в воскресные и праздничные дни¹. Можно предположить, что братства ремесленников имели какое-то общее имущество. Так, предписывая в 1255 г. распустить созданные в Саагуне братства, Альфонс X потребовал, чтобы их имущество (*heredades*) было продано².

Можно констатировать, что в Леоне-Кастильском королевстве в XII—XIII вв. появляются лишь зачатки цеховой организации. В целом здесь существовало так называемое «свободное ремесло», сходное с тем, которое характерно для южной Франции. Оно контролировалось городскими советами. Специализация ремесленников была и к концу рассматриваемого периода незначительной, по сравнению со странами, где цеховое ремесло достигло высокого развития. Ремесленники в Леоне и Кастилии не имели доступа к городскому управлению.

Рост торговли и товарно-денежных отношений в

¹ См.: *Gonzalo Díez de la Lastra y Díaz Güemis. Las primeras ordenanzas de los zapateros burgaleses.* — «Anuario de historia del derecho español», t. VI, 1929, p. 442—443.

² См.: *Munoz T. Colección...*, p. 317.

стране, повышение экономического значения купцов, заинтересованность короны в получении доходов от торговли вели к тому, что роль купцов в городской жизни возрастала. Об этом можно судить на основании фуэрос, которые в XII—XIII вв. уделяют больше внимания, чем прежде, торговле и купцам. Ряд фуэрос гарантировали безопасность являющимся в город купцам, обещая, что ни у кого из них, включая евреев и мавров, не будут отбираться товары в залог¹. Купцам Туя в 1250 г. давалось право свободно торговать во всем королевстве². В отдельных случаях возникали компании купцов.

На новых землях короли предоставляли льготы иностранным купцам — французским, генуэзским, каталонским. Так, например, фуэро Севильи, как и фуэро Толедо, освобождало купцов из «квартала франков» от некоторых повинностей (в частности, от десятины и обязанности охранять алказар), разрешало им продавать товары в своих домах³.

Некоторые городские хартии признавали, что купцы и лавочники должны отвечать за свои действия по тому же фуэро, которое действительно для всех прочих соседей⁴. Фуэро Севильи устанавливало, что купцы-«франки» должны здесь, как и в Толедо, наравне с кабальерос нести в течение трех месяцев в год военную службу⁵.

Купцы высказывали свое недовольство практикой принудительных займов в городах, жертвой которой, очевидно, они становились. В некоторых случаях они получали поддержку со стороны городской верхушки. Так, в 1255 г. кабальерос Ледесмы жаловались Альфонсу X на займы, к которым принуждали городских купцов. Король обещал не допускать подобных злоупотреблений. Фуэро Севильи устанавливало, что купцов не будут принуждать предоставлять займы⁶. В отдельных случаях купцы оказывались уже в числе «добрых людей» города, входили в состав кабальерос. Среди таких лиц, о которых упоминает фуэро Овьедо, некий Гилельмо —

¹ См.: *Fuero de Cuenca*, I, 24. Ср.: *Fuero de Salamanca*, 226.

² См.: *M. de Manuel. Memorias...*, p. 540.

³ *Ibid.*, p. 145.

⁴ См.: *Fuero de Salamanca; Fuero de Ledesma*, 28.

⁵ См.: *M. de Manuel. Memorias...*, p. 282.

⁶ См.: *ibid.*, p. 145.

лавочник (1145), Педро Хирамиз — меняла (1257), Хираль Иоаннес — купец (1289)¹. Среди ста «добрых людей» консехо Паленсии, которые в конце XII в. закрепили своей клятвой важное соглашение с епископом, фигурировали два лавочника². Хроника королей Кастилии упоминает, что один из четырех богатых «добрых людей» Саморы в 1281 г. — это купец. Но попытки купцов проникнуть в городскую верхушку встречали сопротивление со стороны кабальерос.

6. КАБАЛЬЕРОС-ВИЛЛАНОС

Своеобразной чертой городов Кастилии была особая роль в их жизни слоя кабальерос-вилланос. Они отличались от знати по происхождению — *saballeros fijosdalgo* или *saballeros infanzones*. Первые упоминания о кабальерос-вилланос относятся к X в. Фуэро Кастрохериса предоставляло им права инфансонов. *Milites* — воины, упоминавшиеся в фуэро Леона, также представляли собой зачаток будущих кабальерос-вилланос. В ряде ранних фуэрос о них упоминаний нет. Оформление и рост этого слоя происходили по мере развития Реконкисты.

В XII в. по отношению к данному рода кабальерос употребляется также наименование *saballeros pardos* (т. е. «темные кабальерос», возможно, по цвету их одежды), а с XIII в. — *saballeros ciudadanos*. Уже в X в. кабальерос-вилланос упоминались как слой горожан, находившихся между инфансонами и пеонами. Вместе с ростом консехос растет и значение этого слоя.

Короли в XI—XII вв. предоставляли широкую возможность вступать в состав кабальерос тем, кто обладал лошастью и оружием. Так, в начале XII в. король Арагона Альфонс I Воитель предоставил мосарабам Толедо, которые согласились приобрести коня и оружие, право вступить в разряд кабальерос, облегчив им их повинности. Альфонс VII в фуэро, пожалованном Толедо, позволил всем, кто желал стать кабальеро, получить это звание.

В XII в. в ряде случаев осуществлялось принудительное включение свободных земледельцев в вильях в состав кабальерос. Это было обязательно для лиц, об-

¹ См.: *Ignazio Ruiz de la Peña Solar J. La sociedad ovetense en el siglo XIII. Hispania*, 107, 1967, p. 500.

² См.: *Carlé M. del C. Op. cit.*, p. 76—77.

ладавших определенным имущественным цензом (от ста до четырехсот мараведи)¹.

В этот период вступление в состав кабальерос было доступно для незнатных. Различие между кабальеро и инфансоном современники выражали поговоркой: «Инфансоном рождаются, кабальеро становятся» (*el infanzón nace, el caballero se hace*). Как правило, кабальерос являлись земельными собственниками. Но иногда — это люди, которые сидят на чужой земле. Так в фуэро Леона фигурирует *miles*, имевший дом на земле другого лица. Он дважды в год ходил в поход со своим сеньором. Это — свободный человек. Он произвольно распоряжался своим домом, свободно выбирал себе сеньора и не обязан был платить нунсьо.

В фуэро Кастрокальбона идет речь о кабальеро, который являлся держателем чужой земли; он платил инфурсьон и, как это характерно для зависимых крестьян, два раза в год обязан был сопровождать своего сеньора на судебные собрания. Но он освобождался от барщины, которую несли пеоны. Саагун, судя по дарению некоего Диэго, имел в 1093 г. зависимых крестьян, находившихся под его юрисдикцией; они несли ему службу в качестве кабальерос². Некоторые фуэрос XII—XIII вв. упоминают кабальерос, получивших коня и оружие во владение от сеньора. При Альфонсе VI различались кабальерос, имевшие коней и оружие от короля, главным образом в Леоне, и кабальерос, обладавшие собственными конями и оружием — в Кастилии. Кабальеро обычно мог свободно покинуть свой город. Но в некоторых случаях фуэро требовало, чтобы он оставил вместо себя другого человека того же звания.

По социальному характеру кабальерос не представляли собой однородной массы. К их низшему слою относились малоимущие люди. Потеря коня ставила их на грань утраты звания кабальеро. Этот низший слой состоял в основном из мелких собственников или даже мелких земельных держателей крестьянского типа.

¹ Иногда устанавливался специфический имущественный ценз, например, наличие имущества стоимостью в 300 мараведи или обладание наследственным земельным наделом, ослом, четырьмя десятками овец и двумя постелями. См.: *Pescador C. La caballería popular en León y Castilla*. — «Cuadernos de historia de España», t. XXXV—XXXVI, p. 69—71.

² См.: *Pescador C. Op. cit.*, Cuadernos de historia de España, t. XXXIII—XXXIV, 1961, p. 154.

Ремесленники и купцы, принадлежавшие к данному слою, встречаются в доступных нам памятниках лишь как исключение. Типичные же кабальерос-вилланос владели землей. О размерах их хозяйства можно судить по следующим данным. При заселении Севильи кабальерос получали вдвое больше земли, чем пеоны. В их надел входило восемь аранзад оливковых насаждений и две югады пахотной земли¹. Владения такого кабальеро равнялись нескольким десяткам гектаров, и для их обработки недостаточно было хозяина земли и членов его семьи, нужна была дополнительная рабочая сила. Нам известно из фуэрос, что их земли обрабатывались соларьегос и колласос, а также наемными работниками. Часть занятых в их хозяйстве людей обычно освобождалась от повинностей и поборов, лежавших на городских жителях. Так, согласно фуэро Ледесмы, если кабальеро имел лошадь, копье и шлем, такое освобождение предоставлялось двум его работникам; если же он имел еще кольчугу, щит и круглую палатку — восьми. Иногда они имели специальных должностных лиц в своих имениях. О том, каких размеров достигало имущество высшего слоя кабальерос, можно судить на основании правила, установленного в середине XII в. на пограничных территориях: кабальерос, располагавшие имуществом стоимостью в 50 тыс. мараведи, должны были выставить в поход четырех лошадей; 30 тыс. мараведи — трех; 10 тыс. — двух лошадей. Следует иметь в виду, что в 1253 г. аранзада оливковых насаждений продавалась за 1 мараведи, а одна югада пахотной земли за 2 мараведи. Правда, в 1264 г. цена пахотной земли повысилась до 16 мараведи за югаду².

В XII в. обнаруживается тенденция сделать статус кабальерос наследственным, затруднить доступ в этот слой простых крестьян. Это проявляется в косвенном установлении имущественного ценза и требовании соответствующего происхождения. Так, уже в XII в. условием вступления в разряд кабальерос становится владение лошадью определенной стоимости, обычно от 10 до 40 мараведи. При Альфонсе X обычным условием служит наличие лошади стоимостью в 30 мараведи³.

¹ См.: González J. El repartimiento de Sevilla. Madrid, 1951, p. 286.

² См.: *ibid.*, p. 451.

³ О значении этой суммы можно судить по упомянутому выше

Судя по фуэро Бальбаса, предоставленному Альфонсом VII в 1135 г., каждый желающий стать кабальеро, должен подтвердить показаниями пяти свидетелей, что его родители были земельными собственниками и кабальерос. Особенно заметна подобная тенденция с конца XII в. Альфонс IX запретил переход крестьянских детей, не принадлежавших к кабальерос в этот разряд. Но эти постановления не мешали тому, что и в XIII в. данный слой пополнялся крестьянами. Король постоянно испытывал нужду в коннице. Так, например, Альфонс VIII во время усобиц между магнатами, в которую были втянуты также и идадьгос, для упрочения своих позиций и внутри страны и вне ее (для борьбы против Леона) вынужден был опираться на кабальерос и старался умножить их численность. Когда в 60-х гг. кабальерос понесли большие потери в войнах, Альфонс X в 1270 г. снова подтвердил старое правило, гласившее, что всякий, кто имеет лошадь и оружие, может стать кабальеро, если согласен жить на границе.

Кабальерос составляли явное меньшинство городского населения. Подавляющее большинство членов консехо — это рядовые «соседи», пеоны. Об этом можно судить на основании данных о составе войска Кастилии. Так, в битве при Лас Навас де Толоса в 1212 г., согласно «Всеобщей хронике», участвовало из Кастилии и других областей Испании 10 тыс. кабальерос и 100 тыс. пеонов. Если данные о численности христианского войска и преувеличены, то соотношение кавалеристов и пехотинцев, скорее всего, отражено верно.

Кабальерос пользовались рядом привилегий по сравнению с пеонами. Еще с конца X в. фуэрос освобождали их от различных повинностей. Так, например, фуэро Кастрохериса освобождало кабальерос от нунсьо, маньерии, от фонсадо (если они не имели престамо, т. е. бенефиция) и от некоторых поборов (монтазго, портазго, фонсадера и т. д.).

Как правило, кабальерос освобождались от барщины. Если же в редких случаях на них лежала такая обязанность, то в значительно меньшем объеме, чем на пеонах. Так, например, фуэро, предоставленное сеньором Гутьерре Диасом жителям Виллаварус де Риосеко

документу от 1207 г.: за лошадь стоимостью в 30 мараведи давали двух колласос вместе с их наследственными земельными участками и домами. См.: *Hinojosa E. Documentos...*, p. 104.

в 1181 г., налагало на пеонов ежемесячную барщину. Кабальерос же должны были нести барщину шесть раз в год. Колласос, находившиеся в зависимости от кабальерос, также обязаны были выполнять барщину. Фуэро Паленциолы от 1221 г. специально отмечает, что если кабальеро (miles) являлся в город вместе со своими колласос, он нес ответственность за выполнение ими королю барщины.

Фуэрос освобождали этот слой от посадки, янтаря, мартиньег, маньерии, марсадги, нунсьо, портазго, фонсатеры, монета форера. Иногда их освобождали от всех повинностей. Кабальерос пользовались также некоторыми другими привилегиями. Так, их свидетельство в суде имело больший вес, чем свидетельство пеонов. В XIII в. они могли (согласно фуэро Соррии) огораживать свои луга и брать штраф с тех, кто нарушал запрет вступать в эти владения. Как свидетельствует фуэро Сепульведы, они получали монтазго с тех общин, которые прогоняли свой скот через владения их консехос. Фактически из их состава избирались должностные лица консехо. Эта практика в начале XIV в. была легализована Фернандо IV.

Если пытаться определить место кабальерос в сословной иерархии, то мы не можем отождествить их с инфансонами. Такие предположения высказывались в исторической литературе. Р. Менендес Пидаль называл предоставление фуэро Кастрохериса кабальерос прав инфансонов «революционной реформой», которая «демократизировала тех, кто был наверху и аристократизировала тех, кто находились внизу»¹. Но такая нивелировка кабальерос и инфансонов не имела всеобщего характера. Она определялась локальными условиями. Показательно, что вергельд в 500 солидов, обычный для инфансонов, не был распространен на простых кабальерос². Особенно же важно то, что сам этот слой был к XIII в. глубоко дифференцированным. Трудно также согласиться с тем, что кабальерос характеризуются иногда как патрициат. Если иметь в виду патрициат городов западноевропейского средневековья, то у испанских кабальерос-вилланос с ним не так много общего. Сходство состоит в том, что как тот, так и другой, сосредото-

¹ Menéndez Pidal R. *La España del Cid*, t. I. Madrid, 1969, p. 96.

² Это имеет место лишь в отдельных случаях (см., например, фуэро Саламанки).

точили в своих руках городское управление. Но 'социальный состав и общественное положение этих слоев в Леоне и Кастилии, с одной стороны, в странах Западной Европы — с другой, различны. К северу от Пиренеев в патрициат входили горожане — богатые купцы, ростовщики, банкиры, дворяне. Они занимались торгово-финансовой деятельностью, не были связаны с сельским хозяйством, мало принимали участия в военных делах. Кабальерос-вилланос — это главным образом землевладельцы и свободные зажиточные крестьяне, которые несли военную службу в коннице. Это своего рода «крестьянское среднее сословие», возникновение которого стимулируется завоеваниями и колонизацией.

Как видно из вышеизложенного, процесс развития городов осуществлялся в Леоне и Кастилии весьма своеобразно. Наиболее характерной чертой истории городов в этих королевствах является замедленность процесса отделения ремесла от сельского хозяйства, по сравнению с Западной Европой. В XI—XIII вв. земледелие, скотоводство, военное дело оставались основными занятиями большей части населения городов Леона и Кастилии, хотя значение ремесла и торговли росло.

Реконкиста оказывала двойственное влияние на городское развитие. С одной стороны, хроническое состояние войны замедляло рост производства, который в других странах вел к расцвету городов. С другой — роль городов, как опорных пунктов в войне против мавров, обусловила раннее приобретение городскими жителями политических и гражданских свобод. Горожане пользовались особым правовым статусом, предполагавшим их свободное состояние, наличие самоуправления. Но господствующую роль в управлении играли кабальерос — слой городских землевладельцев. Ремесленники и купцы не добились участия в управлении городами, хотя подобные попытки имели место. Города выступали как коллективные сеньории по отношению к деревням округи. Но и сами они нередко становились объектами феодальной эксплуатации со стороны магнатов и церковных корпораций, внедрявшихся на территории города и его альфоса или распространявших свою власть на город в целом. Это предопределяло их позиции во внутренней политической борьбе. Как и в других странах Европы, города выступали политическими союзниками королевской власти против феодальных магнатов.

Политический строй в XI—XIII вв.

1. КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ

Центром политической системы Леона и Кастилии, как и в предыдущий период, была королевская власть. В течение длительного времени порядок наследования определялся принципом равенства прав всех детей на отцовское наследство (или передачей королевской власти по завещанию).

Постепенно, однако, получает преобладание принцип наследования престола старшим сыном или старшей дочерью (при отсутствии сына). Такой порядок наследования закреплен в Партидах.

Королям принадлежала законодательная власть. На соборах и кортесах короли издавали распоряжения, обязательные для всех подданных. Однако законодательная деятельность королей носила ограниченный характер. Еще в силе было вестготское право (Фуэро Хузго) и широко применялись фуэрос, носившие локальный характер. С XII в. в кортесах короли издавали законы вместе с представителями сословий. Когда в конце XIII в. королевская власть стала усиливаться, было сформулировано положение о том, что только королю или императору принадлежит власть издавать законы. Но тут же делалась следующая оговорка: «так как издание законов — дело очень трудное, а отмена их — очень легкое, то поэтому изменять или совершенно отменять их можно не иначе как в условиях великого совещания со всеми наиболее почтенными и сведущими жителями страны»¹.

В Леоне и Кастилии, как и в других странах Западной Европы в этот период, имела место рецепция римского права. Это выражалось, в частности, в утверждении принципа абсолютной королевской власти. Но до претворения в жизнь этого принципа было еще далеко.

Партиды провозглашали короля главой политического корпуса, «сердцем и душой народа». Он объявлялся также наместником бога на земле.

¹ Siete Partidas, I, 1, 12, 18.

Стремление к упрочению королевской власти как внутри страны, так и вне ее, проявлялось в устойчивости идеи империи в Леоне и Кастилии. В XI—XII вв., когда успешно осуществлялась Реконкиста и леоно-кастильские монархи отвергали притязания пап Александра II и Григория VII на политическую гегемонию, идея империи упрочивалась. Фернандо I в хронике Компостелы именуется «могущественным и великим императором». Альфонс VI, до взятия Толедо носивший королевский титул, с 1093 г. становится «императором всей Испании». Реализация этого нового политического облика леоно-кастильских монархов осуществлялась, однако, в рамках феодальных институтов: выплата владелцами небольших мусульманских государств Испании дани Кастилии рассматривалось авторами хроник как признание вассалитета по отношению к императору. Вассалами Альфонса VII были короли Арагона и Наварры, граф Барселоны, эмир тайфы «король Лобо». Португалия была вассалом Кастилии до времени правления Альфонса X.

2. КОРОЛЕВСКАЯ КУРИЯ. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОСТЬ

Важной составной частью центрального аппарата управления являлась королевская курия. Прежний «дворец», *palatium*, с XII в. заменяет курия — *curia* или *cort*. В курию обычного состава входили светские и церковные магнаты, должностные лица дворца. Король никогда не действовал единолично: он консультировался с курией по административным, военным и церковным делам. При ее же участии происходило назначение должностных лиц, разрабатывались планы заселения завоеванных территорий. В курии осуществлялся суд.

Помимо этого созывались расширенные или экстраординарные заседания курии, обычно весной или летом. На них являлись, помимо должностных лиц дворца, епископы, аббаты, светские магнаты, вассалы короля. Здесь избирались или провозглашались короли, принимались законы и декреты, предоставлялись фуэрос городам и поселениям и иммунитеты сеньорам, решались вопросы войны и мира, делилось королевство между наследниками монарха. Повестка заседаний определялась королем.

С конца XII в. место расширенных курий заняли

кортесы (см. ниже), а прежняя ординарная курия стала заниматься судебными делами. Политические и административные дела сосредоточились в группе королевских советников, которая в дальнейшем превратилась в королевский совет. Уже в XIII в. начинает применяться по отношению к этому органу термин «консехо».

В XIII в. заметно усиливается тенденция к созданию единого земского права, осуществляется рецепция римского права. В составленной в этот период «Книге фуэрос Кастилии» высказано стремление искоренить обычное право: «Судья, — говорилось в одной из глав, — должен придерживаться писаного права; неписаное право становится действительным лишь в том случае, если оно признается правом во дворце или предоставляется как привилегия». Попыткой унификации права являлась подготовка королевской властью в XIII в. сборников законов для всего государства. При Альфонсе X были составлены такие своды права, как Фуэро реаль и Сиете Партидас. Фуэро реаль содержало нормы публичного, уголовного и гражданского права, направлено было на централизацию управления и усиление королевской власти. Но оно не заменяло ни применявшихся до того времени муниципальных фуэрос, ни Фуэро Хузго. Король давал его в качестве муниципального права тем городам, которые не имели до этого фуэрос. Введение этого фуэро встретило сопротивление со стороны знати и не имело успеха.

Во введении в Партидам, подготовленным в конце XIII в., отмечалось, что на большей части королевства действует еще обычное право. Партиды представляли собой уникальное юридическое произведение. Этот свод права, состоявший из 2438 законов, касался различных сторон публичного, гражданского и уголовного права, содержал ряд теоретических положений. Источником Партид были Фуэро Хузго, Фуэро реаль, некоторые муниципальные фуэрос, а также римское и каноническое право. В Партидах ярко отражено стремление к централизации, к усилению королевской власти. В то же время в нем фиксируются привилегии знати. Данная попытка унификации права в конечном счете также не имела успеха, как и предшествующие.

Юристы пользовались Партидами как источником по теории права. Но обычное право, фуэрос оставались в

действии. От Альфонса X дошло более 127 фуэрос. в XIV в. издано было 94 фуэрос. Составлено было Старое фуэро Кастилии (основные его положения восходят к XIII в.), представлявшее собой преимущественно свод права для рикос омбрес и идальгос, проникнутое сословным феодальным духом. Это фуэро, по выражению испанского историка права Р. Хиберы, стоит ближе к Кихоту, чем к Дигестам.

В рассматриваемый период тенденция к унификации права не могла преодолеть правового партикуляризма, отражавшего противодействие феодальной знати политике централизации.

3. АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА

Король, как и в предшествующий период, стоял во главе всей административной системы. Он назначал и смещал должностных лиц. В XI в. страна делилась на графства. Существовали территориальные округа, в состав которых входило несколько графств. Иерархия должностных лиц в XI в. такова: граф, вице-граф, мерино, сайон.

По мнению некоторых историков, отстаивающих тезис о нефеодальном характере Леона-Кастильского государства в XI—XIII вв., публичная власть полностью сохраняла суверенитет и силу. Иммунитеты были не очень часты и не столь обширны, как к северу от Пиренеев. Должности графов так же, как и бенефиции на управление определенными территориями, которые жаловались сеньорам (*honores*), не стали наследственными.

Рассматривая административное устройство Леона и Кастилии, мы, однако, обнаруживаем, что, если оно не вполне тождественно, то в главных своих чертах однотипно с соответствующими системами феодальных государств Западной Европы.

С XII в. прежние графства и округа заменяются новыми территориальными единицами: мериндадами, *honores* и *tenencias*. Мерино короля первоначально собирал лишь налоги и судебные штрафы. В XII—XIII вв. его функции расширились. Графы становились все более самостоятельными и независимыми от центральной власти. Поэтому короли старались опереться на меринос, находившихся вначале в полном подчинении у цент-

ральной власти. Меринос получили судебную, политическую и военную власть. Впоследствии они заменили графов. Округа, которыми они управляли, именовались мериндадами. Кастилия делилась на 17 мериндадов. Сама по себе замена графств мериндадами — явление, характеризующее борьбу центральной власти против партикуляристских тенденций королевских должностных лиц.

При Альфонсе VIII появляется должность Великого мерина Кастилии, которому подчиняются все мериндады. В пограничных областях при Альфонсе X устанавливается должность аделантадо. Это должностное лицо обладало военной, судебной, а также политической властью. Затем, в конце XIII в. возникают должности Великих Аделантадос Кастилии, Леона, Астурии, Галисии, Андалузии. Они оказываются стоящими над меринос.

В XII в., как отмечалось, расширяется практика предоставления королями вассалами в управление округов, населенных пунктов, замков — *honores, tenencias*. Эти вассалы могли быть графами или простыми кабальерос. Такой сеньор именовался *tenente* или *dominus terrae*. Он иногда делил полученную в управление территорию на отдельные части, которые отдавал, в свою очередь, своим вассалам во владение. Л. Вальдеавелльяно отмечает, что подобные пожалования могли быть аннулированы королем. Но практически это не так просто было осуществить. Источники свидетельствуют, что нередко король мог добиться возвращения пожалования только в результате применения силы.

В «Хронике Альфонса императора» рассказывается об Альфонсе VII, добившемся в 1150 г. возвращения пожалований от графов. «...Прибыл король Леона в город Палентину и захватил графа Петра де Лара и графа Бельтрана, своего зятя за то, что они поднимали мятежи в королевстве. Но брат его граф Родерик и его родственники и друзья тотчас взбунтовались. Король же привел пленных графов в Леон и держал заключенными в оковы, пока они не выдали ему все замки и города. И после этого он отпустил их, лишенных достоинства и чести...

Король захватил графа (Родерика) и увел его пленным и держал его в оковах до тех пор, пока он не вернул все пожалования. Потом отпустил его, лишенного

имущества и чести. Вскоре этот граф пришел к королю и склонил перед ним голову и признал свою вину перед ним. И король, который всегда был всемилостивейшим, движимый милосердием, дал ему Толедо под его охрану и многие округа в управление (*honores*) в Эстремадуре и Кастилии»¹.

Хроника короля Санчо IV сообщает, каким опасным предприятием для этого короля было получение замков от графов Лопе де Аро и Диего Лопес де Камерос. Воспользовавшись тем, что на кортесах в Альфаро в 1288 г. его свита оказалась более многочисленной, чем отряды, с которыми явились магнаты, король заявил графам: «Вы оба не выйдете отсюда (т. е. из зала заседания кортесов), пока не вернете мне замков». В завязавшейся вооруженной схватке оба графа были убиты.

Королям иногда приходилось соглашаться с требованиями знати о сохранении за ней *honores*. Так, Санчо III распорядился, чтобы до совершеннолетия его сына, будущего короля Альфонса VIII, у знатных не отбирались *honores* и земли, которые они держали от короны. В 1215 г. регент малолетнего Энрике I дал в кортесах обещание, что у магнатов не будут отбираться *honores*, которыми они пользуются в данное время. Хотя должности графов формально не стали наследственными, фактически короли оставляли эти должности во владении соответствующих знатных родов. Должность переходила к прямым или побочным потомкам главы знатной семьи (графы Салданья, Льебанья, Каррион и др.)².

Назначение королем высших должностных лиц еще в XIII в. нередко носило характер пакта между сюзереном и вассалом. Так, в 1286 г. Санчо IV, назначая дона Лопеса де Аро великим майордомом, альфересом и графом, оформил этот акт договором. Де Аро получал в качестве гарантии соблюдения соглашения все замки в Кастилии, которые должны были перейти и к его сыну. Брат Лопеса де Аро назначался аделантадо на границе. В случаях же враждебных действий со стороны братьев Аро король имел право казнить их и отобрать их наследственные владения. Все эти данные о взаимоотношениях между королем и должностными лицами плохо

¹ *Chronica Adefhonsi Imperatoris*, 18, 23.

² См.: *Menéndez Pidal R. La España del Cid*, v. 1. Madrid, 1969, p. 173—175.

согласуются с мнением ряда историков о сильной королевской власти и неофеодальном характере политического устройства Кастилии.

В рассматриваемый период власть монарха сохраняет двойственный характер, присущий главе феодального государства. С одной стороны, король выступает как суверен по отношению ко всей территории страны. С другой, он является сеньором в собственных наследственных владениях и берет на себя роль патрона, сюзерена по отношению к другим сеньориям, городским общинам. Система административного деления на графства, а затем мериндады сочеталась с системой сеньорий (с иммунитетами большего или меньшего объема) и консехос, также обладавших известной автономией.

4. СУДЕБНАЯ СИСТЕМА

Для Леона и Кастилии характерно наличие относительно централизованной судебной системы. Еще в 1020 г. на соборе в Леоне Альфонс V потребовал, чтобы во всех городах находились судьи, назначенные королем. Судебные функции выполняли королевские должностные лица, графы, позднее меринос и другие королевские агенты. На судебные приговоры местных судей можно было апеллировать в королевский суд. Судебный процесс осуществлялся как в округах и городах, так и в королевской курии по-прежнему публично и устно. Судья обычно избирал из курии или судебного собрания лиц, которые следили за судебным процессом между тяжущимися сторонами.

Наиболее тяжкие преступления судила только королевская курия. Но важную роль в суде играли и такие органы, которые слабо или вовсе не контролировались королевской властью. Известно, что основные судебные функции практически осуществлялись сеньорами-иммунитетами и королевскими вассалами (располагавшими honores), с одной стороны, и консехос — с другой.

О том, что деятельность государственных органов в правосудии была мало эффективной, можно судить в частности по роли эрмандад в поддержании порядка. В XII в. создавались союзы различных консехос для борьбы против бандитизма и отстаивания прав общин. Таковы были эрмандады Толедо и Талаверы, Эскалоны и Сеговии, Эскалоны и Авилы. Светская знать в свою

очередь создавала эрмандады, например в Галисии, после смерти Альфонса VI.

Создание постоянного трибунала при королевском дворе характеризует стремление королевской власти усилить свои права в области суда, находившиеся в основном в руках иммунистов и феодализировавшихся должностных лиц на местах. Но знать оказала сопротивление введению суда, затрагивавшего ее интересы. Магнаты упрекали Альфонса X в том, что в трибунале отсутствуют специальные алькальды-идальгос, которые занимались бы рассмотрением дел лиц из привилегированного сословия. Этот трибунал оказался нежизнеспособным. В 1299 г. на кортесах в Вальядолиде он снова был введен, но, как видно, тоже безрезультатно. В 1312 г. Фернандо IV вновь утвердил положение о постоянном трибунале, в который должны были входить двенадцать «добрых людей» от Кастилии, Леона и Эстремадуры.

5. НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА

В XI—XIII вв. сохраняется многообразие государственных поборов и повинностей: фонсадо, фазендера, анубда, инфурсьон, янтар и кондучо, марсадга, посада и др. Система государственных налогов никогда не приходила здесь в такой упадок, какой характерен для большей части Западной Европы раннего средневековья. Но в леоно-кастильской налоговой системе нетрудно обнаружить архаические институты и черты, обычные для раннефеодального государственного устройства. Отсутствие стабильной резиденции и переезды короля со двором из одних городов и вилл в другие вели к сохранению института кормлений. Это выражалось в наличии таких поборов и повинностей, как янтар, кондучо, посада. Большинство поборов и повинностей вплоть до XII в. взималось в натуральной форме.

В XI—XII вв. важным и регулярным источником доходов королевской казны являлась дань, которую выплачивали вассальные мусульманские государства (*ragias*). Когда Фернандо I делил свое королевство между сыновьями, он распределил между ними также ежегодные поборы, причитающиеся от мавров Толедо, Сарагосы, Бадахоса и Севильи. Сбор налогов нередко отдавался в аренду богатым купцам. Так, в 1287 г. Санчо IV

сдал каталонскому еврею Абраму Барчилону все статьи доходов королевской казны, за исключением фонсадера, монета форера и долговых обязательств. Однако в 1288 г. протесты знати заставили короля отменить эту аренду.

Чертой налоговой системы, вполне соответствовавшей сословным принципам феодального государства, было освобождение от налогов светской знати — идадьгос, а также духовенства. Правда, эти привилегии нередко нарушались королевской властью. Так, Альфонс VI во время войны против альморавидов в 1091 г. потребовал и получил от инфансонов и вилланов Леона экстраординарную подать. Подати со знати во время войн короли взимали и в последующий период.

Феодализация государственного устройства, сосредоточение политической власти в вотчине, развитие иммунитетов, а также рост городов с их обширной автономией и вольностями вели к тому, что многочисленные налоги и повинности ускользали из сферы притяжения центрального государственного аппарата.

С XIII в. заметна тенденция к замене прежних податей единым денежным сбором — монета форера. Но финансовые возможности короны и в этот период сужались системой иммунитетов, вольностями городов. Кортесы, создавая дополнительные источники сбора средств для королевской власти, в то же время ограничивали ее в этом отношении. Характерно, что и фондом королевского домена король не мог распоряжаться произвольно. Законы требовали, чтобы он не отчуждал своих наследственных владений ни идадьгос, ни монастырям. Против нарушений этих норм неоднократно выступали в XIII в. кортесы.

6. ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Для военной организации Леона и Кастилии в XI—XIII вв. по-прежнему характерно отсутствие постоянной армии. В мирное время король располагал лишь относительно небольшой наемной дружиной и вассалами, находившимися непосредственно в королевском окружении (меснадерос). На время военных кампаний собиралось войско. Оно состояло из следующих основных частей: 1) королевских отрядов, т. е. людей, призванных из королевских доменов, королевских бенефи-

циариев и меснадерос; 2) отрядов, приводимых сеньорами; 3) ополчений консехос и 4) войск военных орде-нов.

В этот период заметны изменения в социальной структуре войска и в соотношении его родов. Главная роль в комплектовании войска теперь принадлежит идальгос и кабальерос-вилланос, т. е. представителям господствующего класса — собственникам средних и мелких вотчин, а также зажиточным крестьянам и вер-хушке городского населения. Еще в конце XII в. крестьяне играли в войске большую роль, чем в других странах Западной Европы, что бросалось в глаза иноземным наблюдателям. Когда Альфонс VIII был разбит в 1195 г. при Аларкосе альмохадами, во Франции говорили, что король сам виноват в этом поражении, так как он принизил рыцарей и отдал предпочтение крестьянам. Те же, будучи неумелыми во владении оружием, обратились в бегство¹. Для военной структуры ополчения характерно большое значение конницы, хотя по численности она уступала пехоте.

Несмотря на то что формально королю принадлежало высшее военное командование, практически власть короля в военных делах была весьма ограничена привилегиями и вольностями различных сословий и корпораций, и вся военная система оставалась децентрализованной.

Основная масса зависимого крестьянства и значительная часть мелких земельных собственников освобождались от участия в военных походах. В ряде случаев они выплачивали вместо участия в войске налог — фонсадеру. Идальгос обычно должны были служить королю в продолжение трех месяцев в год, но при условии выплаты жалованья. Принцип набора войска за деньги, как известно, применялся в эту эпоху и в других феодальных государствах Европы. Но здесь светская феодальная знать не играла такой определяющей роли в вооруженных силах государства, как во многих других странах Западной Европы. В Леоне и Кастилии особенно важную военную роль играли города и военные ордена. Активное участие в военных походах принимали архиепископ Толедо и епископы. В порядке участия го-

¹ *Bouquet*. Recueil des historiens de la Gaule et de la France, t. XVII, p. 42.

родов в ополчении не было единства: число горожан, направлявшихся в поход, их обязанности, срок службы определялись местными фуэрос.

Вассалы обычно сражались под командованием своих сеньоров; войска орденов возглавлялись их магистрами. Ополчения консехос, как отмечалось, играли большую роль в войнах Леона и Кастилии в XI—XIII вв. Но консехос распоряжались своими военными силами самостоятельно. Пограничные консехос предпринимали небольшие походы нередко произвольно, независимо от центральной власти. Такие военные предприятия особенно часто осуществлялись Авилай, Сеговией, Саламанкой, Мадридом, Толедо. Разрозненные выступления городских ополчений в тех случаях, когда им противостояли значительные силы мусульман, заканчивались разгромом горожан¹.

Характерным примером военной слабости королевской власти в XII в. служит судьба крепости Калатрава. В 1143 г. этот важный в стратегическом отношении пункт на дороге из Толедо в Кордову был отобран у мавров и передан ордену тамплиеров. Позднее тамплиеры, не рассчитывая удержать крепость, вернули ее Санчо III. Король объявил, что отдаст Калатраву тому, кто возьмется защищать ее. Миссию эту взял на себя аббат цистерцианского монастыря св. Марии де Фитейра Раймунд, заложив основы будущего ордена Калатрава.

Военные ордена представляли собой еще более самостоятельную силу, чем города, но сфера интересов орденов выходила за рамки отдельных королевств. Их политические устремления нередко расходились с целями тех королей (Леона или Кастилии), на чьей территории находилась часть их военных сил². Поэтому в общем

¹ В 1132 г. жители Саламанки, узнав о том, что наместник Толедо граф Лара ведет наступление в Андалузии, на свой страх и риск отправились в поход в Эстремадуру. Они дошли до Бадахоса, где их встретило войско мавров. На вопрос мусульманского предводителя, кто возглавляет войско христиан, руководители ополчения Саламанки ответили: «Мы сами себе герцоги и князья». На следующий день большая часть саламанкского войска была истреблена маврами.

² Характерно, что орден мог вести военные действия против мавров и тогда, когда король заключал с ними мир или перемирие. Воины ордена сражались под знаменем магистра и во время присутствия в войске короля.

характер военной системы Леона и Кастилии не подтверждает тезис о высоком уровне централизации этих королевств.

Несмотря на то что короли располагали здесь большей властью, чем во Франции или Германии в период феодальной раздробленности, а городские ополчения и свободные крестьяне играли большую роль в войске, чем в других странах Западной Европы в тот период, в целом военное устройство Леона и Кастилии сохранило феодальные черты

7. КОРТЕСЫ

В XII в. в Леоне возникло представительное учреждение, которое именовалось так же, как и прежние собрания светских и духовных магнатов, созываемые королями, — *curia* или *cortes*. Исследователи едины в том взгляде, что временем возникновения кортесов следует считать созыв таких собраний сословий, в которых участвовали и представители городов. Определенные данные о подобном участии в Леоне относятся к 1188 г. Король Альфонс IX созвал епископов, магнатов и «выборных граждан от отдельных городов». Король клялся на этом собрании, что будет уважать законы и обычаи страны. Он обещал не объявлять войну и не заключать мир без согласия епископов, знати и «добрых людей», чьим советом он должен пользоваться в своем правлении. Король изъявил готовность подчиниться суду своей курии, если будет обвинен кем-либо из подданных, и обещал не мстить истцу.

Декрет Альфонса IX устанавливал строгие кары для тех, кто захватывал или уничтожал чужую собственность, самовольно брал залоги. Устанавливались неприкосновенность жилища и наследственного владения. Тот, кто убил человека, нарушившего этот запрет, не подлежал наказанию. Декрет позволил обращаться с апелляцией в королевскую курию (в соответствии с нормами фуэрос).

Епископы, магнаты и горожане, в свою очередь, принесли клятву в том, что будут верны королю и станут поддерживать справедливость и мир в королевстве.

В Кастилии еще в 1170 г. Фернандо II обращался за советом, помимо высшей знати и духовенства, также к

городским кабальерос¹. Затем представители городов были приглашены участвовать в королевской курии в 1187 г., когда с послом Фридриха Барбароссы обсуждался вопрос о браке инфанты Беренгуэлы с сыном императора Конрадом Гогенштауфеном. Представители 50 городов (*maiores*) наряду с епископами и магнатами поклялись соблюдать условия брачного договора. Но участие делегатов городов носило в данном случае еще ограниченный характер, касаясь лишь указанного вопроса. Однако обычно считают, что горожане выступали в качестве участников кортесов в Кастилии с конца XII — начала XIII в. Мнение В. Пискорского, что началом истории кортесов следует считать 1188 г.², утвердилось в исторической литературе. Труд русского медиевиста до сих пор остается наиболее обстоятельным и тщательным исследованием истории кастильских кортесов.

Раннее участие городов в сословно-представительном органе в Леоне (почти на столетие раньше, чем в Англии) может показаться странным, если учесть экономическое отставание Леона и Кастилии по сравнению с другими странами Западной Европы. Но появление представительного учреждения в Леоне уже в конце XII в., а вскоре и в Кастилии, связано с особенностями исторического развития этих стран — Реконкистой и выдающейся ролью городов в политической жизни.

В XI—XII вв. и Леону и Кастилии приходилось напрягать все силы для ведения войн против мусульман. К тому же эти государства воевали друг против друга и против иных христианских королевств. Короли Леона и Кастилии не всегда могли рассчитывать на поддержку со стороны магнатов и прелатов, проявлявших партикуляристские тенденции. Финансовая и военная помощь городов становилась настоящей необходимостью. В то же время привлечение ресурсов городов, добившихся уже большого экономического значения и политического веса, невозможно было без определенных уступок в их пользу. Проявлением этой политики уступок давно уже служило предоставление им вольностей — *фуэрос*. Сле-

¹ См.: *Guglielmi N.* La curia regia en León y Castilla. Cuadernos de historia de España, XXVIII, 1958, p. 77.

² См.: *Пискорский В.* Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новому времени. Киев, 1897.

дующим шагом этой же политики должно было стать привлечение делегатов городов в представительные органы.

Характерно, что уже на церковных соборах (*concilia*), происходивших в 1050 г. в Коянце и в 1115 г. в Овьедо, присутствовал «плебс» — т. е. простые горожане. Но они играли роль аудитории, а не полноправных участников этих собраний в отличие от магнатов. В это время, к началу XII в., отмечается доступ горожан к королевскому двору для информации короля о нуждах населения и изложения жалоб. Так фуэро, предоставленное Толедо в 1118 г. предусматривают, что «десять из старейшин города» могут являться к королю для изложения жалоб.

Созыву кортесов Альфонсом IX с участием представителей городов в 1188 г. способствовала острая нужда в упрочении позиций королевской власти. На юге Испании усилились мусульмане. Альмохады в 1173 г. захватили Алькантару. Враждебную позицию по отношению к Леону занимали Португалия и Кастилия. В самом королевском доме не было единства. Против вступившего на королевский престол в 1188 г. Альфонса IX интриговала его мачеха.

Заседания кортесов в Бенавенте в 1202 г. уже достаточно ясно характеризует назначение этого представительного органа. Здесь решился вопрос о предоставлении королю денежной субсидии, ставшей в дальнейшем периодичной и получившей наименование *moneda foragea*. Короли зачастую искали выхода из финансовых затруднений в порче монеты. Кортесы 1202 г., на которых присутствовали представители городов, купили у короля право чеканки монеты на семь лет вперед, выплатив огромную сумму — по одному мараведи с каждого человека. Это было в шесть раз больше того, что король мог бы одновременно собрать с населения, не обращаясь к кортесам. На кортесах в Бенавенте рассматривались и другие дела, в частности вопросы об условиях, на которых люди держат земли от церкви, о правах короля на земли, полученные знатными от церкви в качестве бенефициев.

Участие горожан в кортесах не сразу утвердилось. В источниках нет данных о присутствии горожан на кортесах в Торо в 1207 г. и в Бургосе и Вальядолиде в 1215 г. Но позднее их участие стало регулярным. В кортесах

обычно присутствовали представители трех сословий. Но иногда кортесы проходили без участия знати и духовенства, например в Вальядолиде в 1295 и 1299 гг.

Первым сословием в кортесах, в отличие от Франции, считалась светская знать (*estado militar*). С него начиналась подача голосов. Представителями этого сословия были в первую очередь рикос омбрес. Очевидно, они являлись по приглашению короля. По сообщению хроники 1241 г. в кортесах в Бургосе король заседал «с рикос омбрес и людьми с земли» (*con sus ricos ombres et con los de la tierra*). Последние — это представители городов, а также сельских общин, имевших самоуправление и обладавших своим консехо¹. Низший слой знати, инфансоны, идальгос, впервые появились в кортесах в 1250 г. и заседали в дальнейшем не на всех собраниях. Духовенство (*estado ecclesiastico*) тоже состояло из высшего и низшего слоев. К высшему относились архиепископы Сантьяго, Толедо и Севильи, епископы, аббаты, магистры военных орденов. К низшему — клирики капитулов, приходское духовенство. Прелаты присутствовали на кортесах в силу личного своего права, низшее духовенство избирало своих представителей. Но они оказываются в кортесах впервые лишь в 1295 г. и в дальнейшем участвуют в работе этого собрания нерегулярно².

Третье сословие (*estado llano*) состояло из представителей городских общин (*civitates, villae*). Порядок участия городов в кортесах не был строго определенным. В первую очередь, очевидно, посылали своих депутатов города и поселения с территорий самой короны (*realengo*), причем, какие именно города — определял король. Участвовать в кортесах могли лишь поселения, где имелся свой совет (консехо). Если город не имел такого органа или позднее утрачивал право на подобное учреждение, он лишался возможности участвовать в кортесах. Толедо был представлен в кортесах лишь с 1348 г. В отдельных случаях в кортесы привлекались и представители общин, у которых имелись свои сеньоры.

Депутаты от городских общин обозначались как *hombres bonos, alcaldes, cavalleros, de la tierra*, а с 1255 г.

¹ См.: Пискорский В. Кастильские кортесы..., с. 21.

² См. там же, с. 16—20.

обычным становится обозначение *procuradores*. Лишь однажды, в 1268 г., встречается упоминание относительно купцов-mercadores.

Приведенные выше данные о характере городского управления позволяют предположить, что делегатами городов в кортесах были, как правило, представители городской верхушки из наиболее зажиточных идалъгос и кабальерос-вилланос. Об участии в кортесах купеческого и ремесленного населения городов говорить не приходится. Как уже отмечалось, эти категории горожан не занимали сколько-нибудь прочного положения в муниципальном управлении. Единичное упоминание о купцах в кортесах 1268 г. в Хересе, вероятно, объясняется тем, что на этих кортесах обсуждался вопрос о ценах на различные товары.

В некоторых случаях в делегации от общин входили крестьяне. Такое предположение В. Пискорский делал на основании упоминания протоколов кортесов об участии в Хересе в 1268 г. «добрых людей» из селений. Исходя из того, что нам известно о расслоении среди крестьянского населения в XIII в. и комплектовании советов городов и селений, мы можем предположить, что *omes bonos*, попадавшие в кортесы, — это главным образом зажиточная верхушка крестьянства. Но тенденция исторического развития заключалась в устранении их в эту эпоху от представительства. Наиболее яркое проявление эта тенденция нашла позднее, в начале XV в., в петиции депутатов Паленсийских кортесов, которые просили короля не допускать в кортесы крестьян и вообще лиц, принадлежавших к тягловому сословию.

Представители от городов в кортесы назначались путем выборов или жеребьевки. Обычно число депутатов от города не превышало четырех человек. Давая депутатам перечень требований, городские советы тем самым определяли их полномочия. Если на заседаниях возникали новые вопросы, депутаты просили у своих городских общин дополнительных указаний и полномочий.

Созывались кортесы, как правило, по предписанию короля (или замещавших его лиц). Но иногда они собирались без предварительного вызова со стороны суверена, как это произошло в 1282 г., когда депутаты от сословий явились в Вальядолид, чтобы решить вопрос о престолонаследии, вопреки воле Альфонса X. Так было

и в 1295 и в 1313 гг. в Вальядолиде, в 1312 г. в Паленсии¹.

Заседания происходили в различных частях королевства, там, где находилась в данный момент королевская резиденция, чаще всего в Вальядолиде, Бургосе, Медине дель Кампо, Паленсии.

В отдельных случаях депутаты получали содержание в период деятельности кортесов. Так, в 1250 г. Фернандо III предоставил каждому депутату от Сеговии оплату в один мараведи в день, если собрание происходило между Толедо и мусульманской границей, и оплату в половину мараведи, если — к северу от Толедо. Короли гарантировали безопасность для всех лиц, отправлявшихся на заседания кортесов. Но в период усобиц, происходивших довольно часто, делегаты не располагали безопасностью. Это явствует из ответа магнатов в 1271 г. на приглашение Альфонса X явиться на кортесы в Бургос. Они заявляли, что не прибудут на кортесы из-за опасений за свою жизнь до тех пор, пока не будет объявлено всеобщее перемирие².

Заседания происходили нерегулярно, но довольно часто. При Альфонсе X, например (т. е. с 1252 по 1284 г.), — 16 раз, при Санчо IV — 5 раз.

Король открывал заседание, произносил тронную речь. В устной или письменной форме он определял повестку дня и испрашивал мнение кортесов по указанным вопросам. Сословия давали ответы на королевские предложения. Каждое из них совещалось о своих делах отдельно. Сословия представляли королю петиции, составляли указы (*cuadernos*), в которых высказывали свои пожелания. Король изучал эти петиции и отвечал на них, иногда удовлетворяя просьбы депутатов полностью или частично, иногда воздерживаясь от ответа (что означало отклонение).

Продолжительность сессии была различной: от десяти — двенадцати дней до двух месяцев. Со времени Фернандо III созывались совместно кортесы Леона и Кастилии. Но с 1283 г. короли нередко собирали их отдельно, что вызывало недовольство со стороны сословий. В 1301 г. кортесы в Бургосе, где присутствовали только кастильские общины, просили короля собирать кортесы всех частей королевства совместно.

¹ См.: Soule C. Les états généraux en France. Neule, 1968, p. 119

² См.: Пискорский В. Кастильские кортесы..., с. 75—76.

К компетенции кортесов относилось обсуждение самых разнообразных вопросов государственной жизни: законодательства, налогового обложения, внешней политики, престолонаследия. Кортесы оказывали на законодательство не очень значительное влияние, хотя короли порой подчеркивали, что издают законы вместе с кортесами. Так, декрет короля Леона в 1188 г. начинался следующим образом: «Декреты, которые составил Дон Альфонс, король Леона и Галисии в Леоне, вместе с архиепископом Компостелы, со всеми епископами и выборными гражданами королевства». В некоторых случаях кортесы играли при издании законов не только консультативную роль, но и оказывали известное давление на короля. Без согласия кортесов нельзя было отменять ранее изданные законы и фуэрос. В 1258 г. в Вальядолиде кортесы потребовали от короля, чтобы он выполнял все принятые ими решения.

Значение представительного органа в финансовой политике государства отчасти было отмечено выше. Нужда в согласии кортесов на введение новых налогов была важнейшей причиной включения делегатов от городов в это собрание. Известие о первом вотировании налогов относится к 1269 г., когда кортесы в Бургосе разрешили собрать с населения субсидию в размере шести *monedas foreras*¹. Но положение о согласии кортесов на взимание налогов не всегда соблюдалось. Для того чтобы не обращаться по поводу налогов к кортесам, короли нередко прибегали к локальным займам — от городов отдельных областей королевства. Так, например, Фернандо III во время осады Севильи обратился к консехос Галисии с просьбой предоставить ему заем, обещая вернуть долг после получения очередного сбора *moneda forera*. Подобного рода займы носили не всегда добровольный характер. В 1255 г. кабальерос Вальядолида жаловались Альфонсу X на то, что его отец осуществлял принудительные займы. В 1256 г. с такой же жалобой к королю обратились горожане Ривадивии. Альфонс X обещал не прибегать к подобным мерам². Но

¹ См.: Cortes de los antiguos Reinos de León y de Castilla, t. I. Madrid, 1861, p. 150.

² См.: O'Callaghan J. F. The Beginning of Cortes of León — Castile. — «American Historical Review», 1969, June, vol. LXXIV, p. 1528—1529.

в Партиды было включено положение, предусматривавшее, что в некоторых случаях обычай и крайняя нужда могут заставить короля не обращаться к кортесам за разрешением на взимание тех или иных налогов¹. В 1281 г. кортесы в Севилье согласились предоставить королю заем, как пишет хронист, «более из-за страха, чем из-за любви».

На кортесах рассматривались вопросы войны и мира, заключения договоров. Так, в 1195 г. на кортесах в Каррионе было решено начать войну против мавров. В 1288 г. на кортесах в Аро обсуждался вопрос: с кем предпочтительнее подписать договор — с арагонским или французским королем. Вальядолидские кортесы в 1299 г. постановили заключить союз с португальским королем.

Предметом обсуждения на кортесах были притязания Альфонса X на императорскую корону (1266 г., Толедо), отправка отряда рыцарей в Ломбардию (1273 г., Бургос). На кортесах назначались опекуны малолетнему королю.

В деятельности этого органа много места занимали экономические проблемы. К ним, помимо вопросов налогового обложения, относились отчуждение земель короны и порядок передачи земель монастырей и орденов во владение кабальерос, аренда соляных источников, установление цен на скот, меры и веса и др. Некоторые решения кортесов относились к «рабочей политике» государства: установление такс оплаты наемных работников и ремесленников, запрещение создания ремесленных братств. Часто рассматривались вопросы административного устройства и суда, порядок назначения на государственные должности и связанные с этим злоупотребления.

Деятельность кортесов отражала политическую борьбу, происходившую в королевстве между духовной и светской знатью, с одной стороны, горожанами — с другой. В зависимости от обстановки король поддерживал ту или иную сторону. Во второй половине XIII в. явно выросло влияние городов. Но порой знати удавалось навязывать королю свою волю. Так, в 1271 г. магнаты, восстав против Альфонса X, предъявили ряд требований: отменить фуэрос городов, умалявшие права идаля-

¹ См.: *Siete Partidas*, II, 1, 8.

гос на соответствующей территории, ограничить срок службы идалгос королю, избавить их от урона, который наносят им вновь созданные в Леоне и Галисии консехос, и т. д. На кортесах в Бургосе Альфонс X изъясил согласие удовлетворить эти требования. Но чаще в этот период перевес в кортесах оказывался на стороне городов. В 1250 г. Фернандо III по просьбе городских представителей аннулировал грамоты, изымавшие ряд деревень из юрисдикции консехос. В 1286 г. в Паленсии запретили рикос омбрес и инфансонам приобретать виллы из королевского домена. В 1293 г. в Вальядолиде решено было не назначать знатных лиц сборщиками налогов, не давать им в управление города и деревни городских округов, лишить знатных права приобретать земли на территории городов.

«Третье сословие» в кортесах было наиболее активно. Духовенство и светская знать в отдельных случаях выступали с петициями, горожане выдвигали свои требования почти на каждом кортесе.

Наиболее ярким примером того, какого влияния в кортесах достигали депутаты городов, могут служить кортесы в Вальядолиде в 1295 г. Представители городского сословия потребовали от королевы Марии де Молина удаления архиепископа Толедо, других прелатов и светских магнатов. «Если они будут присутствовать, мы не придем ни к какому решению», — заявили эти депутаты. Королева, нуждаясь в поддержке городов, согласилась на удаление знати, несмотря на протесты архиепископа¹.

На этих кортесах городские депутаты выдвинули ряд требований: удалить епископов и аббатов из королевского двора; приглашать в королевский дворец «добрых людей» из городов. Кортесы желали заверений в том, что города и селения из королевского домена не будут впредь жаловаться во владения рикос омбрес, а земли городов, отобранные у них королями Альфонсом X и Санчо IV, им вернут. Депутаты требовали охраны крепостей в городах и селениях доверять кабальерос и «добрым людям» городов. Королевским должностным лицам предписывалось представлять отчеты о собранных на подвластных территориях средствах. На кортесах в Вальядолиде в 1299 г. городские депутаты вновь потребовали, чтобы сбор налогов поручался «добрым

¹ См.: Пискорский В. Кастильские кортесы..., с. 6, 77.

людям», а знатным, которым королем пожалованы крепости в городах, запрещалось захватывать имущество горожан.

Самостоятельные интересы крестьян не находили своего отражения в деятельности кортесов, если не считать отдельных постановлений, которые в известной мере отвечали их нуждам. К ним относятся: запрещение чиновникам произвольно взимать кондучо в бегетриях¹, отбирать у крестьян² в качестве залога быков, используемых для пахоты; требование, чтобы консехос не притесняли крестьян, пытавшихся освободиться из-под их власти³.

О характере и сущности кортесов этого периода в исторической литературе высказывались различные суждения. Еще в начале XIX в. испанский историк Мартинес Марина оценивал кортесы как представительное учреждение, ограничивавшее власть короля. В. Пискорский подчеркивал «резко выраженный демократический характер» этого учреждения⁴, Л. Вальдеавелльяно отмечал реальное значение кортесов в политической жизни Леона и Кастилии. Без их согласия король не мог отменять законы и фуэрос⁵.

Еще более высоко оценивают значение кортесов А. Баллестерос и К. Санчес-Альборнос. Последний именует декрет Альфонса IX от 1188 г. «Великой испанской хартией» (*Carta magna española*). Эта хартия, по его мнению, стоит выше английской Великой хартии вольностей. Для последней характерно стремление обеспечить привилегии знати и ограничить авторитет суверена. Испанская же хартия продиктована стремлением народа обеспечить мир и справедливость, противодействовать нарушениям справедливости со стороны магнатов, не допускать расточительства в пользу клира, править «в согласии со всеми тремя классами»⁶.

¹ См.: Cortes, I, p. 58—59.

² См.: *ibid.*, I, p. 80.

³ См.: O'Callaghan J. F. *The Beginning of the Cortes...*, p. 1530. См. также: Пичугина И. С. Крестьянство и кортесы Кастилии во второй половине XIII — первой половине XIV в. — В кн.: Европа в средние века. М., 1972.

⁴ См.: Пискорский В. Кастильские кортесы в переходную эпоху..., с. 1.

⁵ См.: Valdeavellano L. G. de. *Op. cit.*, p. 467.

⁶ Sánchez-Albornoz C. *España — un enigma histórico*, t. II, p. 82—83.

Иной взгляд высказывали М. Торрес Лопес, Д. О'Каллагэн, Г. Пост. Согласно их точке зрения, кортесы представляли собой лишь консультативный орган, находившийся под руководством и контролем монарха¹. О'Каллагэн возражал против сопоставления декрета Альфонса IX с Великой хартией вольностей, отмечая, что он не был вырван у короля мятежными баронами или горожанами. Инициатива его издания принадлежала королю, который стремился положить конец насилиям и ради этого хотел получить поддержку горожан против склонной к мятежам знати. Декрет этот не подтверждался последующими правителями, и население Леона и Кастилии не видело в нем источника своих свобод.

По мнению Х. Мануэля Перес-Прендеса и Муньоса де Аррако, испанские средневековые кортесы нельзя отождествлять с французскими Генеральными штатами или английским парламентом. Знать и клир являлись в кортесы в качестве представителей политико-административного аппарата, а не сословий. Депутаты от городов противостояли в кортесах не королю, а верхушке клира и знати, высшим должностным лицам администрации². Центральный стержень деятельности кортесов — это предоставление суверену совета и помощи. Кортесы не являлись органом, ограничивавшим королевскую власть. Наоборот, кортесы были инструментом, управляемым монархом³.

И. С. Пичугина на основании анализа политики кортесов в XIII—XIV вв. по отношению к крестьянству делает вывод, что тезис о демократическом характере кортесов «должен быть подвергнут если не пересмотру, то по крайней мере уточнению»⁴.

Кортесы Леона и Кастилии, как и сословно-представительные учреждения других стран Европы, представ-

¹ См.: *O'Callaghan J. F. Beginning of the Cortes of León-Castille...*, p. 1514—1515; *Post G. Studies in Medieval legal Thought*. Princeton, 1964, p. 79, 117—118.

² См.: *O'Callaghan J. F. The Beginning of the Cortes...*, p. 1514—1515; *Post G. Studies in Medieval legal Thought*, p. 79, 117—118.

³ См.: *J. Manuel Pérez-Prendes y Muñoz de Arraco. Cortes de Castilla y Cortes de Cadiz*. — «*Revista de estudios políticos*», 1963, N 126, p. 368—369.

⁴ Пичугина И. С. Крестьянство и кортесы Кастилии во второй половине XIII — первой половине XIV в. — В кн.: Европа в средние века, с. 194.

ляли собой специфический орган политической системы феодального государства. Они выполняли консультативные функции, но не ограничивались ими. Это показывают приведенные выше данные о вотировании экстраординарных налогов и представлении королю петиций, излагавших требования сословий относительно управления. Кортесы являлись ареной борьбы между знатью и городами. Стремление как тех, так и других закрепить свои требования постановлениями кортесов ясно показывает реальное значение этого органа во второй половине XIII в. Кортесы ограничивали короля в некоторых сферах управления, прежде всего финансовой, но не располагали достаточными средствами для претворения в жизнь своих решений. Характерно, что, стараясь добиться удовлетворения своих требований от короля, и знать и города вынуждены были создавать хунты и германдады. Возникновение кортесов отражало существенную черту социального устройства Леона и Кастилии в XII—XIII вв.: рост влияния городов и соответствующие изменения в социальной базе королевской власти. Она опиралась теперь в известной мере на консехос и вынуждена была в своей политике учитывать их интересы.

Преобладание городских представителей в сословно-представительном учреждении к концу XIII в. — это особенность Леона-Кастильского королевства. Деятельность кортесов в известной мере ограничивала королевскую власть. Но демократичность кортесов и их роль в политическом устройстве не следует преувеличивать. Нужно учесть, что делегатами городов в кортесах были представители верхушки консехос, в основном кабальерос. Основная масса податного городского населения, пеоны, не говоря уже о крестьянах, находившихся под властью сеньоров, практически не участвовала в представительном органе.

Своеобразие леона-кастильского представительного учреждения связано с особенностями городского развития в этих странах. Относительно слабое и замедленное развитие ремесла и торговли, малое значение купцов и ремесленников в политической жизни городов объясняют тот факт, что данные социальные слои не играли активной роли и в кортесах. Если в Англии и Франции купеческо-ростовщическая верхушка горожан — это типичные породские представители в парламенте и Генераль-

ных штатах¹, если гости и купцы — обычные участники земских соборов на Руси в XVI в.², то в Леоно-Кастильском королевстве основные представители городов — это кабальерос и отчасти пеоны из зажиточных городских земледельцев.

Отражая известное расширение социальной базы королевской власти, кортесы по характеру своей деятельности не выходили за рамки интересов королевской власти и господствующего класса в целом. Вместе с тем возникновение кортесов в Леоне и Кастилии на рубеже XII—XIII вв. знаменует собой эволюцию политического устройства этих стран — формирование монархии с сословным представительством. Социальная природа данной монархии явственно обнаруживается в ее политике по отношению к основным классам леоно-кастильского общества — крестьянам, с одной стороны, знати — с другой. Государство обеспечивало наибольшие выгоды от Реконкисты светским магнатам и церковным корпорациям.

Основная тяжесть налогового бремени возлагалась на крестьян в деревнях и пеонов в городах. Государство закрепляло зависимое состояние масс крестьянства, хотя эта зависимость не выражалась в крепостничестве. Все это — признаки феодальной природы Леоно-Кастильского государства.

¹ См.: Гутнова Е. В. Возникновение английского парламента. М., 1960, с. 400, 413; Денисова Н. А. К вопросу о политической роли горожан в Генеральных штатах Франции начала XIV в. — «Вестник МГУ». Сер. IX, история, 1966, № 3, с. 67.

² См.: Тихомиров М. Н. Сословно-представительные учреждения в России XVI в. — «Вопросы истории», 1958, № 5.

Военные ордена

В общественной жизни Испании в XII—XIII вв. выдающуюся роль играли военные ордена. В начале XII в. в Каталонии и Арагоне появились тамплиеры и госпитальеры. Вскоре они распространили свою деятельность на Леон и Кастилию. Но большой военной роли эти ордена в Испании не сыграли. Важное значение в борьбе против мусульман имели ордена, возникшие на испанской почве, — Сантьяго, Калатрава и Алькантара и ряд других, но особенно первые два.

Орден Сантьяго образовался в 60-х гг. XII в. с целью борьбы против мавров, а также ради защиты паломников к гробнице апостола в Компостеле. Вначале орден носил наименование «Братья Касерес» по имени города, отвоеванного у мусульман и подаренного ордену королем Фернандо II в 1170 г. В 1174 г. Альфонс VII пожаловал ордену виллю Уклес, ставшую центром ордена.

Орден Калатрава создан был членами ордена цистерцианцев, взявшими на себя защиту крепости Калатрава в 1158 г. Он утвердился как самостоятельный орден, но с цистерцианским уставом в 1164 г. В 1196 г. Калатраве были переданы владения ордена Трухильо.

Орден Алькантара (первоначально именовался орденом Сан Хулиан де Перейро) образовался для защиты одноименной крепости около 1166 г. Вначале этот орден зависел от ордена Калатравы, но с 1183 г. получил такую же самостоятельность, как и другие ордена.

Войска орденов (главным образом — конница) сыграли важную роль в борьбе против альмохадов. Кабальерос Калатравы и Сантьяго в 1182 г. участвовали во взятии Аларкоса (южнее Куэнки). Отряды Сантьяго, Калатравы и некоторых других орденов активно участвовали в 1212 г. в битве при Лас Навас де Толоса. Орден не подчинялись испанской церкви, а лишь непосредственно папе. Они вмешивались в политическую борьбу, происходившую в тех христианских королевствах, на территории которых были расположены их владения. Магистры орденов входили в королевские курии, участвовали в деятельности кортесов. Ордена были

тесно связаны с внутренними усобицами в Леоне и Кастилии. Так, например, при Альфонсе X магистры Калатравы и Сантьяго выступили на стороне инфанта против короля. В ходе этой борьбы войска орденов подавляли восстания в городах, находившихся в противоположном лагере.

О внутренней организации орденов можно судить по устройству ордена Сантьяго, которое лучше освещено в источниках и специальной литературе. В состав ордена входили клирики и миряне — кабальерос (*freires, fratres*). Последние могли иметь семьи. Сервы в ордена не принимались. Клириков возглавлял приор, кабальерос — комендадор. На клириках лежали лишь религиозные обязанности и обучение детей кабальерос. Они получали десятую часть военной добычи, захваченной орденом. Вступая в орден, кабальерос отдавали ему все свое имущество или часть его. Обычно часть этого имущества оставалась пожизненно в их владении, но завещалась ордену. Судьба достояния кабальеро, связавшего свою судьбу с орденом, и правила раздела военной добычи определялись специальным контрактом. Вступая в орден, кабальеро принимал обет бедности, послушания и целомудрия.

Во главе ордена стояли магистр с тремя помощниками и генеральный капитул. Магистр руководил хозяйственной и военной деятельностью ордена, назначал приоров и комендадоров, принимал обеты. Он не пользовался абсолютной властью. Магистр должен был совещаться по важнейшим вопросам с советом («Советом тринадцати»). Совет мог сместить его, если приходил к заключению, что деятельность магистра бесполезна или вредна для ордена. Как разъяснял в 1246 г. папа Иннокентий IV, вредным для ордена следовало считать того магистра, который отчуждал замки и наследственные владения ордена и расходовал больше, чем приобретал; бесполезным становился тот, кто по состоянию здоровья не мог выполнять свои функции.

Приоры занимались чисто религиозными делами. На комендадоров возлагались военные и административные обязанности. Они следили за поступлением доходов, распределяя их между кабальерос. У ордена Сантьяго были такие комендадоры в Авиле, Куэнке, Македа, Сан-Эулалиа, Мора, Ореха, Уклес — в Кастилии; Памеле — в Португалии; Лойо, Бенавенте и Сан Маркос — в Лео-

не. Имелись главные комендадоры для Кастилии, Леона и Португалии¹.

Ордена представляли собой мощные хозяйственные организации. Их владения возникли в результате дарений со стороны королей, церквей и частных лиц, а также в результате собственных завоеваний мусульманской территории.

О том, насколько щедры были королевские пожалования орденам, можно судить по тем дарениям и привилегиям, которые ордены Сантьяго и Калатрава получили от короля Леона Фернандо II, короля Кастилии Альфонса VIII и короля Леона Альфонса IX.

Эти пожалования распределялись по годам следующим образом:

Годы	От короля Фернандо II	От короля Альфонса VIII
1	2	3
Пожалования ордену Сантьяго		
1171	Замок Альмофог, долина Альбуэра с наследственными землями и замком	Замок де Мора, вилла де Мазароте и ряд домов в Толедо и Македа
»	Замок Альконхер	Замок в Ореха с землями и деревнями
1172	—	Замок в Алярилла на Тахо
1174	—	Замок и вилья в Уклесе с землями и виноградниками
1176	Кастротораф	Дома в Куэнке, крепость, два солара, водяное колесо, мельница и деревня в Вивес с землями
1176	Госпиталь в Вивей	—
1178	—	Десятина с соляных источников в Белинчоне
1180	Местечко (или вилья) Виллалуган	Замок Пьедранегра
1181	Подтверждаются ранее сделанные дарения 40 вилл и отдельных земельных участков	—
»	Два местечка Вальдорна и Виллафилья со всеми людьми	—

¹ См.: *Martin J. L. Orígenes de la Orden de Santiago 1170—1195.* — «Anuario de Estudios Medievales», 1967, N 4, p. 578—581.

1	2	3
1182	Сан-Мария де Монта Гаудио, долина де Нейра, Линарес, Падермиелло	Замок Алкубилла со всеми владениями, с колласос, домами, соларами, обработанными и пустующими землями
1184	Деревня Виллоруэла, близ Саламанки	—
1185	Замок Собресково близ Саламанки и наследственные земельные владения	Вилла Ареньос в Пернии вместе с колласос, соларами, обработанными землями и пустошами
»	Алион	Замок Эспечель на Тахо; Деревня Виллануэва с владениями, водами;
»	—	Дома в Талавере
1186	Наследственные земли в Сальседо;	Половина десятины со всех королевских десятин в Трухильо и его округе и треть церквей в округе и половина епископских прав в ней же
»	Половина долины Фенар;	
»	Земля в Пуэнте де Беренесга;	
1186	Вилья в Сальседо;	
»	Замок в Требеха	
1188	—	Виноградники в Талавере;
»		Десятины в Меллине

Годы	От короля Альфонса IX	От короля Альфонса VIII
1	2	3
1189	—	Вилла в Туданке со всеми владениями, колласос, соларами
1192	Королевский домен в Кабилос, близ Саморы	—
1194	Десятины с имений в Лимии и Лемосе, десятины с топедо в Леоне, Саморе, Астурии	Крепость в Аларконе, деревни Вилласилья и Вилламендро, многие наследственные владения, деревни вместе с колласос
»	—	Половина портазго в Аларконе и Валера вместе с Виласилья и Вилламендро в обмен на замок Аларкон и деревню Лас Гаскас
1195	Деревни в Барруэкопардо и Паломеро	Замок и вилья де Паракуэллос вместе с колласос
1201	—	Мост и владения в Вальтабальдо

1	2	3
1201 1205	—	Деревня Вальтабальдо; Замок в Карабанчелесе со всеми владениями

Пожалования короля Альфонса VIII ордену Калатрава:

Годы	Объекты пожалований
1158	Вилла Калатрава (ордену цистерцианцев); Деревня
»	Сиругарес.
1168	Замок де Чилон с рудниками (пополам с графом
	Нуньо).
1171	Вилла Ормилла близ Нахеры со всеми землями, кол-
	ласос.
1173	Замки, отвоеванные орденом у мавров.
1174	Площадь в Толедо.
»	Замок в Зорите и вилья вместе с колласос;
»	Одна пятая часть городов, замков и вилье, отвоеван-
	ных у мавров.
1175	Замок и вилья в Альмогера.
1176	Коголлудо с замком и виллой, деревнями;
»	Замок и вилья в Авеха;
»	Деревня Мокехон в окрестностях Толедо;
»	Три деревни в окрестностях Зориты.
1186	Кварталы Квинтаниллы де Рио де Фреснос в приго-
	роде Амахи и монастырь Сан Феликс с землями и кол-
	ласос.

Фернандо реже одаривал орден Калатрава, чем орден Сантьяго. Но в 1178 г. этому ордену была предоставлена вилла де Пинос, в 1181 г. — королевский домен в Нава и в двух других местах, в 1183 г. — земельные владения в Валле, близ Масилла и Корнехос.

Помимо пожалований земель и крестьян, ордена получали от королей различные субсидии и льготы. Так, например, в 1173 г. Альфонс VIII пожаловал ордену Сантьяго пять процентов денежных выдач, причитавшихся его кабальерос и вассалам¹. В 1182 г. было уста-

¹ См.: *González J. El reino de Castilla...*, t. II, p. 307.

новлено, что магистр и кабальерос этого ордена получают содержание, когда направляются в королевскую курию.

Предоставлялись льготы и для зависимого населения владений ордена, что создавало более благоприятные условия для хозяйствования в этих вотчинах. В 1188 г. Альфонс VIII освободил крестьян во владениях ордена Сантьяго к северу от Дуэро от петитум (экстраординарного побора) и ограничивал их участие в фонсадо¹. Фернандо II постановил, что кабальерос во владениях ордена должны вносить магистру нунсьо так же, как и другие кабальерос Леона выплачивали его своим сеньорам.

Важное значение для экономических интересов орденов и для упрочения их сеньориальной власти имело то обстоятельство, что королевские пожалования земель орденам обычно включали в себя и иммунитетные привилегии.

Ордена получали дарения также от светских магнатов, церквей и монархов иностранных государств. Орден Калатрава в 1165 г. получил дарения от графа Эрмесенде, в 1172 г. — от графа Нуньо (половину поселения де Асека), от доньи Марии де Альменара (земельное владение в Талавере), от графини Эльвиры (виллы в Астурии) и от ряда других магнатов². Архиепископ Компостелы предоставил ордену Сантьяго половину доходов церквей в Саморе, Саламанке и Сиудад Родриго, все доходы в Трансьерре и Авиле, часть доходов в Ледесме³. Магистр этого ордена получал дарения от португальского короля. Ему давали бенефиции французский король Филипп II и в Англии Генрих II⁴.

Огромные доходы ордена получали в результате захвата военной добычи, в частности пленных мавров, которых продавали в рабство. Орден Сантьяго собирал пошлины со скота, который перегоняли с мусульманской территории в горы Толедо, а затем обратно на юг. Орден сам располагал огромным количеством скота, что позволило ему сто лет спустя контролировать Месту⁵.

Сеньории орденов именовались маэстразгос (maest-

¹ См.: *González J.* El reino de Castilla..., t. II.

² См.: *Ibid.*, p. 878—879.

³ См.: *Ibid.*, p. 573—575.

⁴ См.: *Martín J. L.* Orígenes de la Orden de Santiago, p. 590.

⁵ См.: *Ibid.*

razgos). Испанские короли, щедро жалую земли орденам, в то же время старались не допускать создания сплошных комплексов их территориальных владений. Так, сеньории ордена Сантьяго находились в разных областях: в Куэнке, области с центром в замке Уклес; в районе Толедо—Оканья, Квинтанар де ла Орден; в Ла-Манче — Виллануэва де лос Инфантес; в Эстремадуре — Ллерена, Мерида, Усагре. Маэстразгос ордена Калатравы были расположены на юго-востоке провинции Сиудад Реаль, на территории от Охос де Ла Гвадиана на севере до Сьерры Морены на юге. Маэстразгос ордена Алькантары сосредоточились в некоторых областях Эстремадуры и Саламанки, включая Алькантару в провинции Касерес и Аланхе в Бадахосе. К югу от Толедо находились сеньории ордена госпитальеров, с центром в Консуэгре.

Сфера экономических интересов орденов не ограничивалась указанными территориями. Она была значительно шире. «Телячья книга бегетрий» свидетельствует о том, что ордена имели владения во многих мериндадах Кастилии. Из этой книги видно, что ордена, подобно другим крупным сеньориям, нередко поглощали свободные деревни, постепенно внедряясь в них, устанавливая свою власть над частью крестьян селения. Деревня Агиляр де Кампо (мериндад Вилла Диего) являлась, например, к началу XIV в. частично бегетрией, частично владением ордена иоаннитов. В Арниеллас де Муньо (мериндад Салданья) ордена Сантьяго принадлежали два солара¹.

Ордена нередко захватывали деревни и земли, принадлежавшие городам, иногда полностью подчиняли консехос своей власти. Размеры владений ордена Калатрава можно определить следующими цифрами: ему принадлежало более 350 поселений и вилл с населением в 200 тыс. человек. Ордена имели особые привилегии в праве приобретения земель. Так, Альфонс IX предоставил в 1229 г. ордену Сантьяго право покупать наследственные земли магнатов, идалъгос, земли людей из бегетрий, клириков и горожан, за исключением тех, которые были предоставлены им для заселения или по особому праву.

Ордена следили за сохранением и умножением своих

¹ См.: Becerro, p. 118.

экономических ресурсов. Орден госпитальеров, например, во второй половине XII в. вступал в конфликты с архиепископом Толедо и епископом Авилы из-за церквей этих городов. Папа Целестин III в 1193 г. призвал орден уделить главное внимание борьбе против мусульман и не вмешиваться во внутренние дела христианских королей¹. Альфонс X настаивал на том, чтобы орден Калатрава, центральная резиденция которого находилась в Альмагро, перенес ее на юг, поближе к мусульманской границе. Но орден, не желая ослабить свой контроль над принадлежащими ему сеньориями, уклонился от этого.

Вотчины орденов по своей структуре и ведению хозяйства мало отличались от других крупных сеньорий. В маэстразгос во многих случаях имелся домен. От крестьян относительно часто требовали барщину, довольно обстоятельно регламентируемую. Размеры ее, как это обычно для Леона и Кастилии, не очень велики. Чаще всего — один день в месяц, иногда — два дня. При этом те крестьяне, у которых имелись упряжки быков, выполняли барщину со скотом, те, у кого быков не было, — ручные работы. Держатели наделов вносили также оброки и поборы в натуральной и денежной форме — инфурсьон, мартиньегу, янтар. Иногда применялись баналитеты.

Наличие иммунитетных привилегий давало администрации маэстразгос возможность осуществлять юрисдикцию по отношению к населению вотчины. В случае призыва в войско люди сеньории должны были идти в поход под командованием магистра ордена.

Из ряда фюэрос явствует, что администрация ордена старалась удержать крестьян в личной зависимости от сеньории и сохранить право собственности на обрабатываемые ими наделы. Держатели должны были признавать свою вассальную зависимость от ордена и не могли иметь других сеньоров; наследственные наделы им разрешалось продавать лишь крестьянам сеньорий ордена. Делать пожалования из своего имущества церквям держатели не имели права: желавшие совершить богоугодное дело должны были пожертвовать имуществом ордену.

¹ См.: *Gutton F. L'ordre de Calatrava. Paris, 1955, p. 65.*

Положение держателей во владениях орденов было столь же дифференцированным, как и в других сеньориях. На севере, в Астурии, Галисии, Старой Кастилии на крестьянах лежали более обременительные повинности, чем в пограничной с мусульманами территории на юге.

Маэстразгос представляли собой в XII—XIII вв. феодальные сеньории того же типа, который характерен для королевства Леона и Кастилии в данную эпоху. Военные ордена включались по своему экономическому и политическому положению в состав господствовавшего в этих королевствах класса, но занимали в нем особое положение, отличное от статуса других церковных корпораций и светских сеньорий. Пользуясь привилегиями церковных корпораций, ордена располагали в то же время военной мощью, которая в ряде случаев соперничала с вооруженными силами светской знати и городов.

Ордена представляли собой ударную силу Реконкисты. Но, будучи крупными феодальными сеньориями, они не могли служить надежной опорой королевской власти в ее централизаторской политике.

Получая привилегии и субсидии от королей, ордена одновременно занимали довольно самостоятельное положение в королевствах. И материальная база орденов и политические их интересы были шире рамок изучаемых королевств. Политика орденов, пытавшихся сохранять независимость по отношению к национальным государствам полуострова, в конечном счете приходила в противоречие с интересами королевской власти. Это привело к тому, что, хотя военные ордена в Испании обладали большей жизненной силой и имели более глубокие корни в национальной почве, чем в других странах Западной Европы, они в конечном счете разделили судьбу прочих подобных корпораций. В XV в. владения орденов отошли к короне.

Классовая борьба

Эксплуатируемые массы населения оказывали сопротивление господствующему классу и государству в формах, обычных для стран феодальной Европы. Наиболее распространенными видами борьбы были непризнание крестьянами своего зависимого состояния, отказ населения от соответствующих повинностей в пользу сеньоров, уход из своих сеньорий на новые земли, в свободные виллы и, наконец, восстания.

Своеобразной чертой социальных конфликтов данного времени служит то, что они разворачиваются теперь не только в деревнях, сеньориях, но и в городах. Здесь опять же различимы две формы столкновений: 1) между горожанами, с одной стороны, сеньорами и королевскими должностными лицами — с другой, и 2) борьба внутри городов — между верхушкой виллы, кабальерос, и основной массой городского населения.

В источниках часты упоминания о столкновениях между крестьянами и сеньорами по поводу взимания различных оброков и служб, из-за которых между ними велись тяжбы. Так, например, в 1050 г. велась упоминавшаяся выше тяжба между крестьянами деревни Альверемос, переданными доньей Мариной по завещанию монастырю Селанова, и их сеньорой. Представитель последней Педро Ревелис утверждал, что после того, как в эту землю пришли мавры, люди «впали в гордыню» и не захотели выплачивать оброки и нести службы ни донье Марине, ни монастырю. Крестьяне прислали на судебное заседание трех своих выборных представителей. Они заявили, что никогда никому не несли служб, кроме тех лиц, которым они сами согласны были служить на правах бегетрии. Но суд встал на сторону их сеньоры¹.

Крестьяне упорно боролись против стремления сеньоров взимать с них маньерию или нунсьо. Так, в 1183 г. сеньор виллы де Аррояль (близ Бургоса) после смерти одного из соседей пытался захватить его дом и владе-

¹ См.: *Hinojosa E. Documentos...*, p. 23—25.

ния, лишив сыновей этого крестьянина всего движимого имущества из отцовского наследства. Соседи выступили все сообща (*in commune*), заявив, что обиду, нанесенную одному из них, они считают нанесенной им всем. Крестьяне обратились с жалобой к королю, и тот после тщательного расследования установил, что сеньор действовал вопреки обычаю¹.

Судебные процессы по поводу социального статуса крестьян происходили и в XIII в. Примером может служить тяжба между крестьянами поселений Сан Висенте де Мурос и Сантьяго с церковью Луго. Майордом этой церкви требовал от крестьян внесения фонсадеры и прочих повинностей, причитавшихся с вилланов. Крестьяне направили в суд своего адвоката, который доказывал, что его подзащитные справедливо отказываются от несения повинностей, ибо они люди «из бегетрии от моря до моря».

Отказы крестьян от выполнения повинностей были столь обычным явлением, что ряд фуэрос назначают за это специальные кары. Особенно часто говорится о штрафах, взимаемых с тех, кто уклоняется от несения барщины или плохо ее выполняет. Так, фуэро Сан Мигель де Эсклада (1173 г.) устанавливает: «Если кто-нибудь, будучи призван на барщину, не явится или не выполнит добросовестно работу, внесет в качестве штрафа одного барана в присутствии 3-х или 4-х добрых людей». Уклонение от выплаты оброка в течение года наказывалось в некоторых случаях отобранием наследственного земельного надела. Штрафы взимали также с тех, кто отказывался нести службу посыльного (*mandaderia*), принимать на себя обязанности мерино сеньории, выступать в роли присяжного и пр. Характерно, что крестьян, уклонявшихся от таких служб, фуэрос, называют бунтовщиками (*rebeldes*). Бунты крестьян, сопротивление должностным лицам были в XI—XIII вв. повседневным явлением.

В документах, прилагаемых к фуэро Кастрохериса, содержится, в частности, описание периодически повторявшихся попыток королевских агентов захватывать заложники у людей Кастрохериса и реакция последних: «В эти дни явился Дидако Перес и взял в качестве залога наш скот и отправился в виллу Силос. И мы пошли

¹ См.: *González J. El reino de Castilla*, t. II, p. 699—700.

вслед за ним, разграбили эту виллу и дворец, убили там пятнадцать человек, и нанесли большой ущерб, и силой отобрали наш залог... В это время пришел мерино от инфанты донны Урраки, захватил залогов и отправил их во дворец этой инфанты в вилле Лейнас. И мы пошли вслед за ним, и разгромили виллу и дворец, и выпили там столько вина, сколько хотели, а то, что не смогли выпить, вылили на землю...»¹

Захват имущества в залог, судя по некоторым документам, играл также и роль наказания по отношению к бунтующим крестьянам. Альфонс VIII, например, взяв под свое покровительство монастырь Силос в 1177 г., предупредил, что если какая-нибудь вилья или колласос поднимут мятеж, у виновных отберут имущество в залог. Саагуну же, как особая привилегия, было дано обещание, что у колласос-виноделов монастыря не будет отбираться в залог имущество ни в связи с войной, ни из-за бунта. Церковным корпорациям особенно трудно было обеспечить постоянное принуждение крестьян к выполнению повинностей. В одну из важнейших задач комендерос здесь, как и фогтов в Германии, входило обеспечение церкви или монастырю постоянного поступления ренты от зависимых людей². В фуэрос можно иногда найти шкалу штрафов, взимаемых с тех, кто бунтует против должностных лиц — алькальдов, судей и прочих³.

Соппротивление крестьян взиманию повинностей в специфических условиях Реконкисты оказывалось нередко более действенным, чем в других странах Западной Европы. Об этом свидетельствуют многочисленные фуэрос, где содержатся положения, освобождающие население от различных служб или фиксирующие их размеры. Короли и сеньоры вынуждены были идти на подобное ограничение норм эксплуатации крестьян, так как те часто прибегали к другому средству сопротивления — уходу.

Самостоятельные восстания крестьян в рассматриваемый период чаще всего не выходили за рамки отдельных деревень, как это характерно для феодальной Европы данной эпохи в целом. Отличие состояло, быть может, в том, что крестьяне здесь, по сравнению с их со-

¹ Muñoz T. Colección..., p. 39—40.

² См.: Santoz Diez. J. L. Op. cit., p. 66.

³ См.: González J. El reino de Castilla, t. II, p. 574.

братьями к северу от Пиренеев, лучше вооружались и не отвыкали от военного дела. Более широкие размеры восстания крестьян принимали тогда, когда они совпадали с городскими бунтами.

Наиболее крупные городские движения XII в. относились к поселениям, находившимся в это время еще под властью сеньоров (как правило, церковных) в Леоне и Галисии. К числу таких движений относится восстание, происходившее во владениях Саагуна. В XI в. монастырь получил много дарений от короля и частных лиц и являлся к концу XI в. одним из крупнейших землевладельцев. Возле Саагуна появился бург, где сконцентрировались ремесленники различных специальностей (портные, сапожники, скорняки, оружейники, плотники и др.), а также купцы. Это были выходцы из Франции и испанцы. Монастырь стремился удержать в полной зависимости от себя и сельское, и городское население.

В 1085 г. Альфонс VI предоставил монастырю фуэро, согласно которому за крестьянами фактически закреплялся статус колласос. Их обязали выплачивать монастырю денежный пенз за пользование землей. Если земельный участок не обрабатывался в течение года, аббат мог вернуть его себе. Продавать свой надел держатель мог лишь с разрешения аббата. Горожанам не разрешалось приобретать земли вне города.

Все население монастырских владений подчинялось баналитетному праву: обязано было пользоваться хлебными печами и виноградным прессом монастыря с выплатой определенных поборов. Крестьяне не имели права рубить монастырский лес под угрозой денежного штрафа. В XIII в. в Саагуне имели место собрания жителей (*conspilia*), на которых регулировались некоторые вопросы экономической жизни, утверждались акты продаж и дарений. Но функции таких собраний носили весьма ограниченный характер. Аббату принадлежала юрисдикция по отношению ко всему населению его владений; монастырские власти взимали вергельды и композиции с лиц, виновных в убийствах и других правонарушениях.

В Саагуне существовал также обычай, не часто встречавшийся в Леоне и Кастилии: жители владений монастыря не могли продавать вино, пока не продали свое вино монахи, и не имели права закупать ткани, ры-

бу и дрова, пока не сделал соответствующие закупки монастырь. С таким положением не желали мириться ни горожане, ни крестьяне. Согласно фуэро 1087 г., которым король подтвердил пожалованные монастырю два года назад права, аббат и монахи жаловались ему, что «люди в вилле не подчиняются ни им, ни меринос, ни судьям, ни сайонам, ни другим должностным лицам и не считаются с властью и привилегиями, предоставленными королем монастырю». Король снова предоставил аббату полную власть и юрисдикцию над населением. Это вызвало дальнейшее обострение противоречий между горожанами и крестьянами, с одной стороны, монастырем — с другой.

В 1096 г. аббат монастыря вынужден был отменить печной баналитет. В 1110 г. он отказался от маньерии, призывая жителей Саагуна не устраивать беспорядков. Но это не удовлетворило население Саагуна. Анонимный автор истории Саагунского монастыря, не скрывающий своей ненависти к участникам мятежа, отмечает, что горожане благодаря торговле обогатились, а после этого они «стали гордыми и высокомерными, как это случается в таких условиях с людьми «подлого звания»¹.

Восстания ускорили усобицы в стране, связанные с конфликтом между Урракой, королевой Кастилии, и ее мужем, королем Арагона Альфонсом I. Если саагунские монахи (в том числе и французы) поддерживали в 1117 г. Урраку, то горожане пошли на соглашение с Альфонсом. Войска арагонского короля вступили в страну, заняли Саагун. Горожане взяли за оружие, разгромили дворец и пытались убить аббата, которому удалось скрыться в церкви. Одновременно произошло восстание крестьян. Хронист сообщает: «В эти времена все крестьяне (*rusticos labradores*) и простой народ (*menuda gente*) объединились, составив заговор против своих сеньоров, с тем чтобы никто из них не выполнял своим сеньорам установленных служб. И этот союз они называли «эрмандадой». Далее в хронике рассказывается, что крестьяне бродили по рынкам и виллам, провозглашая эрмандаду. Если кто-либо отказывался присоединиться к ней, его дом разрушали. Восставшие напа-

¹ *Escalona R. Historia...*, Apend, III, Escr. CXVIII, CXIX, CXXX, CXLII; Apend. I, CXIII.

дали на сеньоров, громили королевские дворцы, дома знатных персон и епископов, церкви, отказывались подчиняться аббатам и т. д. Крестьяне отказывались нести повинности в пользу сеньоров. Тех, кто настаивал на выполнении служб, убивали. «Если же кто-либо из знатных оказывал им помощь и проявлял благожелательность, они готовы были признать его своим королем и сеньором»¹.

Аббат Саагуна бежал в Леон. Движение приобрело большой размах. Восставшие разгромили виллы и церкви на всей территории от Паленсии до Асторги. Крестьянское восстание вышло за узколокальные границы отдельной вотчины или деревни. Описание восстания хронистом напоминает сообщения французских памятников XIV в. о Жакерии: «...мало-помалу все виллы были обращены в прах железом, голодом и огнем; было разграблено все, что находилось в домах, вся мебель и утварь; а то, что не могли унести, бросали в огонь; разграбили хлеб, вино, скот; людей либо уводили в качестве пленных, либо убивали...»

В самом же буре Саагун в восстании участвовали не только знатные (*ricos y nobles*), но, по словам хрониста, и дворовые люди, портные, сапожники и люди «самого низкого состояния» — из тех, кто работает в подземных мастерских. Монахов подвергали оскорблениям. Хронист — очевидец восстания — дает образное описание обстановки, создавшейся в самом монастыре после начала восстания. «Никого из нас, — пишет автор, — не называли по имени, но только горлопанами и пьяницами...» Аббат и монахи «сидели, запершись в кельях, как мыши в своих норах». Горожане, как утверждает анонимная хроника, намеревались разделить владения монастыря².

Создан был совет, в котором участвовали кастильцы и французы. Каждая из этих групп имела своего ме-рино. Во главе восставших стояли некие Санчианес и Гилельмо Фалькон. Горожане продолжали высказывать враждебное отношение к Урраке и ее окружению. По сообщению анонимной хроники, они «называли ее обманщицей и проституткой, а всех ее приближенных — беззаконниками, лжецами и клятвопреступниками».

¹ *Escalona R. Historia...*, Apend I, CXVIII.

² *Ibid.*, CXXXIX; CXLVIII.

Участники восстания требовали от монахов капитула, чтобы они подписали грамоту, которая закрепила бы создавшееся положение. Но монахи отказались, ссылаясь на то, что это может сделать только аббат. Руководители восстания пытались установить контакты с горожанами Карриона и Бургоса. Между тем аббат Саагунского монастыря заручился поддержкой папы Пасхалия II. В особой грамоте папа осудил восставших и подтвердил право аббата «вязать и разрешать», его власть над мирянами и клириками во владениях Саагуна, призвал его подавить «высокомерие» саагунцев¹.

Среди восставших начались раздоры. Французский граф, возглавлявший арагонцев в Саагуне, изгнал оттуда кастильцев. Угроза отлучения ускорила примирение горожан с королевой Урракой и аббатом. Но горожане поставили условием примирения признание тех вольностей, которых они ранее уже добились, и королева на это согласилась.

Умиротворение оказалось непродолжительным, так как часть французов отказалась повиноваться Урраке. Сделана была попытка снова открыть ворота города арагонскому королю. Заговор был раскрыт, многих его участников изгнали из города. Частично было восстановлено старое фуэро Альфонса VI. Но маньерия уже не сохранилась, а вместо печного баналитета стали выплачивать денежный взнос. Изгнанным горожанам разрешили вернуться. Фактически сохранился и консехо, официально признанный в 1152 г. Альфонсом VII. Фуэро, предоставленное Саагуну этим королем, начиналось с положения, разъясняющего, что оно предназначено устранить раздоры между аббатом и горожанами. Фуэро носило компромиссный характер. Оно сохраняло власть аббата над населением, запрещая жителям данных владений иметь другого какого-либо сеньора, кроме аббата. Вергельды и композиции за преступления выплачивались по-прежнему монастырю. В то же время фуэро признавало свободу торговли для людей Саагуна без прежних ограничений; совет получил право вмешиваться в выборы меринос, наряду с аббатом. Эти два мерино, один для кастильцев, другой для французов, назначались совместно аббатом и консехо. Ограничено

¹ См.: *Escalona R. Historia...*, Apend. III, Escr. CXLVIII.

было право меринос и сайонов входить в жилища обитателей Саагуна.

Полной автономии обитатели Саагуна не добились и в XIII в. Фуэро 1255 г. повторяет прежнее положение о том, что все жители монастыря должны быть вассалами аббата. В судебных делах консехо делил власть с аббатом.

Почти одновременно разворачивалось движение в другой крупной церковной сеньории—Сантьяго де Компостела. Здесь в XI в. также складывается городской центр, находившийся под властью епископа Сантьяго. В этом городе, где ремесло и торговля достигли относительно высокого уровня развития, горожане к XII в. еще не участвовали в управлении. Правда, в 1105 г. горожанам было предоставлено фуэро, в котором им жаловались некоторые вольности и фиксировались их повинности. На территории сеньории Сантьяго, в приходах периодически происходили собрания кабальерос, священников и крестьян, на которых рассматривались жалобы жителей сеньории. Но власть оставалась в руках церковной администрации.

Так же как и в Саагуне, выступление горожан и крестьян против сеньории облегчалось усобицами в королевстве. Епископ Компостелы Гельмирес был активным участником внутренней борьбы, выступая то в качестве противника, то союзника королевы Урраки.

Когда епископ вместе с одним из магнатов графом Трабой сделал попытку лишить Урраку власти, горожане Сантьяго в 1116 г. восстали против своего сеньора. Они объявили епископа мятежником и открыли ворота города королеве. Зачинщиками, по утверждению хрониста, были некие «влиятельные горожане» (*potentiores*), сумевшие привлечь к себе народ. Они «создали тайное сообщество, которое называли эрмандадой. И для того, чтобы укрепить это сообщество, объединились все клятвой с тем, чтобы помогать друг другу против всех людей...»¹. Действия восставших сходны с теми, которые имели место в Саагуне. Мятежники захватили господство в городе, разрушили дворцы, угрожали смертью своим противникам. Участники эрмандады устраивали свои собрания еженедельно и приходили на них вооруженными.

¹ *Historia Compostellana*..., p. 216.

Епископ первоначально сохранял вне города свою власть. Но позднее против церковного сеньора выступили и крестьяне альфоса. Автор «Истории Компостелы», относившийся к восставшим не менее враждебно, чем монах, написавший хронику Саагуна, отмечает, что мятежники все разрушали и искореняли, «как это в обычае у сервов и крестьян, которые получили возможность править»¹. О требованиях восставших нет даже таких скудных сведений, какие имеются о движении в Саагуне. В известной степени можно судить о программе восстания на основании сведений о режиме, установленном эрмандадой в городе. Хронист отмечает, что на протяжении почти целого года епископ был лишен власти и юрисдикции; население не подчинялось распоряжениям королевы; «... не меньшие обиды были нанесены магнатам и знатым людям Галисии...». Руководители восстания чувствовали себя «как бы королями»². Можно заключить, что эрмандада взяла власть в свои руки в городе. Нанесен был удар и по феодальным сеньориям в округе, как это произошло и во время восстания в Саагуне.

В 1117 г., когда Уррака находилась в Сантьяго вместе с епископом Гельмиресом, произошла новая вспышка мятежа. Народ разгромил дворец, сжег церковь. Королева и епископ были осаждены в башне. Восставшие разрешили королеве выйти из башни, но подвергли ее оскорблениям. Епископ бежал, переодевшись нищим. Некоторые его приближенные были убиты.

Руководители восстания приняли решение упрочить эрмандаду, укрепить стены города и вал и готовиться отразить нападение. Королева, освободившись ценой ряда уступок восставшим, собрала силы и стала готовить наступление на Сантьяго. Часть горожан вступила в переговоры с королевой и епископом. Было заключено соглашение, согласно которому эрмандада распускалась, горожане выплачивали штраф в одну тысячу марок серебром и возвращали все имущество, захваченное у королевы и епископа; сто человек из числа активных участников мятежа (горожане и клирики) были изгнаны, а их дома и владения отобраны. Все жители приносили клятву в верности королеве и епископу. По су-

¹ *Historia Compostellana...*, p. 226—227.

² *Ibid.*

шеству сеньориальная власть епископа была восстановлена.

В 1136 г. в Сантьяго снова вспыхнуло восстание, возглавленное неким Вилельмом Сигинедом. В нем приняло участие большинство горожан. Повторились в известной мере события 1117 г.: разграбление дворца, нападение на архиепископа и его бегство. Архиепископ жаловался на горожан церковному собору в Бургосе¹.

В 1155 г. произошло восстание в Луго. Этот город находился под властью сеньора — епископа. В его владениях были не только колласос, но и сервы. Горожане имели консехо, вступивший в конфликт с епископом. Король Фернандо II первоначально сделал ряд уступок консехо, но в 1159 г. восстановил сеньориальную власть епископа. Горожане вновь взяли за оружие, создали эрмандаду, отказались служить епископу, захватили часть церковного имущества и освободили сервов. Фернандо II, прибыв в 1161 г. в Луго, принял меры к подавлению восстания. Он издал декрет, предусматривавший роспуск эрмандады и «бесчестных сообществ». Запрещалось носить оружие в городе, восстанавливалась власть епископа, которому обязаны были служить «свободные, как свободные, сервы, как сервы». Принимались меры к охране целостности имущества церкви. Епископ удерживал свою юрисдикцию над населением².

В 1249 г. вспыхнуло восстание против власти епископа в городе Туэе. Горожане с оружием в руках ворвались в церковь, напали на клириков. Консехо, возникший еще до восстания, расширил свои права. Хроника сообщает, что епископ не мог осуществлять судебные функции. Король заставил консехо признать сеньориальную власть епископа и уплатить одну тысячу мараведи штрафа. Король объяснял относительную мягкость наказания тем, что «епископ и капитул совершили дурные и незаконные деяния... по отношению к консехо....».

Из приведенных данных видно, что основным содержанием упомянутых движений была борьба за устранение или ограничение власти сеньора над городом, создание самоуправления. В этом отношении восстания в Галисии и Леоне близки к так называемым «коммунальным революциям» в северной Франции. В историче-

¹ Historia Compostellana..., p. 572—578.

² См.: González J. Regesta de Fernando II. Madrid, 1943, p. 248—250.

ской литературе уже отмечалось, что само описание организации восставших горожан у автора «Истории Компостелы» и в хронике Гвиберта Ножанского почти совпадает. Вместо термина «коммуна» для обозначения сообщества горожан в Галисии употребляется выражение «эрмандада». Так же как и к северу от Пиренеев, восставшие вели борьбу за самоуправление и освобождение от феодальных повинностей.

Народные движения в Испании направлены не только против сеньоров, но и против королевских должностных лиц (разгром дворцов, принадлежавших королевскому дому). Но вряд ли в этом случае следует видеть специфическую черту данных движений. Нападения на королевских агентов и захват королевского имущества не дают оснований усматривать в крестьянском движении антироялистские тенденции (известно, что разгром королевских дворцов крестьянами Кента и Эссекса в 1381 г. не мешал им провозглашать свою верность королю Ричарду II).

Городские движения в королевствах Леоне и Кастилии иногда переплетались с восстаниями крестьян, что вполне объяснимо близостью социального состава городского и сельского населения в этой стране. Правда, это не означало, что горожане и крестьяне выступали солидарно: скорее их движения развертывались параллельно. Имели место случаи, когда крестьяне выступали под руководством какого-либо кабальеро. А во время восстания в Саагуне они вместе с крупными землевладельцами перестали поставлять продукты на городской рынок¹.

Французский исследователь Ж. Готье-Дальше отмечает, что эрмандада, в отличие от коммуны, была лишь средством борьбы, а не целью. Эрмандада не представляла собой городской общины, как в городах северной Франции, не была постоянной организацией, а сообществом людей, связанных клятвой и преследующих определенные политические цели². Это замечание справедливо, но следует учитывать, что в рассматриваемых слу-

¹ См.: Historia Compostellana..., p. 442; Escalona R. Historia..., Apend. I, p. 834.

² См.: Gautier-Dalché J. Les mouvements urbaines dans le Nord-Ouest de l'Espagne au XII-ème siècle. Influence étrangère ou phénomène originaux? Relaciones hispano-francesas a través del tiempo. Madrid, 1968, p. 59.

чаях в испанских городах эрмандасы и не достигли своих целей. Поэтому трудно определить, какова была бы дальнейшая эволюция этого института в случае успеха городских движений.

В XII в. в Кастилии развивается и внутригородская борьба. Основное содержание ее составляют столкновения между городской верхушкой — кабальерос, с одной стороны, простыми горожанами — с другой. Об этой борьбе источники сообщают очень мало. По-видимому, столкновения вызывались захватом кабальерос городского управления, которое они использовали для утверждения своих привилегий.

В 1158 г. произошло восстание в Саморе. В этом городе имелось относительно большое число ремесленников. Конфликт, начавшийся из-за незначительного повода — спора по поводу покупки форели у рыбака между неким сапожником и экономом знатного лица, — привел к столкновению между простым народом и кабальерос города. Знать, собравшаяся в церкви, в том числе и сын королевского майордома в Саморе, были там осаждены. Церковь подожгли, и все кабальерос погибли. Часть мятежников, опасаясь мщения короля, бежала на португальскую границу. Но вскоре беглецы были амнистированы и вернулись в город, а королевский наместник смещен¹.

Борьба между городской верхушкой и простым народом происходила и в XIII в. Так, например, в Авиле эти столкновения привели к тому, что кабальерос, захватившие городское управление, после вооруженной борьбы изгнали из города своих противников (*guanos*). В Убеде же в начале XIV в. исход борьбы оказался неблагоприятным для кабальерос: им пришлось покинуть город.

Некоторые фуэрос содержат постановления, запрещающие создание тайных сообществ (*cofradías*), которые могут повредить вилле, и всякие мятежные действия, устанавливают строгие кары за ношение оружия².

Все эти постановления свидетельствуют о том, что столкновения внутри консехос были в Кастилии, в городах, пользовавшихся самоуправлением, повседневным

¹ См.: *González J. Regesta...*, p. 26—28.

² Фуэро Эскалоны, например, назначает для тех, кто ходит по городу или деревне с ножом, штраф в 5 мараведи.

явлением. Специфический характер городов Кастилии данной эпохи определял своеобразие этой борьбы: в ней не выражены черты, присущие социальным конфликтам в городах промышленно развитых стран Западной Европы. Можно согласиться с испанским исследователем Арагоненсесом, который отмечает, что и в XIV в. городские движения в Кастилии лишены «буржуазного» и «индустриального» характера. Мы не находим данных об отражении в этой социальной борьбе самостоятельных целей ремесленников и купцов. Но нет оснований соглашаться с утверждением исследователя, будто в городах Кастилии «люди труда» не вели социальной борьбы¹. Приведенные выше факты показывают, что низшие слои городского населения вели борьбу против городской верхушки, хотя в Кастилии это происходило не в такой острой форме, как в Галисии.

В Леоне и Кастилии не получили значительного распространения и еретические движения, которые приобрели в этот период большой размах в южной Франции и Италии. Но в начале XIII в. в Леоне появились альбигойцы. По сообщению известного испанского церковного деятеля Луки де Туй, принимавшего активное участие в борьбе против этой ереси, альбигойцы в Испании, как и их единомышленники по ту сторону Пиренеев, были иконоборцами, отрицали учение католической церкви об аде и чистилище, оспаривали значение индульгенций, осуждали поклонение гробницам святых, имевшее в Испании столь важное значение для церкви. Они нередко препятствовали нормальному ходу богослужения. Руководителем альбигойцев в Леоне был некий Арнальдо, француз по происхождению².

О социальном составе сторонников этой ереси, о степени их влияния на массы населения в источниках нет сведений. Но ясно, что церковь и светские власти увидели в этом движении серьезную угрозу существующему порядку. Ордена доминиканцев и францисканцев принимали деятельные меры для того, чтобы оторвать от альбигойцев их сторонников. Самых же еретиков сжигали. В фуэрос, которые король давал Кордове, Се-

¹ См.: *Aragonenses M. J. Los movimientos y luchas sociales en la baja Edad Media, Estudios de historia social de España, t. I, 1949, p. 136, 378.*

² См.: *Menendez Pelayo M. Historia de los heterodoxos españoles. Madrid, 1880, p. 441—443, 447—448.*

вилье, Кармоне, были включены положения о смертной казни и конфискации имущества для лиц, уличенных в ереси.

Сведения, которыми мы располагаем о народных движениях в Леоно-Кастильском королевстве, позволяют сделать вывод, что классовая борьба крестьян и городских низов в этой стране не отличалась существенно от соответствующих движений в других странах Европы. Крупных крестьянских восстаний, как известно, не происходило в XI—XIII вв. ни во Франции, ни в Англии. Основными формами борьбы крестьян, помимо бегства, были повседневное сопротивление сеньорам, королевским чиновникам, стремившимся увеличить феодальную ренту, взимающуюся в той или иной форме с крестьян, и узколокальные бунты. Борьба горожан против феодальной знати за независимость вела к освобождению от феодальной эксплуатации или к сужению ее действия.

Отмечая как особенность социального строя Леоно-Кастильского королевства наличие значительных масс свободного крестьянства и вольных городов, мы должны учитывать, что это нельзя объяснять только специфическими условиями Реконкисты и колонизации. Важнейшую роль в создании указанного положения играла борьба самих народных масс против феодальной эксплуатации.

Заключение

Как видно из вышеизложенного, условия исторического развития Испании в эпоху средневековья были весьма своеобразны. Переход от античности к средневековью начинался здесь, как и в ряде стран Западной Европы, с крушения римского политического порядка и образования варварского королевства. Вестготское королевство служило формой, в которой осуществлялось взаимодействие элементов разлагавшегося римского рабовладельческого и варварского общества, происходил процесс феодализации.

Однако еще до того, как завершился этот процесс, Вестготское раннефеодальное государство было уничтожено мусульманским завоеванием; в социальных отношениях произошли глубокие изменения, естественное развитие феодализма было прервано.

На большей части полуострова позиции формировавшегося класса феодальных крупных землевладельцев были подорваны; если местные магнаты и сохранили частично свои владения, то политическое господство было ими утрачено. Новое государство представляло интересы иноземной служилой знати; получили широкое применение формы эксплуатации непосредственных производителей, характерные для восточных средневековых государств. Мусульманская Испания оказалась включенной в экономическую и политическую систему халифата и оставалась тесно связанной с ним и после приобретения Аль-Андалузом самостоятельности. Очевидно, и здесь существовали феодальные элементы и проявились тенденции к феодальному развитию, но у нас нет данных о том, что ко времени решающих успехов Реконкисты эти тенденции уже привели к победе феодализма. Преемственность с раннефеодальным вестготским государством сохранялась на севере, где уцелели христианские политические образования. Но они являлись экономически наименее развитыми районами страны, где население было редко, преобладало скотоводство. Условия были малоблагоприятны для интенсивного развития феодального уклада. Раннефеодальный этап здесь в условиях Реконкисты оказался необычно

продолжительным, по сравнению со странами классической формы генезиса феодализма.

Для формирующегося господствующего класса важнейшим источником получения избыточного продукта стало приобретение новых земель путем завоевания занятых мусульманами территорий и их колонизации. В получении новых земель было заинтересовано и крестьянство. Рабам и зависимым крестьянам уход на новые земли сулил свободу. В условиях Реконкисты в течение длительного времени сохранялся значительный слой свободных мелких земельных собственников; в свободных деревнях — бегетриях, а также в консехос устойчивыми оставались общинные формы организации. Там, где уже возникала личная зависимость крестьян, она проявлялась, как правило, в менее тяжелых формах, чем французский серваж. Крепостничество вообще не получило распространения. Слой сервов — наследников испано-римских и вестготских рабов — постепенно перестал играть существенную роль в экономике страны.

Слабое развитие производительных сил (по сравнению со странами Западной Европы) выразилось, в частности, в замедленности отделения ремесла от сельского хозяйства. Города, возникавшие в XI—XII вв. в Леонско-Кастильском королевстве, в большинстве своем не являлись центрами ремесленного производства в такой мере, как это характерно для феодального города в экономически более развитых странах. Руководящую роль в леонско-кастильских городах играют не купцы и ремесленники, а кабальерос, т. е. в основном средние и мелкие землевладельцы.

Таким образом, нельзя не признать, что сторонники концепции «нефеодального» характера социального строя Леона и Кастилии справедливо отмечают ряд особенностей исторического развития данных стран. Важно, однако, правильно оценить значение этих особенностей: выводят они общественное устройство Леона и Кастилии за рамки феодального строя, или же они фиксируют определенный этап феодального развития и отражают лишь своеобразие феодализма в этих странах?

Для решения этого вопроса прежде всего необходимо ответить на вопрос: существовал ли феодальный уклад хозяйства в Леоне и Кастилии в изучаемую эпоху? Мы видели, что крупное феодальное землевладение, представленное вотчинами светских магнатов, церков-

ных корпораций и короны, существовало уже в ранний период истории этих королевств и непрерывно росло. Этого по существу не отрицают и противники «нефеодальной концепции», признавая наличие «сеньориального режима» в данных странах.

Существование значительных масс свободных крестьян не означает того, что эти крестьяне вовсе не находились в феодальной зависимости. Соларьегос и колласос, которые несли повинности в пользу сеньоров и подвергались известным ограничениям в праве ухода, находились в поземельной зависимости от вотчинников, а частично и в личной. Будучи юридически свободными людьми, они подвергались феодальной эксплуатации.

Крестьяне бегетрий оставались мелкими земельными собственниками. Но часть их оказалась уже в XII—XIII вв. в зависимости от сеньоров и выполняла в их пользу различные повинности, хотя и обладала свободой передвижения. Правда, еще и в XIV в. сохранялись бегетрии, не находившиеся в зависимости от сеньоров, и члены их несли повинности лишь в пользу короля. Основная масса мелких земельных собственников городских общин — консехос тоже несла повинности только в пользу государства. Хозяйство мелких земельных собственников представляло собой уклад, сосуществовавший с феодальным укладом. Это явление характерно не только для Леона и Кастилии, но и для большинства других стран средневековой Европы, хотя на Пиренейском полуострове этот уклад обладал особенно большим удельным весом. Но если вспомнить, какое место в экономике феодальной России еще в XV—XVI вв. занимало черносошное крестьянство, то наличие значительного слоя свободных крестьян в Леоне и Кастилии не будет казаться феноменом, несовместимым с феодальным строем. Важно также то, что и зависимое и свободное крестьянство находилось в общей феодальной системе общественного и государственного устройства.

Мы видели, что для экономики Леона и Кастилии характерно наличие иерархической структуры земельной собственности. Правда, эта иерархия не приобрела столь законченной формы, как во Франции X—XI вв. Бенефиции в большинстве своем не превратились в феодалы, не было столь тесного переплетения бенефиция и вассалитета как к северу от Пиренеев. Но считать это признаком «недоразвитости» леоно-кастильского феода-

лизма можно лишь в том случае, если принять точку зрения тех исследователей, которые видят существенные признаки феодализма не в феодальной собственности и феодальной социальной структуре, а в институтах феода и вассалитета в их законченной форме.

Сравнительно-исторический анализ стран средневековой Европы показывает, что феодализм существовал и в таких странах, где иерархическая структура земельной собственности оставалась и в менее развитой форме, чем в изучаемых странах. Точно так же некоторые черты, присущие государственному устройству Леона и Кастилии — относительно значительная централизация, сохранение королевской властью ряда важных регалий, отсутствие юридически закрепленной наследственности графских должностей и т. п., — не мешают признать леоно-кастильское государство феодальным. Важен прежде всего тот факт, что данное государство выражало в своей политике интересы господствующего класса крупных землевладельцев, светских и церковных. Расширение базы королевской власти в результате опоры также и на городскую верхушку, т. е. на городских идальгос и кабальерос-вилланос городов, не изменило положения. К тому же и ряд характерных для феодального политического устройства черт — патримониальный характер королевской власти, иммунитеты, предоставление территориальных округов в управление светским магнатам и епископам, партикуляристские тенденции магнатов — в той или иной мере присущи Леону и Кастилии изучаемого периода.

Таким образом, нет оснований сомневаться в феодальном характере общества и государства Леона и Кастилии. В то же время следует учитывать особенности процесса феодализации в этих странах. Реконкиста и общие естественные и исторические условия общественного развития на полуострове привели к тому, что феодализм в рассматриваемый период рос здесь не столько «вглубь», сколько «вширь». Стремление феодалов к увеличению ренты осуществлялось в значительной мере путем захвата военной добычи и новых земель, при отсутствии нужного количества рабочих рук. Это оказывало свое влияние на форму вотчины, на статус непосредственных производителей, вело к тем особенностям экономической и социальной структуры, а также поли-

тического устройства, которые были охарактеризованы выше.

С конца XI в. присоединение новых территорий, превосходивших по экономическому уровню очаги Реконкисты (в этом — существенное отличие от завоевания некоторыми европейскими средневековыми государствами экономически более отсталых стран, например, Англией, Ирландией), значительно ускорило развитие феодальных отношений в Леоно-Кастильском королевстве, происходившее до того времени замедленно. Все изложенное о социально-экономическом и политическом строе в изучаемых странах Пиренейского полуострова дает нам основания говорить о леоно-кастильском варианте феодализма, наряду с каталонским, французским, английским и т. п., но не о «несложившемся» феодализме северо-западной и центральной частей Пиренейского полуострова.

Краткая библиография

Маркс К. Революционная Испания. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10.

* * *

Альтамира-и-Кревеа. История Испании, пер. с исп. М., 1951.

Варьяш О. И. О наличии свободного крестьянства в Старой Кастилии X—XI вв. — «Проблемы всеобщей истории». М., 1974.

Корсунский А. Р. Города Испании в период становления феодальных отношений (V—VI вв.) — «Социально-экономические проблемы Испании». М., 1965.

Корсунский А. Р. Готская Испания. М., 1969.

Кудрявцев А. Е. Испания в средние века. Л., 1937.

Кудрявцев А. Е. Основные проблемы изучения средневековой Испании. — «Культура Испании». М., 1940.

Леву-Провансаль Э. Арабская культура в Испании, пер. с франц. М., 1967.

Луцицкий И. В. Поземельная община в Пиренеях. — «Отечественные записки», 1883, № 10—12.

Луцицкий И. Бегетрии. — «Университетские известия», 1882, № 10, Киев.

Менендес Пидаль Р. Избранные произведения, пер. с исп. М., 1961.

Мильская Л. Т. К вопросу о характере землевладения в Астурии IX—XII вв. — «Средние века», 1967, вып. 30.

Мишулин А. В. Античная Испания до установления римской провинциальной системы в 197 г. до н. э. М., 1952.

Пискорский В. К. История Испании и Португалии. СПб., 1909.

Пискорский В. Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новому времени. Киев, 1897.

Пичугина И. С. Из истории средневековых общин-бегетерий Кастилии. — «Социально-экономические проблемы истории Испании». М., 1965.

Фрязинов С. В. Феодальная борьба за земли во владениях монастыря в Онье. — «Ученые записки Горьковского университета», вып. 88, ч. 2. Горький, 1968.

Фрязинов С. В. Феодальное землевладение и хозяйство монастыря св. Торибия в Льеване в XI — начале XIV в. — «Социально-экономические проблемы истории Испании». М., 1965.

Фрязинов С. В. Феодальное землевладение и хозяйство кастильского монастыря в Онье XI—XIII вв. — «Ученые записки Горьковского университета», 1965, вып. 67; 1971, вып. 109.

* * *

Ballesteros y Beretta A. Historia de España y su influencia en la historia universal, t. I—II. Barcelona — Buenos-Aires, 1943—1944.

Barbero A. y Vigil M. Sobre los orígenes sociales de la Reconquista. Barcelona, 1974.

Cagigas J. de las. Minorías étnico-religiosas de la Edad Media española. Los Mozárabes, t. I. Madrid, 1947.

Cárdenas F. de. Ensayo sobre la historia de la propiedad territorial en España, t. I—II. Madrid, 1873.

Carlé M. del C. Del concejo medieval Castellano-Leones. Buenos Aires, 1968.

Concha J. de la. Consecuencias jurídicas, sociales y económicas de la reconquista y repoblación. — «La Reconquista española y la repoblación del país». Zaragoza, 1951.

Concha J. de la. La Presura. Madrid, 1946.

Costa J. Colectivismo agrario en España. Madrid, 1898.

Dubler C. Über das Wirtschaftsleben auf der iberischen Halbinsel vom XI zum XIII Jahrhundert. Genève—Erlangen—Zürich, 1943.

Ferrari A. Castilla dividida en dominios según el Libro de las Behetrías. Madrid, 1958.

Floriano Cumbreño A. C. Estudios de historia de Asturias. Oviedo, 1962.

Garcia Gallo A. El imperio medieval español. Arbor IV (1945).

Gautier-Dalché J. Le domaine du monastère de Santo Toribio de Liébana. Anuario de Estudios Medievales, II, 1965.

Gautier-Dalché J. Les mouvements urbains dans le Nord—Ouest de l'Espagne au XII-ème siècle. Relaciones hispano-francesas a través del tiempo. Madrid, 1968.

Gibert R. Los contratos agrarios en el derecho medieval. — «Boletín de la Universidad de Granada», vol. XXII, 1950.

Gibert R. El antiguo consejo de Castilla. Madrid, 1964.

Conzález J. Reconquista y repoblación de Castilla, León, Extremadura y Andalucía. — «La Reconquista española y la repoblación del país». Zaragoza, 1951.

Conzález J. Repartimiento de Sevilla. Madrid, 1951.

Grassotti H. Las instituciones feudo-vassaláticas en León y Castilla, t. I—II. Spoleto, 1969.

Guglielmi N. La Curia regia en León y Castilla, Cuadernos de Historia de España, XXIII—XXIV (1955); XXVIII (1958).

Guglielmi N. La dependencia del campesino no-propietario. — «Anales de historia antigua y medieval», v. 13, 1967.

Gutton F. La chevalerie militaire en Espagne. L'ordre de Calatrave, Paris, 1955.

Hinojosa E. de. Origen del régimen municipal en León y Castilla. Estudios sobre la Historia del derecho español. Madrid, 1903.

Hinojosa E. El elemento germanico en el derecho español. Obras, II, Madrid, 1955.

Historia de España dir por R. Menéndez Pidal, t. VI, España Cristiana. Madrid, 1964.

- Klein J.* The Mesta. Cambridge, 1922.
- Lacarra J. M.* Les villes-frontières dans l'Espagne des XI-e et XII-e siècles. Le Moyen Age, 1963.
- Lévi-Provençal E.* Histoire de l'Espagne musulmane, v. I—III, 1950—1953.
- Lévi-Provençal E.* L'Espagne musulmane au X-e siècle. Paris, 1932.
- Lourie H.* A society organized for War. Medieval Spain. Past and Present, N 35, 1966.
- Maravall J. A.* Sobre el concepto de Monarquía en la Edad Media Española. Estudios dedicados a Menéndez Pidal, V, Madrid, 1954.
- Menéndez Pidal. R.* La España del Cid, v. I—II. Madrid, 1969.
- Moreno L. Garcia.* El fin del reino visigodo de Toledo. Madrid, 1975.
- Moxó S. de.* Los Señoríos. Hispania, vol. XXIV, 1964, N 94.
- Moxó S. de.* Feudalismo europeo y feudalismo español. Hispania, 1964, N 93, vol. XXIV.
- Moxó S. de.* Sociedad, estado y feudalismo. Revista de la Universidad de Madrid, I, v. XX, N 78, 1971.
- Pérez de Urbel J.* Reconquista y repoblación de Castilla y León durante los siglos IX y X. La Reconquista Española y la repoblación del país, Zaragoza, 1951.
- Pérez Prendes J. M.* Cortes de Castilla y Cortes de Cádiz, Revista de Estudios Políticos, 126, 1963.
- Pescador C.* La caballería popular en León y Castilla, Cuadernos de Historia de España, XXXIII—XXXIV, 1961; XXXV—XXXVI (1962); XXXVII—XXXVIII (1963); XXXIX—XL (1964).
- Prieto Bances R.* La explotación rural del dominio de San Vicente de Oviedo en los siglos X al XIII. — «Boletín de Faculdade de Direito», vol. XIV—XVII, 1937—1941, Coimbra.
- Sánchez-Albornoz C.* En torno a los orígenes del feudalismo, I—III. Mendoza, 1942.
- Sánchez-Albornoz C.* Estudios Visigodos, Roma, 1971.
- Sánchez-Albornoz C.* Estudios sobre las instituciones medievales españolas. Mexico, 1965.
- Sánchez-Albornoz C.* España — un enigma histórico, v. 1—2. Buenos-Aires, 1957.
- Sánchez-Albornoz C.* Una ciudad de la España Cristiana hace mil años. Madrid—Mexico—Buenos-Aires, 1966.
- Sánchez-Albornoz C.* Pequeños propietarios libres en el Reino astur-leónés: su realidad histórica. Agricultura e mondo rurale in Occidente nell'alto Medioevo. Spoleto, 1966.
- Sánchez Candeira A.* El «Regnum» — «Imperium» leonés hasta 1037. Madrid, 1951.
- Santos Díez J. L.* La encomienda de monasterios en la Corona de Castilla. Madrid—Roma, 1961.

Simonet F. J. Historia de los Mozárabes de España. Madrid, 1897—1903.

Valdeavellano L. G. de. El pretestimonio. Anuario de historia del derecho español, XXV, 1955.

Valdeavellano L. G. de. Origen de la burguesia en la España medieval. Madrid, 1960.

Valdeavellano L. G. de. Les liens de vassalité et les immunités en Espagne. Recueils de la société Jean Bodin, I, 1958.

Valdeavellano L. G. de. Curso de las instituciones españolas. Madrid, 1968.

Vasquez de Parga L. La revolución comunal de Compostela en los años 1116 y 1117. Anuario de historia del Derecho español, XVI, 1945.

Velayos S. M. El monasterio de San Pedro de Cardeña. Salamanca, 1971.

Vicens Vives J. Manual de historia económica de España, t. I. Barcelona, 1959.

	Стр.
Введение	3
1. Проблема испанского феодализма	5
2. Природные условия	9
3. Формирование народов Испании	12
Глава I. Исторические судьбы Испании	15
1. Античная Испания	15
2. Готская Испания	18
3. Мусульманская Испания	28
4. Возникновение христианских государств на Пиренейском полуострове в VIII в. Основные этапы Реконкисты	39
Глава II. Социально-экономические отношения в Астури- Леонском королевстве в VIII—X вв.	50
1. Социальные отношения в Астурии и Леоне	50
2. Мелкие земельные собственники в Астури-Леонском королевстве	53
3. Колонизация в IX—X вв.	54
4. Характер земельной собственности. Община	56
5. Зависимое крестьянство	63
6. Сервы и либертины	69
7. Социальная дифференциация среди свободных	72
8. Возникновение бегетрий	73
9. Крупное землевладение	76
10. Зарождение городов	79
Глава III. Политический и государственный строй Астури- Леонского королевства в VIII—X вв.	84
1. Королевская власть	84
2. Административное и военное устройство. Местное управление	86
Глава IV. Аграрный строй. Крестьянство. Крупное земле- владение в XI—XIII вв.	97
1. Развитие производства	97
2. Колонизация Кастилии, Леона, Эстремадуры и Андалузии	100
3. Зависимые крестьяне	105
4. Эволюция бегетрий	118
5. Крупное землевладение	125
Глава V. Знать в XI—XIII вв.	132
1. Рикос омбрес и инфансоны	132
2. Бенефиций и вассалитет	141
3. Иммунитет и энкомьенда	150
Глава VI. Города в XI—XIII вв.	154
1. Рост городских поселений и их характер	154
2. Население города и городское устройство	159
3. Города и королевская власть	166
4. Виллы и крупные землевладельцы	169
5. Ремесленники и купцы	171
6. Кабальерос-вилланос	176

Глава VII. Политический строй в XI—XIII вв.	182
1. Королевская власть	182
2. Королевская курия. Законодательство	183
3. Административная система	185
4. Судебная система	188
5. Налоговая система	189
6. Военная организация	190
7. Кортесы	193
Глава VIII. Военные ордена	206
Глава IX. Классовая борьба	215
Заклучение	229
Краткая библиография	234

П о п р а в к а

Абзац третий сверху на стр. 33 следует читать так:

Процесс расчленения крупных имений и оседания на них мелких земельных собственников, по утверждению испанского историка Кахигаса, принял особенно широкие размеры при Абдаррахмане III (912—961). Кахигас именует эти сдвиги «аграрной реформой»¹.

АЛЕКСАНДР РАФАИЛОВИЧ КОРСУНСКИЙ
ИСТОРИЯ ИСПАНИИ IX—XIII ВЕКОВ

(Социально-политические отношения и политический строй
Астури-Леонского и Леона-Кастильского королевства)

Редактор Н. А. Филоненко
Художник С. В. Митурич
Художественный редактор Т. А. Коленкова
Технический редактор А. К. Нестерова
Корректор Н. Д. Макейкина

А-04569 Сдано в набор 17/III 1976 г. Подп. к печати 23/VIII 1976 г. Формат
84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 2. Объем 7,5 печ. л. Усл. п. л. 12,6. Уч.-изд. л. 13,20.
Изд. № Ист.-141 Тираж 13 000 экз. Цена 57 коп. Зак. 526

План выпуска литературы для вузов и техникумов
издательства «Высшая школа» на 1976 г. Позиция № 25
Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14.
Издательство «Высшая школа»

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли. Хохловский пер., 7.